

ВОСПОМИНАНІЯ В. С. МЫШЕЦКАГО.

БЫШАЯСЬ напечатать нѣсколько открывковъ изъ моихъ воспоминаній, считаю не лишнимъ сказать предварительно нѣсколько словъ о самомъ себѣ и о причинахъ, побудившихъ меня приступить къ печатанію воспоминаній.

Девяти лѣтъ отъ роду, я былъ отданъ въ училище при корпусѣ военныхъ топографовъ и, въ 1847 году, по окончаніи курса, произведенъ въ офицеры. Въ 1848 г. я былъ командированъ въ Москву для обученія межевыхъ чиновъ военной съемкѣ, вмѣстѣ съ ними производилъ военно-топографическую съемку и составлялъ военную статистику въ губерніяхъ: Тверской, Владимірской, Ярославской, Нижегородской, Тамбовской и Рязанской. Въ 1867 году, я былъ командированъ на военно-топографическую съемку въ губерніи Саратовскую и Костромскую, въ 1868 году переведенъ на службу въ Петербургъ въ военно-топографическій отдѣлъ главнаго штаба, въ 1869 году утвержденъ начальникомъ военно-топографической съемки Петербургской губерніи, въ 1873 году произведенъ въ полковники и въ томъ же году вышелъ въ отставку и переселился въ Москву, гдѣ и живу въ настоящее время.

Изъ этого краткаго формуляра моего читатель можетъ видѣть, что въ теченіе моей службы мнѣ пришлось побывать во многихъ мѣстностяхъ Россіи и сталкиваться со множествомъ разнообразныхъ лицъ. Вспомнивъ теперь мое прошлое, я пришелъ къ убѣжденію, что кое-какіе эпизоды изъ него имѣютъ общій интересъ и заслуживаютъ быть обнародованными.

I.

Въ Зимнемъ дворцѣ.

Однажды, въ сороковыхъ годахъ, императоръ Николай Павловичъ, проѣзжая по Вознесенскому проспекту рано утромъ, когда всѣ воспитанники учебныхъ заведеній должны были находиться еще въ классахъ, замѣтилъ военнаго топографа въ простой классной курткѣ и фуражкѣ. Желая узнать, изъ какой роты топографъ, онъ взглянулъ на погонъ, но на послѣднемъ не оказалось никакого номера. Въ эту минуту топографъ увидѣлъ государя и бросился бѣжать. Государь хотѣлъ приказать остановить его, но тотъ юркнулъ въ первый проходной дворъ и скрылся.

На другой день послѣ этого происшествія вышелъ приказъ: представить его величеству въ Зимній дворецъ по два воспитанника отъ каждой роты топографовъ.

Я въ то время служилъ топографомъ при штабѣ гвардейскаго корпуса. Начальникъ штаба, генералъ Веймарнъ, приказалъ назначить ординарцами меня и моего товарища, Брагина. Призывали портныхъ, сняли съ насъ мѣрку, велѣли сшить намъ новые мундиры, заказали новые кивера, портупей, сабли и прочее; въ то же время насъ водили въ манежъ и учили маршировкѣ. Черезъ нѣсколько дней всѣ приготовленія были окончены, и назначенъ день, когда мы должны были представиться государю. На мое несчастье, возвращаясь однажды изъ манежа, я промочилъ ноги (казенные сапоги носились обыкновенно до тѣхъ поръ, пока не изнашивались совершенно), и у меня страшно разболѣлись зубы; но дѣлать было нечего: новую форму шили прямо на меня и на Брагина, и ни на комъ поэтому она уже не могла сидѣть такъ, какъ на насъ; слѣдовательно жалобы на зубную боль не привели бы ровно ни къ чему.

Утромъ, въ тотъ самый день, когда мы должны были представляться государю, зубная боль утихла; я обрадовался. Но когда товарищи увидали меня, то закричали: «Мышецкій, что съ тобой? у тебя лицо совсѣмъ кривое!». Мнѣ было не до смѣха, я побѣжалъ взглянуть въ зеркало, смотрю—все лицо какъ будто немного перекосило; оказалось, что у меня флюсъ. Что тутъ дѣлать? Пришелъ, между тѣмъ, нашъ ближайшій начальникъ, капитанъ Вуичъ, и приказалъ: мундиры, кивера и сабли отнести на главную гауптвахту Зимняго дворца. Я сообщилъ ему о неожиданной перемѣнѣ, происшедшей за ночь съ моей фizioноміей. Онъ разсмѣялся, но замѣнить меня все равно было нечѣмъ, и надо было подумать только о томъ, какъ поправить бѣду. Обратились къ корпусному штабъ-доктору Нагумовичу. Тотъ осмотрѣлъ меня и сказалъ, что я могу идти, только надо развязать тулюю у кивера и ослабить чешуйки.

На главной гауптвахтѣ насъ одѣли, осмотрѣли еще разъ со всѣхъ сторонъ и повели во дворецъ. Здѣсь насъ встрѣтилъ генералъ-квартирмейстеръ Бергъ и повелъ дальше. Мы миновали нѣсколько залъ и вошли въ небольшую сравнительно комнату. Бергъ сѣлъ въ кресло и разрѣшилъ намъ стоять вольно. Прошло минуты двѣ, вдругъ мы слышимъ откуда-то сверху команду:

— Смирно-о, стой, равняйся!

Мы моментально выстроились по командѣ. Бергъ разсмѣялся и показалъ намъ на двухъ огромныхъ бѣлыхъ попугаевъ, висѣвшихъ въ клѣткѣ надъ нашими головами, изъ которыхъ одинъ и командовалъ намъ. Попугай между тѣмъ продолжалъ кричать:

Ха-суда-рь, са-ал-да-ты при-шли!

Черезъ четверть часа вышелъ военный министръ и сказалъ, что сейчасъ выйдетъ государь. Мы построились въ одну шеренгу, причемъ съ праваго фланга стали два топографа главнаго штаба, затѣмъ я и Брагинъ, т. е. топографы гвардейскаго штаба, далѣе слѣдовали другіе. Вскорѣ вошелъ государь и поздоровался съ нами. Мы отвѣчали. Обойдя фронтъ, онъ обратился къ генералу Бергу и спросилъ:

— Сколько всѣхъ ротъ топографовъ?

— Двѣнадцать, ваше величество,—отвѣчалъ тотъ.

— Почему у нихъ нѣтъ на погонахъ нумеровъ?—спросилъ строго государь.

Бергъ ничего не отвѣтилъ.

— Нельзя узнать, къ какой ротѣ принадлежать они,—продолжалъ между тѣмъ государь и, подойдя къ двумъ правофланговымъ топографамъ главнаго штаба, спросилъ:

— Это топографы главнаго штаба?

— Такъ точно, ваше величество,—отвѣчали ему.

— Назначить имъ на погонахъ буквы Г. и Ш.; топографамъ гвардейскаго штаба имѣть на погонахъ № 1, далѣе будутъ слѣдовать номера по порядку.

Обойдя всѣхъ, онъ вышелъ на середину залы, пристально посмотрѣлъ на меня и, должно быть, замѣтилъ, что киверъ сидитъ у меня не такъ прочно, какъ у другихъ. Онъ подошелъ прямо ко мнѣ и ударилъ рукой по киверу сверху. Киверъ ушелъ мнѣ по плечи. Я стою, держа руки по швамъ, не смѣя пошевелинуться, и, конечно, ровно ничего не вижу.

— Что это значить?—слышу я, спрашиваетъ государь Берга.

Бергъ что-то тихо отвѣчаетъ ему, объясняя, вѣроятно, въ чемъ дѣло. Тогда государь командовалъ: «За фронтъ!»

Тутъ подошелъ ко мнѣ Бергъ, взялъ за руку и вывелъ изъ строя, затѣмъ съ усиліемъ стащилъ съ головы киверъ, причемъ я отъ нестерпимой боли, насколько могъ, плотнѣе сжалъ зубы; потомъ Бергъ досталъ свой носовой платокъ, подложилъ подъ тулюю

и застегнулъ чешуйки. Я снова занялъ свое прежнее мѣсто въ строю.

Государь скомандовалъ:

— Полуоборотъ направо!—Налѣво кругомъ!—Во-фронтъ!

Послѣ этого, онъ обошелъ еще разъ по фронту, осмотрѣлъ насъ съ головы до ногъ и сказалъ:

— Гдѣ же у нихъ поясные ремни отъ сабель?

— Подъ мундиромъ, ваше величество,—отвѣчалъ Бергъ.

Это было дѣйствительно такъ. Огромная, тяжелая желѣзная сабля, которая съ нами, воспитанниками младшихъ классовъ, была одного росту, когда мы становились во фронтъ,—держалась на широкомъ кожаномъ кушакѣ, надѣвавшемся подъ мундиръ, что было чрезвычайно неудобно.

— Это старина,—сказалъ государь,—отмѣнить и носить вмѣсто нихъ форменные суконные кушаки сверхъ мундира. Чикчиры—тоже старина, отмѣнить. А есть у нихъ карманы?—неожиданно обратился онъ къ Бергу.

— Никакъ нѣтъ, ваше величество, кармановъ по формѣ не полагается,—отвѣчалъ Бергъ.

— Гдѣ же у нихъ въ такомъ случаѣ хранятся всѣ необходимыя для съемки принадлежности: карты, кисти, краски, карандаши, готовальни и все прочее?—спросилъ государь.

— Карты помѣщаются въ чепракахъ, ваше величество, рисовальныхъ же принадлежностей во время похода они не имѣютъ, за исключеніемъ карандаша.

— Этого слишкомъ недостаточно и это неудобно,—замѣтилъ государь,—у нихъ всегда должны быть на лицо всѣ необходимыя рисовальныя принадлежности. Я видѣлъ,—продолжалъ государь послѣ небольшой паузы и какъ бы припоминая,—французскихъ докторовъ во время похода 1812 года; у нихъ былъ, при каждомъ, небольшой ящикъ, въ видѣ лядунки, прикрѣпленный къ кушаку, и въ этомъ ящикѣ находились: корпія, бинты, ланцеты, лѣкарства и прочія медицинскія принадлежности, необходимыя для оказанія первой помощи раненымъ. Эти лядунки помѣщались сзади и во время движенія нисколько не беспокоили; когда же надо оказывать помощь, докторъ передвигалъ поясъ, и передъ нимъ, какъ на столѣ, являлось все, что надо для перевязки. Я желаю,—прибавилъ государь,—чтобы у нихъ—онъ показалъ на насъ—были такія же лядунки со всѣми принадлежностями для съемки и рисованія.

Сказавъ это, государь подалъ руку Бергу, выразилъ свою благодарность военному министру, простился съ нами и ушелъ.

Черезъ нѣсколько времени форма наша была измѣнена согласно указаніямъ государя, и съ тѣхъ поръ мы имѣли при себѣ лядунки со всевозможными рисовальными принадлежностями.

II.

Черкесъ.

Дежурными по корпусу военных топографовъ назначались оберъ-офицеры того же корпуса, причемъ обязанность ихъ, какъ дежурныхъ, состояла въ томъ, чтобы слѣдить за порядкомъ вообще, присутствовать при утренней и вечерней молитвѣ воспитанниковъ, быть при нихъ во время обѣда и ужина, водить ихъ въ классы и въ чертежную.

Въ одинъ воскресный день дежурнымъ по корпусу назначенъ былъ штабсъ-капитанъ Горчаковъ.

Вечеромъ, когда всѣ воспитанники вернулись уже изъ отпуска и разошлись по камерамъ, послѣ сдѣланной имъ переключки Горчаковымъ, въ дежурную комнату вошелъ поручикъ Брюховъ, товарищъ Горчакова, человѣкъ очень богатый—онъ былъ владѣльцемъ нѣсколькихъ домовъ въ Петербургѣ,—въ сопровожденіи одного изъ воспитанниковъ, нѣкоего Власова.

Настоящая фамилія Власова, насколько помню, была Велигъ-бекъ, но у насъ его всѣ звали просто Власовымъ и «черкесомъ». Онъ былъ сынъ начальника какого-то непокорнаго аула на Кавказѣ. Послѣ сдачи аула, Власова, которому было тогда всего восемь лѣтъ, взяли въ качествѣ заложника въ Петербургъ, помѣстили сначала въ какой-то пансіонъ, гдѣ онъ воспитывался на счетъ отца, а затѣмъ перевели къ намъ въ корпусъ. Это былъ красивый brunetъ, съ живыми, умными, черными глазами, съ греческимъ носомъ и курчавыми черными волосами. Способности у него были необыкновенныя: онъ былъ всегда первымъ ученикомъ и первымъ репетиторомъ, поражалъ всѣхъ своими знаніями, а между тѣмъ уроковъ никогда не готовилъ. Сверхъ того, онъ великолѣпно говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, считался однимъ изъ первыхъ танцоровъ и первымъ фехтовальщикомъ (въ искусствѣ фехтованья онъ быстро достигъ такого совершенства, что никто не рѣшался вступать съ нимъ въ открытое состязанье). Находчивый, остроумный, хотя и насмѣшливый въ то же время, веселый, храбрый и даже отчаянный, онъ былъ любимъ не только товарищами, но и начальствомъ. Что касается офицеровъ, то большинство изъ нихъ позволяло Власову держаться съ ними на равной ногѣ. Мы видѣли и сестру Власова, красавицу въ полномъ смыслѣ слова, когда она пришла однажды навѣстить брата. Оказалось, что ее привезли въ Петербургъ въ одно время съ нимъ и отдали въ одинъ изъ институтовъ.

Войдя въ дежурную комнату, Брюховъ и Власовъ скинули сюртуки и расположились на диванѣ, а Горчаковъ отправилъ солдата за виномъ и закусками и велѣлъ готовить ужинъ. Какъ только по-

явились на сцену ужинъ и вино, поднялся громкій, оживленный говоръ, шумъ и смѣхъ, не умолкавшій до 12 часовъ ночи.

Когда пробило 12 часовъ, Брюховъ предложилъ Горчакову и Власову отправиться въ только что открывшійся тогда въ Петербургѣ ресторанъ, гдѣ прислуживалъ прекрасный полъ. Сборы были недолгіе. Горчаковъ и Брюховъ были готовы въ нѣсколько минутъ, и дѣло остановилось только за Власовымъ. Нельзя же было отправиться ему въ простой классной курточкѣ воспитанника. Думали, но ничего придумать не могли: вся наша амуниція хранилась подъ ключемъ въ шкафахъ цейхгауза, а ключи находились постоянно у ротнаго командира. Дѣлать было нечего, Власовъ пошелъ въ классной курткѣ.

Приѣхавъ въ ресторанъ, они потребовали себѣ отдѣльную комнату, фруктовъ, сигаръ и папиросъ. Скоро явились и красавицы. Имъ предложили шампанскаго и послали за конфетами. Онѣ не отказывались, но лишь только Брюховъ позволилъ себѣ безцеремонно обнять одну изъ прекрасныхъ сосѣдокъ и поцѣловать ее, какъ въ ту же минуту получилъ пощечину. Тогда онъ бросился на нее и вцѣпился ей въ волосы, но къ ней на помощь бросились ея подруги и принялись бить Брюхова. Горчаковъ и Власовъ также не остались равнодушными зрителями, и завязалась общая потасовка. На крикъ и шумъ прибѣжалъ самъ содержатель рестораана и мужская прислуга, но унять буяновъ не было никакой возможности. Хозяинъ, испробовавъ всѣ средства, послалъ наконецъ за полиціей. Явилась полиція, составили протоколъ. Брюховъ, успѣвшій тѣмъ временемъ нрѣйти въ себя прежде своихъ товарищей, предлагалъ полицейскому офицеру свои золотые часы и 100 рублей съ тѣмъ, чтобы только затушить какъ нибудь эту непріятную исторію, но попытка эта не имѣла успѣха: хозяинъ и потерпѣвшія красавицы слышать не хотѣли о примиреніи. Тогда Брюхова и Власова насильно повезли въ часть. Что касается Горчакова, то онъ, какъ ни былъ пьянъ, уловивъ удобную минуту, убѣжалъ, оставивъ въ ресторанѣ шинель и перчатки.

На улицѣ Брюховъ и Власовъ снова стали буянить и вырываться, не позволяли посадить себя на извозчика, такъ что пришлось ихъ связать. Въ такомъ видѣ привезли ихъ въ часть, заперли въ отдѣльную камеру, а къ дверямъ поставили часового, приказавъ неотлучно тутъ находиться.

Брюховъ легъ на диванъ, а Власовъ, мрачный и видимо взволнованный, ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ, тщетно изыскивая средства какъ нибудь вырваться изъ заключенія. Брюховъ могъ быть спокоенъ: у него были большія средства и большія связи, родственникомъ ему приходился между прочимъ и полковникъ Воробьевъ, нашъ преподаватель астрономіи, который могъ много сдѣлать для него; что касается Власова, то для него исторія эта должна была

кончиться очень плохо: его должны были непременно разжаловать въ рядовые и сослать на Кавказъ.

Сколько ни думалъ Власовъ, придумать ничего не могъ и сталъ совѣтоваться съ Брюховымъ. Но Брюховъ, съ своей стороны, могъ дать только одинъ совѣтъ: задарить всѣхъ. Впрочемъ, онъ самъ скоро согласился, что теперь это ужъ поздно.

Между тѣмъ, надо было спѣшить: рано утромъ объ этомъ происшествіи долженъ былъ послѣдовать докладъ оберъ-полицеймейстеру, а тотъ въ свою очередь въ 12 часовъ обязанъ былъ доложить государю.

Долго они говорили, перебирали всѣ казавшіяся возможными средства, но придумать ничего не могли (говорили они между собой, конечно, пофранцузски, чтобы часовой не могъ догадаться, о чемъ у нихъ идетъ рѣчь).

Власовъ увидалъ, наконецъ, что на товарища плохая надежда, тѣмъ болѣе, что тотъ былъ совершенно спокоенъ относительно ожидавшей его участи, и рѣшилъ, что надо дѣйствовать одному, надо думать о собственномъ спасеніи, о собственномъ бѣгствѣ. Черезъ минуту онъ подошелъ къ Брюхову.

— Слушай,—сказалъ онъ ему,—ты, братъ, быть можетъ, отдѣлаешься деньгами, или за тебя Воробьевъ похлопочетъ, а мнѣ одно остается: бѣжать во что бы то ни стало. Иначе я погибъ.

— Что ты?—удивился тотъ.—Куда ты бѣжишь? Вѣдь камера заперта, кругомъ часовые, караулъ...

— Такъ или иначе, а я бѣгу,—упрямо продолжалъ настаивать на своемъ Власовъ,—мнѣ теперь рѣшительно все равно, останусь ли я здѣсь ждать спокойно своей участи, или рѣшусь на побѣгъ, хотя бы и неудачный; и въ томъ и другомъ случаѣ мнѣ грозитъ одно: разжалуютъ и сошлютъ. Я ничѣмъ не рискую.

Брюховъ только покачалъ головой.

— Вотъ что,—прибавилъ Власовъ,—прикажи часовому подать стаканъ воды; остальное—мое дѣло.

Брюховъ понялъ, что Власовъ что-то придумалъ, и что онъ рѣшился дѣйствовать. Не возражая ни слова, спокойнымъ голосомъ онъ приказалъ часовому подать стаканъ воды.

Ничего не подозрѣвая и не находя, конечно, странной подобную просьбу, часовой пошелъ за водой; но лишь только онъ отворилъ дверь, Власовъ моментально бросился изъ камеры, въ одну минуту сбѣжалъ по лѣстницѣ на дворъ и стрѣлой пустился къ воротамъ. Ворота были заперты съ наружной стороны, и тамъ стоялъ часовой. Дѣйствовать надо было быстро; минута замедленія, и все пропало.

Власовъ рѣшительно постучалъ. Часовой окликнулъ.

— Свой,—отвѣчалъ Власовъ совершенно спокойно.

Часовой отодвинулъ задвижку, отворилъ калитку и выглянулъ, но въ ту же минуту Власовъ схватилъ его за погонь и съ такою

силою толкнулъ къ себѣ, что тотъ упалъ во дворъ. Власовъ выскочилъ въ калитку, заперъ ее снова на задвижку и пустился бѣжать.

На улицахъ не было никого: но скоро сзади слышались крики: «держи! лови! арестантъ бѣжалъ!».

Счастье Власова, что онъ догадался задержать свою погоню на нѣсколько минутъ у запертыхъ имъ воротъ: онъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, возможность быстро сообразить, что ему дѣлать. Бѣжать дальше было невозможно: вдали можно было различить уже нѣсколько темныхъ силуэтовъ, показавшихся на крики. Власовъ рѣшился спрятаться. Но куда? Онъ оглядѣлся. Невдалекѣ онъ замѣтилъ незапертые ворота у одного дома. Онъ вбѣжалъ во дворъ. На дворѣ стояла дождевая кадка, прикрытая рогожей. Этого было достаточно. Не обращая никакого вниманія на то, что кадка наполовину была наполнена водою, и слыша, что крики раздаются все ближе и ближе, Власовъ, не разсуждая болѣе, вскочилъ въ кадку и накрылся рогожей. Погоня между тѣмъ приближалась. Наконецъ Власовъ слышитъ, какъ нѣсколько человекъ вбѣгаютъ на дворъ, гдѣ онъ былъ спрятанъ, и начинаютъ звать дворника. Является дворникъ. Ему объясняютъ, что бѣжалъ арестантъ, и что онъ, по всей вѣроятности, спрятался гдѣ нибудь здѣсь, на этомъ дворѣ, такъ какъ нѣкоторые будто бы видѣли, какъ онъ бросился въ эти ворота. Начался обыскъ. Въ домѣ поднялся страшный переполохъ: разбудили всѣхъ жильцовъ, разспрашивали, обыскивали комнаты, но ничего не нашли. Заглянуть же въ кадку, которая стояла на дворѣ, никому и въ голову не пришло; дворникъ и жильцы отзывались полнымъ незнаніемъ. Между тѣмъ, нѣкоторые начали говорить, что напрасно теряютъ время, производя такой тщательный обыскъ, что этимъ даютъ только возможность скрыться арестанту, который и не думалъ здѣсь прятаться, а что тѣ, которые говорили, будто видѣли, какъ онъ вбѣжалъ въ ворота, сами отказываются теперь, говоря, что имъ это показалось, что навѣрное сказать этого они не могутъ и т. д. Съ ними согласились, и вся толпа побѣжала дальше; крики становились все слабѣе и слабѣе и наконецъ совершенно смолкли. Мало-по-малу и на дворѣ все утихло всѣ улеглись, успокоились. Пора была вылѣзть.

Медленно и осторожно, высунувъ предварительно голову изъ-подъ рогожи и оглядѣвшись во всѣ стороны, вылѣзъ изъ кадки Власовъ, также тихо и осторожно пробрался къ воротамъ и пустился бѣжать по пустыннымъ улицамъ, выбирая тѣ изъ нихъ, на которыхъ не разсчитывалъ встрѣтиться съ возвращавшейся послѣ неудачныхъ розысковъ погоней.

Было 9 часовъ утра, когда насъ привели въ классъ. Въ этотъ именно день насъ долженъ былъ репетировать Власовъ, но его не было. Никто не зналъ, что съ нимъ, никто не могъ объяснить его

отсутствія. Прошло уже полчаса, какъ вдругъ входитъ Власовъ, блѣдный, взволнованный, въ изорванной курткѣ.

Въ первую минуту мы просто ошолбенѣли, такъ поразилъ онъ насъ своимъ видомъ, но тотчасъ же пристали съ разспросами. Онъ, не отвѣчая на наши разспросы, просилъ только никому ничего не говорить, а затѣмъ, обратившись къ одному изъ близкихъ ему товарищей, просилъ достать другую куртку. Куртку и вообще полный костюмъ съ сапогами включительно доставили ему въ одну минуту. Переодѣвшись, онъ началъ репетировать, еще разъ убѣдительно попросивъ насъ никому ничего не рассказывать.

Классы кончились, насъ повели въ камеры, а Власовъ тѣмъ временемъ ушелъ на верхъ, въ квартиру сторожей, и тамъ просилъ остричь его какъ можно короче.

Когда онъ пришелъ въ чертежную, мы не узнали его: блѣдный, худой и вдобавокъ съ совершенно бритой головой, онъ походилъ на кого угодно, только не на Власова. Но ни ротный командиръ, ни другіе начальники почему-то не обратили никакого вниманія на такую странную перемѣну, происшедшую въ наружности Власова, приписывая эту перемѣну, вѣроятно, только той короткой стрижкѣ, которая тогда была у насъ въ модѣ.

Передъ обѣдомъ, какъ всегда, насъ построили въ двѣ шеренги и повели въ столовую, но на поворотѣ изъ коридора въ столовую рядомъ съ нашимъ ротнымъ командиромъ стояли квартальный, унтеръ-офицеръ и солдатъ. Какъ мы послѣ узнали изъ разсказа Власова, это были: тотъ самый квартальный, который везъ Брюхова съ Власовымъ въ часть; унтеръ-офицеръ—тотъ самый, котораго Брюховъ послалъ за стаканомъ воды; солдатъ—тотъ самый, который стоялъ на часахъ у воротъ части.

Когда мы проходили мимо нихъ, они пристально вглядывались въ наши лица.

Послѣ обѣда, когда насъ тою же дорогой вели обратно, мы снова прошли мимо нихъ—ротнаго командира уже не было съ ними,—и они еще пристальнѣе, казалось, старались всматриваться въ насъ. Но никто изъ насъ не былъ остановленъ по дорогѣ въ камеры: Власова не узнали.

Когда мы всѣ прошли и изъ любопытства оглянулись на нихъ, то увидали, что унтеръ-офицеръ и солдатъ, караулившіе у воротъ части, плакали: ихъ должны были разжаловать и наказать.

Черезъ нѣсколько дней мы знали всю исторію до мельчайшихъ подробностей, и она еще больше возвысила въ нашихъ глазахъ «черкеса».

Что касается Брюхова, то и онъ сумѣлъ воспользоваться побѣгомъ товарища. А именно, когда унтеръ-офицеръ, дежурившій до того у дверей и такъ ловко проведенный Власовымъ, бросился ловить бѣглеца, то поставилъ вмѣсто себя другого солдата. Этому солдату

Брюховъ далъ сторублевую бумажку, умоляя достать чернилъ и перо. Когда было принесено и то и другое, Брюховъ живо написалъ записку Воробьеву, гдѣ вкратцѣ разсказалъ обо всемъ случившемся съ нимъ и просилъ выручить изъ бѣды. Тотъ же солдатъ вызвался доставить записку по назначенію, поставивъ вмѣсто себя другого. Записка, очевидно, дошла по назначенію, ибо рано утромъ Воробьевъ былъ уже у оберъ-полицеймейстера, съ которымъ былъ хорошо знакомъ, и дѣло уладилось.

III.

Встрѣча съ императоромъ Николаемъ I.

Въ 18...-мъ году я былъ произведенъ въ прапорщики корпуса военныхъ топографовъ. На двадцать шестой день послѣ производства, меня назначили въ первый разъ дежурнымъ по военно-топографическому отдѣлу.

Въ 10 часовъ утра я, въ полной парадной формѣ, явился въ штабъ, принялъ дежурство, осмотрѣлъ печати на шкафахъ съ геодезическими инструментами, карты произведенныхъ съемокъ и мѣстностей, въ которыхъ предполагалось произвести работы, приказалъ разложить всѣ эти карты въ строгомъ порядкѣ по столамъ и остался ждать начала присутствія. Съ 10 часовъ стали съѣзжаться офицеры, а въ 11 часовъ пріѣхалъ директоръ, полковникъ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ. Я встрѣтилъ его въ пріемной и подалъ ему рапортъ о принятіи дежурства. Онъ принялъ рапортъ и вслѣдъ затѣмъ принялся разяснять мнѣ подробно, въ чемъ состоитъ моя обязанность, какъ дежурнаго по отдѣлу, и прибавилъ, чтобы обо всемъ случившемся я докладывалъ ему немедленно.

Когда я вернулся въ присутствіе, то засталъ всѣхъ уже на своихъ мѣстахъ за работой, и мнѣ оставалось только ходить по заламъ и наблюдать за порядкомъ.

Обязанность дежурнаго въ то время считалась далеко не легкой, и вотъ почему: тогда существовала мода на узкіе мундиры съ тонкой таліей, для чего ее обыкновенно перетягивали ремнемъ до послѣдней возможности (въ гвардіи съ тою же цѣлью носили корсеты), между тѣмъ какъ грудь должна была быть высокой, для чего грудь у мундира и подстегивалась ватой. Прибавьте къ этому тяжелую саблю и каску того времени, и вы поймете всю непріятность состоянія, которое я долженъ былъ испытывать непрерывно въ продолженіе четырехъ часовъ, съ 10 и до 2.

Встрѣтивъ Шварева, моего товарища, который былъ въ этотъ день дежурнымъ по училищу топографовъ, я, конечно, прежде всего началъ жаловаться на страшную усталость, которую испытывалъ особенно съ непривычки. Съ своей стороны, онъ любезно пригла-

силъ меня зайти, по окончаніи присутствія, къ нему отобѣдать, такъ какъ ему было хорошо извѣстно, что я живу далеко отъ штаба, а именно въ концѣ Гороховой улицы, и слѣдовательно перспектива подобнаго путешествія не могла мнѣ особенно улыбаться. Я не преминулъ воспользоваться его любезнымъ предложеніемъ, тѣмъ болѣе, что посылать въ гостиницу за обѣдомъ было мнѣ не совсѣмъ по карману. Поблагодаривъ его за приглашеніе, я далъ слово быть непремѣнно.

Въ 2 часа кончилось наконецъ присутствіе, и я, отдавъ послѣднія приказанія сторожамъ, пошелъ въ дежурную комнату, снялъ каску и саблю, сбросилъ мундиръ, прилежъ на диванъ и закурилъ папиросу извѣстнаго тогда Морни. Вскорѣ пришелъ сторожъ отъ Шварева и объявилъ, что меня ждутъ обѣдать. Я отвѣчалъ, что сейчасъ буду, и сталъ собираться. Надѣвая мундиръ, я никакъ не могъ застегнуть послѣднихъ трехъ пуговицъ и, послѣ напрасныхъ усилій, долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Саблю и шарфъ я оставилъ, полагая, что мнѣ удастся пробѣжать незамѣтно въ училище, тѣмъ болѣе, что выходъ былъ черезъ черное крыльцо на Невскій проспектъ, и надо было только обогнуть уголъ главнаго штаба, чтобы попасть въ училище, ибо и военно-топографическій отдѣлъ и училище помѣщались оба въ зданіи главнаго штаба.

Сказавъ сторожу, чтобы за мной, въ случаѣ надобности, посылали въ училище, къ дежурному офицеру, я вышелъ на Невскій. Быстро шелъ я по направленію къ углу и только хотѣлъ повернуть, какъ вдругъ вижу: идетъ государь отъ Зимняго дворца и за нимъ толпа народа. Первымъ моимъ инстинктивнымъ движеніемъ было—вернуться назадъ; но было уже поздно: государь меня замѣтилъ и находился не далѣе, какъ въ десяти шагахъ отъ меня. Я сдѣлалъ фронтъ и, отдавая правой рукой честь, лѣвой прикрылъ разстегнутыя три пуговицы; но въ ту минуту, какъ онъ поравнялся со мной и взглянулъ на меня своимъ строгимъ, величественнымъ взглядомъ, котораго не позабудетъ никто, кто хоть разъ въ жизни испыталъ его на себѣ,—я невольно опустилъ лѣвую руку. Онъ остановился еще разъ, окинулъ меня взглядомъ съ головы до ногъ, указалъ пальцемъ на разстегнутыя пуговицы и громко крикнулъ: «неопрятность!».

Затѣмъ, не отдавши чести, пошелъ дальше.

Ушелъ государь, скрылась толпа, его сопровождавшая, а я, какъ убитый, стою на одномъ мѣстѣ. Наконецъ, я опомнился, и первая мысль, которая пришла мнѣ въ голову, была: не сонъ ли это все? Но, нѣтъ, я помню ясно, какъ это было; помню, какъ я встрѣтилъ государя, помню, какъ крикнулъ онъ мнѣ: «неопрятность»; взглянулъ на себя, вижу: нѣтъ ни сабли ни шарфа, вижу разстегнутыя три пуговицы. Я простоялъ еще нѣсколько минутъ, не зная, вернуться ли мнѣ назадъ и доложить немедленно обо всемъ случив-

шемся начальству, или идти къ Швареву; наконецъ, я рѣшилъ идти къ послѣднему и посоветоваться съ нимъ, что мнѣ теперь дѣлать.

Шваревъ сидѣлъ уже за столомъ, когда я вошелъ, и собирался очевидно спросить, что могло меня задержать, но, взглянувъ на мое блѣдное лицо и растерянный видъ, съ безпокойствомъ воскликнулъ:

— Что съ тобой? Ты блѣденъ, какъ полотно. Что случилось?

— Меня встрѣтилъ государь,—могъ сказать я только.

— Какъ?!—ужаснулся онъ въ свою очередь.—Въ такомъ видѣ?! Безъ сабли, съ разстегнутымъ мундиромъ?!

— Да,—отвѣчалъ я.

— Ну, братъ, плохо. Слышалъ ты, что государь, встрѣтивъ Аеанасьева, въ концѣ города, въ фуражкѣ, сослалъ его на Кавказъ? Видно, и тебѣ теперь не миновать того же.

— Что жъ мнѣ теперь дѣлать?

— Если ты помнишь, въ высочайшемъ приказѣ сказано насчетъ этого такъ: всякій офицеръ, имѣвшій случай встрѣтить государя и выслушать лично какое либо замѣчаніе его величества, обязанъ немедленно доложить обо всемъ случившемся рапортомъ своему начальству. Ты долженъ сейчасъ написать подробный рапортъ о томъ, какъ все было, на имя директора. Вотъ перо и бумага, садись и пиши. Обѣдать будемъ послѣ.

— Я ѣсть не хочу.

— Ну, такъ садись и пиши.

Я сѣлъ, руки у меня дрожали, мысли путались, перо рѣшительно не повиновалось. Я обратился къ Швареву и просилъ его написать рапортъ за меня. Онъ согласился. Я рассказалъ ему все до мельчайшихъ подробностей. Когда рапортъ былъ написанъ, онъ подалъ его мнѣ. Я прочиталъ и подписалъ.

Вернувшись въ штабъ, я одѣлся и поѣхалъ на квартиру директора.

Директоромъ въ то время былъ, какъ я уже сказалъ, полковникъ Павелъ Алексѣвичъ Тучковъ, человѣкъ вообще мягкій и добродушный, но строгій и взыскательный, когда дѣло касалось какихъ либо упущеній по службѣ. Онъ жилъ въ Коломнѣ.

Пріѣхавъ къ нему, я отдалъ свою шинель въ передней лакею и велѣлъ доложить о себѣ. Въ сосѣдней комнатѣ, очевидно, столовой, были слышны голоса и стукъ тарелокъ. Я слышалъ, какъ лакей докладывалъ обо мнѣ, слышалъ, какъ Тучковъ отвѣчалъ ему:

— Проси подождать.

Когда лакей вернулся и сообщилъ отвѣтъ директора, я попросилъ вторично доложить, прибавивъ, что явился по экстренному дѣлу, не терпящему никакихъ отлагательствъ.

Жду и слыша снова, какъ Тучковъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ говорить:

— Прапорщикъ Мышецкій?.. Экстренное дѣло?.. Что такое? Да,—

произнесъ вдругъ Тучковъ, — вѣдь онъ дежурный сегодня. Проси сюда.

Я вошелъ. За столомъ, кромѣ семейства Тучкова, сидѣли гости, и всѣ съ удивленіемъ и любопытствомъ смотрѣли на меня. Я, стараясь быть спокойнымъ, поклонился и подаль рапортъ.

— Потрудитесь разсказать на словахъ, въ чемъ дѣло, — сказалъ Тучковъ.

— Извините, господинъ полковникъ, я попрошу васъ прочитать рапортъ. Вы сами увидите.

Тучковъ, не говоря ни слова, развернулъ рапортъ и пробѣжалъ его.

— Вы встрѣтили государя, самовольно отлучась съ поста, безъ сабли, безъ шарфа, разстегнувшись?.. Что такое?! — воскликнулъ онъ съ ужасомъ.

— Виновать, полковникъ...

— Да что мнѣ ваше «виновать»! — съ досадою крикнулъ онъ. — Вамъ Кавказъ, красная шапка, — продолжалъ онъ, повышая голосъ, — а я, по милости вашей, могу лишиться службы или получить выговоръ!.. Вы только что надѣли эполеты, вамъ снять ихъ легко, а я-съ служу слишкомъ двадцать лѣтъ, у меня семейство, я долженъ изъ-за васъ потерять все!.. сейчасъ же отправляйтесь въ штабъ, — сказалъ онъ черезъ минуту болѣе спокойнымъ голосомъ, — и дайте знать, чтобъ васъ смѣнилъ другой, отдайте ему вашу саблю и завтра считайте себя арестованнымъ при штабѣ.

Я тотчасъ же поѣхалъ въ штабъ и, сдѣлавъ все, какъ было приказано, самъ отправился въ дежурную комнату. Ночь провелъ я очень безпокойно, почти безъ сна, или, лучше сказать, въ какомъ-то страшномъ кошмарѣ. Мнѣ представлялось, что я на Кавказѣ, въ какомъ-то горномъ ущельѣ, ѣду верхомъ. Вдали высится величественный Казбекъ съ вершиной, покрытою вѣчнымъ снѣгомъ; невдалекѣ шумитъ и реветъ бурный Терекъ... Вдругъ показываются откуда-то черкесы и лезгины въ высокихъ мохнатыхъ шапкахъ и бросаются на насъ. Я отчаянно отбиваюсь пашкой, но вотъ раздается выстрѣлъ, я падаю съ лошади, меня обступаютъ и берутъ въ плѣнъ...

Въ ужасѣ я просыпаюсь, но, проснувшись, вспоминаю о томъ, что случилось со мной на самомъ дѣлѣ, и еще большій ужасъ и безпокойство овладѣваютъ мной.

На другой день утромъ стали, какъ всегда, съѣзжаться въ штабъ товарищи по службѣ, приходили ко мнѣ, спрашивали, какъ все случилось, старались успокоить меня и т. д., но такое вниманіе съ ихъ стороны дѣйствовало на меня крайне непріятно.

Прошло 11 часовъ. Пришелъ дежурный, сообщилъ, что сейчасъ будетъ директоръ, и я поспѣшилъ въ пріемную, гдѣ и сталъ дожидаться его. Наконецъ дверь отворилась, и вошелъ Тучковъ. Увидавъ меня, онъ сказалъ:

— Ваша участь будетъ рѣшена въ 12 часовъ,—и съ этими словами ушелъ въ свой кабинетъ.

Можно представить себѣ, что пережилъ я въ теченіе этого часа! Какимъ длиннымъ, бесконечно-длиннымъ показался онъ мнѣ! Я ходилъ изъ угла въ уголъ, и мысли одна другой мрачнѣе проносились въ моей головѣ. Вспомнилъ я свое дѣтство, счастливые годы, проведенные мною въ кругу моихъ родныхъ, вспомнилъ отца, братьевъ; вспомнилъ, какъ меня девятилѣтнимъ мальчикомъ привезли въ Петербургъ и сдали въ училище; вспомнилъ, какъ однообразно и скучно тянулись годы моего пребыванія въ немъ; вспомнилъ ту минуту, когда я въ первый разъ надѣлъ эполеты и аксельбанты; вспомнилъ всѣ мечты свои, связанныя съ этимъ производствомъ, всѣ свѣтлыя надежды свои... и мнѣ стало еще болѣе грустно, еще тяжелѣе на душѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чтó ожидало меня? Кавказъ и солдатская шапка. Одна несчастная минута, и всѣмъ моимъ радужнымъ мечтамъ и надеждамъ не только не суждено когда либо сбыться, но приходится отказаться отъ нихъ навсегда...

Въ 12 часовъ въ кабинетъ директора прошелъ адъютантъ отъ начальника штаба и сообщилъ Тучкову, что начальникъ штаба желаетъ его видѣть. Тучковъ, проходя мимо меня, велѣлъ мнѣ дожидаться здѣсь его прихода. Въ самомъ томительномъ и тревожномъ ожиданіи провелъ я цѣлыхъ полчаса.

Вотъ послышались снова знакомые шаги Тучкова, еще минута—онъ входитъ важно, съ портфелемъ въ рукахъ и жестомъ приглашаетъ меня въ кабинетъ. Я слѣдую за нимъ. Онъ сѣлъ въ кресло, а я остановился въ почтительномъ отдаленіи и былъ ни живъ ни мертвъ. Сейчасъ,—думалось мнѣ,—изъ устъ этого человѣка я узнаю, на что обреченъ. Кавказъ, или нѣтъ, или что либо другое,—старался я угадать по его лицу, но лицо было спокойно, и я ничего не могъ прочесть на немъ. Вдругъ онъ обратился ко мнѣ:

— Скажите, пожалуйста,—началъ онъ съ неподдѣльнымъ удивленіемъ:—какому Богу вы молитесь?

Я сразу понялъ, что дѣло мое стало быть не такъ еще плохо, какъ я думалъ; мнѣ сразу какъ-то стало легко на сердцѣ, и я, все еще не вѣря своему счастью, отвѣчалъ не безъ волненія:

— Извините, полковникъ, я васъ не понимаю.

— Я, кажется, ясно говорю: какому Богу вы молитесь?

— Тому, полковникъ,—отвѣчалъ я,—которому молитесь вы и всѣ христіане.

— Нѣтъ, неправда,—возразилъ онъ съ живостью,—нѣтъ, вы молитесь и молились какъ-то особенно, какому-то другому Богу: начальникъ штаба сказалъ, что государь «не помнитъ» этой встрѣчи, слышите ли—«не помнитъ». Но погодите радоваться,—прибавилъ онъ, замѣтивъ, вѣроятно, что я просіялъ при этихъ послѣднихъ словахъ,—государь «не помнитъ», государь не упомянулъ о васъ,

но я-то знаю и помню, а потому и арестую васъ на три дня. Отправляйтесь на гауптвахту. Маршъ!

Уходя изъ кабинета, я не чувствовалъ ногъ подъ собою. Черезъ часъ я былъ уже на гауптвахтѣ, гдѣ нашелъ нѣсколькихъ гвардейскихъ офицеровъ. Они завтракали и пили чай; на столѣ стояли бутылки съ виномъ. Увидѣвъ меня, они любезно пригласили раздѣлить съ ними ихъ «скромную» трапезу. Я благодарилъ, попросилъ стаканъ чаю, но отъ вина и рому отказался, объясняя, что не привыкъ и не люблю. Они, впрочемъ, оставили меня въ покоѣ, спросивъ только о причинѣ ареста. Не желая распространяться и чувствуя себя вообще немного неловко въ ихъ веселой компаніи, къ которой, какъ сознавалъ, не совѣмъ подходилъ, я объяснилъ свой арестъ неуваженіемъ къ начальству, проявленнымъ съ моей стороны.

Въ полдень денщики принесли арестованнымъ обѣдъ, за которымъ всѣ порядочно выпили, и потому къ концу его завязалась самая оживленная бесѣда: рассказывали анекдоты, остряли, шутили, смѣялись. Вечеромъ снова чай, закуски, вино. Такъ прошелъ день.

На другой день, около часа, раздался неожиданный звонокъ. Всѣ встрепенулись, а нѣкоторые изъ наиболѣе любопытныхъ бросились узнавать, что это значитъ. Оказалось, что ѣдетъ государь.

На скорую руку мы стали строиться во фронтъ. Мнѣ объявили, что я, какъ ученый, долженъ стать первымъ съ праваго фланга. Я, съ своей стороны, ни за что не соглашался, объясняя, что мнѣ еще въ первый разъ приходится быть на гауптвахтѣ, что я не знаю, какъ отвѣчать государю на его разспросы, и, какъ меня ни толкали, мнѣ удалось таки стать третьимъ съ праваго фланга.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ дежурный офицеръ и громко сказалъ: «государь ѣдетъ!». При этихъ словахъ словно легкая волна пробѣжала по фронту, еще секунда-другая, и мы замерли. Настала мертвая тишина. Взоры всѣхъ устремлены были на дверь, черезъ которую долженъ былъ войти государь. Еще минута,—дверь открылась, и онъ вошелъ, окинулъ насъ строгимъ взглядомъ и громко крикнулъ:

— Здорово, арестанты!

Мы прокричали:

— Здравія желаемъ, ваше императорское величество!

Государь обошелъ фронтъ и остановился передъ право-фланговымъ, красивымъ и рослымъ конногвардейцемъ и, строго смотря на него въ упоръ, спросилъ:

— За что арестованъ?

— Опоздалъ въ караулъ, ваше величество,—мрачно, но спокойно отвѣчалъ конногвардеецъ.

— Проспалъ, или былъ пьянъ наканунѣ?—спросилъ государь.

— Виноватъ, ваше величество, въ послѣднемъ сознаюсь.

— Можно пить,—строго и отрывисто сказалъ государь,—но службу помнить надо. Ты за что?—обратился онъ ко второму.

Вторымъ стоялъ гвардейскій драгунъ.

— Во время ученья лошадь вырвалась изъ строя и ударила солдата копытомъ, ваше величество.

— Давно ты корнетомъ?

— Два года, ваше величество.

— Чтобъ быть кавалеристомъ,—замѣтилъ государь строго,—надо научиться сначала управлять лошадыю: стыдно тому кавалеристу, которымъ лошадь управляетъ.

Потомъ обратился ко мнѣ:

— Ты за что?

Я не сразу нашелся, что отвѣтить: отъ волненія, меня охватившаго въ эту минуту, я не зналъ, какъ начать. Наконецъ рѣшился и началъ такъ:

— Имѣлъ несчастье встрѣтить ваше величество на углу Невскаго проспекта и Адмиралтейской площади, самовольно отлучась съ поста, безъ сабли и шарфа, съ разстегнутыми тремя пуговицами на мундирѣ. Вашему величеству угодно было указать на разстегнутыя пуговицы и сказать: неопрятность.

Государь, все время не спускавшій глазъ съ моего лица, пока я говорилъ, взглянулъ на эполетъ, потомъ снова на меня и задумался. Минута была страшная. Ну, какъ вспомнить,—съ ужасомъ начиналъ я думать,—что тогда? Стою ни живъ ни мертвъ и жду.

— Давно ты прапорщикомъ?—вдругъ слышу я голосъ государя.

— Двадцать восьмой день, ваше величество.

— Это и видно,—сказалъ государь,—что ты двадцативосьмидневный прапорщикъ: неопрятенъ въ одеждѣ и рискуешь службой. Если ты будешь такъ же неопрятенъ впредь и будешь такъ же рисковать службой, то станешь негоденъ къ службѣ и далеко не пойдешь; а если будешь опрятенъ, будешь ревностенъ,—принесешь пользу мнѣ, отечеству и пойдешь дальше.

— Ты за что?—обратился онъ къ слѣдующему.

Черезъ полчаса государь уѣхалъ, а еще черезъ день кончился срокъ моего заключенія подъ арестомъ, и я снова вернулся къ исполненію своихъ обязанностей.

В. С. Мышецкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ В. С. МЫШЕЦКАГО ¹⁾.

IV.

Рѣпортъ.

ДИНЬ изъ моихъ товарищей, Гамовъ, человекъ очень богатый, пригласилъ однажды къ себѣ на именины нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ и меня. Часовъ въ семь вечера мы отправились къ нему. Когда мы вошли въ залу, то увидѣли, что собралось уже много народа, и все штатскіе. По срединѣ комнаты стоялъ длинный столъ съ всевозможными закусками и винами, а невдалекѣ былъ накрытъ небольшой столъ, гдѣ готовили чай. Гамовъ, какъ только увидѣлъ, что мы пріѣхали, поспѣшилъ къ намъ навстрѣчу, благодарилъ, что не отказались посѣтить его, и повелъ представлять остальнымъ гостямъ. Что касается меня, то отъ закусокъ и вина я отказался, а потому Гамовъ подвелъ меня къ столу, гдѣ приготовленъ былъ чай, посадилъ на диванъ, самъ сѣлъ рядомъ со мною и налилъ мнѣ стаканъ чаю, но до половины, и сказалъ, что остальные полъ-стакана онъ долить пуншемъ. Я сначала не соглашался, но когда онъ все-таки принесъ пуншъ и далъ мнѣ попробовать, я нашелъ, что напитокъ превосходенъ, и не сталъ больше спорить. Незамѣтно, глотокъ за глоткомъ, я выпилъ весь стаканъ. Гамовъ предложилъ другой, и на этотъ разъ я уже не отказался. Послѣ второго стакана я какъ-то облокотился на ручку дивана и незамѣтно заснулъ. Сколько времени я спалъ, не знаю, но когда проснулся, вижу, что

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», 1896 года, т. LXVI, стр. 156.

столъ, на которомъ стояли вина и закуски, отодвинуть къ стѣнѣ, а посрединѣ комнаты разставлены карточныя столики, и идетъ самая оживленная игра въ карты.

Я всталъ, подошелъ къ игравшимъ и началъ слѣдить за игрой. Какъ только Гамовъ замѣтилъ меня, то подошелъ ко мнѣ и спросилъ, какъ я себя чувствую. Я отвѣчалъ, что у меня немного болитъ голова.—«Э,—сказалъ онъ,—клинь клиномъ вышибаютъ: тебѣ необходимо выпить еще стаканъ пуншу, и тогда головную боль какъ рукой сниметъ». Онъ пошелъ распорядиться насчетъ пуншу, а я опять сѣлъ на диванъ. Черезъ минуту снова поставили къ дивану маленькій столикъ и подали пуншъ, а Гамовъ принесъ мнѣ подушку и сказалъ, что мнѣ послѣ пуншу непременно надо будетъ отдохнуть немного и постараться заснуть. Послѣ новыхъ двухъ стакановъ я опять незамѣтно уснулъ, какъ и раньше, но спать еще крѣпче прежняго.

Когда я проснулся, было уже совсѣмъ свѣтло. Я вскочилъ. Смотрю—гости продолжаютъ игру попрежнему, какъ ни въ чемъ не бывало, но изъ товарищей моихъ нѣтъ никого. Ко мнѣ подошелъ Гамовъ.

— Ну, что, какъ твоя голова?

— Не знаю, что и дѣлать,—отвѣчалъ я,—голова болитъ сильно, а надо идти въ присутствіе.

— На службу идти поздно,—замѣтилъ Гамовъ,—десять часовъ.

— Какъ же быть-то? Надо писать рапортъ.

— Да, пиши, что по болѣзни не можешь явиться.

Я попросилъ его принести бумагу и чернила.

Въ это время одинъ изъ гостей, сидѣвшій невдалекѣ отъ насъ за карточнымъ столомъ и слышавшій очевидно разговоръ между мной и Гамовымъ, обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Насчетъ рапорта, господинъ офицеръ, не беспокойтесь, мы за васъ напишемъ рапортъ и отошлемъ по адресу. Не такъ ли, господа?—обратился онъ къ своимъ партнерамъ.

Всѣ охотно подтвердили это. Тогда Гамовъ посоветовалъ мнѣ прилечь и заснуть. Я такъ и сдѣлалъ.

Около часа Гамовъ разбудилъ меня и сказалъ, что готовъ обѣдѣ. Я всталъ, умылся и пошелъ въ столовую. За обѣдомъ я спросилъ насчетъ рапорта. «Будьте покойны,—отвѣчали мнѣ,—рапортъ написанъ и отосланъ въ штабъ вашему директору». Я успокоился и не сталъ больше спрашивать. Послѣ обѣда я уѣхалъ къ себѣ домой, но все еще съ головной болью.

На другой день, я какъ ни въ чемъ не бывало явился въ присутствіе, занялъ свое мѣсто и сталъ чертить карту. Вдругъ подходитъ ко мнѣ нашъ столоначальникъ, полковникъ Меланъ, и говоритъ:

— Вы вчера, кажется, были нездоровы и въ удостовѣреніе своей болѣзни прислали директору съ какимъ-то мужикомъ очень любез-

ное письмо вмѣсто рапорта. Директоръ сейчасъ будетъ здѣсь и проситъ васъ явиться къ нему для объясненій.

Я отвѣчалъ, что отправилъ директору рапортъ, а не письмо; но Меланъ продолжалъ утверждать, что я прислалъ, напротивъ, «очень любезное письмо», но никакъ не рапортъ. — «Вы, впрочемъ, увидите сами», — добавилъ онъ и ушелъ.

Тутъ я вспомнилъ, что рапортъ писалъ не самъ, а что написали его гости Гамова, которые притомъ и сами-то находились тогда не въ лучшемъ состояніи, чѣмъ я. Ну, думаю, вѣрно рапортъ написанъ не по формѣ, и, не придавая этому особаго значенія, продолжалъ заниматься.

Входитъ дежурный и, обращаясь ко мнѣ, говорить:

— Директоръ проситъ васъ къ себѣ въ кабинетъ.

Отправляюсь.

Когда я вошелъ въ кабинетъ, сдѣлалъ обычный поклонъ и подошелъ ближе, Тучковъ, не говоря ни слова, взялъ со стола большой листъ бумаги съ разрисованными кругомъ листа затѣйливыми, хотя и грубо исполненными, виньетками, въ видѣ букетовъ, амуровъ и т. п., подаль мнѣ и спросилъ только:

— Прапорщикъ Мышецкій! Это—вашъ рапортъ о болѣзни?

Я смотрю и глазамъ своимъ не вѣрю: вижу, весь листъ исписанъ мелкими каракульками самыхъ разнообразныхъ почерковъ: писали, очевидно, въ десять рукъ, изъ которыхъ притомъ ни одной не было твердой. Но содержаніе этого письма мнѣ еще не было извѣстно, и это обстоятельство еще болѣе усилило мое безпокойство.

— Что же вы такъ пристально смотрите, — сказалъ Тучковъ, — или вы не узнаете своего посланія? Прошу прочесть.

— Извините, господинъ полковникъ: это не рапортъ, а письмо, и притомъ не мною писанное.

— Но все-таки потрудитесь намъ прочесть его вслухъ, да погромче, чтобы я могъ ясно слышать ваше любовное со мною объясненіе.

— Позвольте мнѣ, господинъ полковникъ, взять обратно это письмо и представить вамъ, вмѣсто него, рапортъ о болѣзни.

— Нѣтъ, — возразилъ рѣшительно Тучковъ, — этого позволить я вамъ не могу, а приказываю сейчасъ и здѣсь, въ моемъ присутствіи, громко и отчетливо прочесть это посланіе. Это такое пріятное посланіе, какого я никогда въ теченіе всей моей жизни не получалъ ни отъ одной женщины и не получу больше. Я никакъ не подозрѣвалъ за собой существованія тѣхъ прекрасныхъ качествъ, какія вы во мнѣ открыли, а потому это посланіе для меня особенно цѣнно, и я сохраняю его, какъ рѣдкій о себѣ памятникъ. Начинайте!

Дѣлать было нечего, я началъ. О ужасъ, что тамъ было написано! Я читалъ и самъ не вѣрилъ ушамъ своимъ.

«Милый мой, дорогой Павелъ Алексѣвичъ, — такъ начинался мой рапортъ, — спѣшу передать вамъ и раздѣлить съ вами горькую мою

участь: я боленъ и лишенъ возможности лицезрѣть васъ, какъ милаго и дорогаго моему сердцу. Вѣрьте, что я боленъ и страдаю, но страданія мои тяжелы не такъ, какъ разлука съ любезнымъ, неоцѣненнымъ и дорогимъ моему сердцу Павломъ Алексѣевичемъ. Не знаю, какъ проживу эти часы разлуки, утѣшаю себя тѣмъ, что съ вами, незабвенный, увижусь завтра и буду вознагражденъ вами, какъ и всегда, искреннею ко мнѣ вашею любовію и расположеніемъ. Въ утѣшеніе долженъ вамъ сказать: не грустите, мой дорогой, я постараюсь выздоровѣть и завтра въ 10 часовъ утра буду въ присутствіи.

«Горячо любящій и преданный до гроба душой и тѣломъ, прапорщикъ Василій Сергѣевичъ Мышецкій».

Письмо было гораздо длиннѣе на самомъ дѣлѣ, и я теперь передаю только то, что помню. Не знаю, какъ я прочиталъ, хотя не разъ останавлился и просилъ позволенія не читать дальше, но Тучковъ каждый разъ прибавлялъ только:

— Продолжайте.

Когда я, наконецъ, кончилъ, Тучковъ взялъ письмо, бережно и аккуратно сложилъ его, спряталъ къ себѣ въ карманъ и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Очень жалѣю, что вы, незабвенный, будете страдать еще три дня и лишитесь возможности лицезрѣть меня. Дежурный,—позвалъ онъ,—арестуйте прапорщика Мышецкаго и отведите на три дня на Адмиралтейскую гауптвахту.

Къ чести Тучкова надо прибавить, что этого письма онъ никому не показывалъ и, вѣроятно, только говорилъ о немъ Мелану.

V.

Подвигъ военнаго топографа Неводчикова.

Въ турецкую кампанію 1828—1829 годовъ, на военномъ топографѣ Неводчиковѣ, равно какъ и на прочихъ военныхъ топографахъ, лежала обязанность: совершать рекогносцировки съ цѣлію выясненія общаго характера предполагаемой для прохожденія войскъ мѣстности, составлять маршрутные карты и сообразно съ этимъ руководить движеніемъ той части, къ коей онъ былъ прикомандированъ.

Сначала все шло благополучно; но одинъ разъ рекогносцировка, произведенная Неводчиковымъ, была особенно утомительной и продолжительной, такъ что ему удалось вернуться въ лагерь уже поздно вечеромъ. На его несчастье, въ этотъ самый вечеръ отрядъ получилъ приказаніе немедленно сняться съ лагера и выступить въ ту же ночь.

Въ силу этого неожиданнаго обстоятельства, Неводчиковъ, еще не успѣвъ слѣзть съ лошади, получилъ новое приказаніе: ѣхать

тотчасъ къ тому пункту, гдѣ скрещивалось нѣсколько дорогъ, и оттуда, выждавъ прибытія войскъ, направлять ихъ согласно только что составленной имъ маршрутной картѣ.

Не смѣя ослушаться, Неводчиковъ отправился въ путь, но, не доѣзжая и половины разстоянія до указаннаго пункта, вслѣдствіе сильной усталости и позыва ко сну, отъѣхалъ въ сторону и легъ въ кусты, чтобы отдохнуть немного, приказавъ сопровождавшимъ его казакамъ разбудить его, часа черезъ два; къ этому же времени, какъ онъ полагалъ, должны были подойти и наши войска. Неводчиковъ легъ и заснулъ, а вслѣдъ за нимъ и спутники его, утомившіеся не менѣе его, заснули тоже.

Между тѣмъ, съ разсвѣтомъ войска уже выступили въ походъ и, дойдя до того пункта, гдѣ ихъ долженъ былъ ожидать Неводчиковъ, остановились. Замѣтивъ, что колонна остановилась, дивизионный командиръ, начальникъ отряда, послалъ узнать о причинѣ остановки. Ему донесли, что войска не знаютъ, куда идти, такъ какъ долженствовавшій направлять ихъ топографъ Неводчиковъ пропалъ безслѣдно. Послѣ напрасныхъ поисковъ, потерявъ надежду найти Неводчикова, начальникъ отряда велѣлъ войскамъ двигаться наудачу. Случилось, то, что, впрочемъ, и должно было случиться. Артиллерія попала на неудобную и топкую дорогу и увязла; пѣхота вышла на сравнительно хорошую дорогу; что же касается кавалеріи, то ей пришлось ѣхать по дорогѣ, предназначавшейся, согласно маршрутной картѣ Неводчикова, для артиллеріи,—дорогѣ, отличавшейся твердымъ, каменистымъ грунтомъ и притомъ совершенно ровной, вслѣдствіе чего кавалерія ушла значительно впередъ, оставивъ далеко за собой и пѣхоту и артиллерію. Пока все это стало извѣстнымъ, пока артиллеріи былъ посланъ приказъ вернуться назадъ и идти по другой дорогѣ, пока приказаніе это было приведено въ исполненіе, время прошло, и предназначавшееся на этотъ день движеніе не пришлось исполнить. Главнаго же и единственнаго, какъ указывало донесеніе, виновника всей этой неудачи, Неводчикова, велѣно было, во что бы то ни стало, розыскать и немедленно представить отрядному командиру.

Солнце стояло уже высоко, когда Неводчиковъ проснулся. Онъ быстро поднялся. Спутники еще спали. Со стороны дороги, между тѣмъ, доносился шумъ шаговъ, топотъ копытъ, звонъ сабель и стукъ колесъ. Неводчиковъ сразу понялъ, что случилось. Растолкавъ казаковъ и велѣвъ имъ слѣдовать за собой, онъ вскочилъ на лошадь и выѣхалъ на дорогу.

Здѣсь глазамъ его представилась картина невообразимой путаницы: однѣ части отряда продолжали двигаться впередъ, согласно первому приказанію, другія возвращались обратно. На перекресткѣ, гдѣ сходились всѣ четыре дороги, находился и отрядный командиръ. Увидавъ Неводчикова, онъ тотчасъ подскочилъ къ нему и,

не говоря ни слова, два раза ударилъ по лицу обнаженной саблей и разсѣкъ лѣвую щеку. Объясненій отъ Неводчикова онъ не пожелалъ выслушать, а тутъ же объявилъ ему, что онъ будетъ разстрѣлянъ. Вслѣдъ за этимъ, было сдѣлано донесеніе главнокомандующему о причинѣ замедленія въ движеніи отряда, причемъ на Неводчикова было указано, какъ на единственнаго виновника. Главнокомандующій положилъ резолюцію, чтобы виновнаго подвергли разстрѣлянію.

«Трудно представить себѣ, — рассказывалъ намъ Неводчиковъ, — что пережилъ я въ эти дни съ того момента, какъ мнѣ объявили, что я буду разстрѣлянъ, но еще труднѣе передать то, что я пережилъ въ тѣ послѣднія минуты, когда меня подвели къ столбу, завязали глаза, и послышалась команда: зарядить ружья. Я ни о чемъ собственно не могъ тогда думать, я какъ-то смутно представлялъ себѣ весь ужасъ моего положенія, на меня напелъ какой-то столбнякъ, и я только ждалъ, что вотъ, вотъ сейчасъ раздастся послѣдняя команда, еще одинъ мигъ, и все будетъ кончено. Помню еще, что я читалъ про себя всѣ тѣ молитвы, какія зналъ и какія пришли на память мнѣ въ эту минуту. Не знаю, сколько времени провелъ я въ такомъ томительномъ ожиданіи, но наконецъ я усталъ ждать. Между тѣмъ время шло, а послѣдней, роковой для меня команды все еще не раздавалось. Что это могло значить? Сначала я подумалъ было, что меня нарочно хотятъ заставить испытать всю муку ожиданья, и я дѣйствительно желалъ въ эту минуту ускорить ужасный мигъ; но вдругъ новая, неожиданная мысль быстрѣе молніи озарила меня. А что, подумалъ я, если — и мнѣ самому страшно захотѣлось повѣрить этому — что если этотъ ужасный мигъ никогда не наступитъ?.. Что если я останусь жить?.. Мысль эта такъ поразила меня, что я едва могъ сдерживать охватившее меня волненіе. Проходили еще минуты, а команды все нѣтъ и нѣтъ. Я начиналъ дышать свободнѣе, чувствовать, какъ сильно, учащенно забилося мое сердце, и меня вдругъ охватило неизъяснимо-пріятное сознаніе того, что я еще живу. Никогда, ни раньше, ни послѣ, жизнь не казалась мнѣ столь пріятной, столь сладостной, дорогой, какъ именно въ эти минуты. И странно, я дѣлалъ все, чтобъ отогнать отъ себя сомнѣніе въ возможности такого счастья, какъ жить, и мнѣ нетрудно было дѣлать это, ибо съ каждымъ новымъ мигомъ, который мнѣ дарили, моя увѣренность, моя надежда возрастали. Но какъ долго тянулись эти минуты!.. Наконецъ, вдали послышался топотъ быстро скачущей лошади. Мое сердце вдругъ забилося сразу такъ сильно, что казалось готово было выскочить, я слышалъ явственно каждый ударъ этого учащеннаго бѣшенія. Не знаю почему, но моя надежда вдругъ вся сосредоточилась на этомъ неизвѣстномъ всадникѣ, я былъ убѣжденъ, непоколебимо увѣренъ, что онъ везетъ мою участь. Стукъ копытъ доносился между тѣмъ все слышнѣе и слышнѣе, на-

конецъ сразу прекратился. Я напрягалъ весь мой слухъ, но напрасно: ни одинъ звукъ, казалось, не доходилъ до меня. Я почувствовалъ, какъ учащенно бившееся мое сердце вдругъ замерло. Прошла минута, другая; потомъ я услыхалъ шумъ приближающихся шаговъ, еще мигъ — и съ меня сняли повязку и объявили, что я прощенъ. Не могу выразить, что испыталъ я, увидавъ снова живыя лица, голубое, безоблачное небо надъ собой, почувствовавъ, что я тутъ, живъ, невредимъ, и что все это не сонъ, а дѣйствительность. Мнѣ говорили что-то, но я не слыхалъ, или, вѣрнѣе, не понималъ того, что говорили вокругъ меня. Я началъ было приходить въ себя, но вдругъ силы оставили меня, и я упалъ бы безъ чувствъ на землю, если бы меня не поддержали... Когда я пришелъ въ себя, мнѣ объявили, что, дѣйствительно, ждали отъ меня приказанья и потому медлили приводить его въ исполненіе. Приѣхавшій былъ адъютантъ главнокомандующаго, объявившій, что главнокомандующій возвращаетъ мнѣ жизнь и желаетъ лично видѣть и выслушать мои объясненія.

На другой, или на третій день послѣ этого, Неводчиковъ былъ представленъ главнокомандующему. Послѣдній подробно разспросилъ его о томъ, какъ было дѣло, освѣдомился насчетъ полученнаго имъ на лѣвой щекѣ шрама и узнавъ, что Неводчикову 19 лѣтъ, замѣнилъ прежній суровый приговоръ разжалованьемъ въ рядовые, съ тѣмъ, чтобы Неводчиковъ былъ вызываемъ первымъ во всѣхъ случаяхъ, когда потребуются охотники для какого либо опаснаго предпріятія. вмѣстѣ съ тѣмъ Неводчиковъ былъ переведенъ въ другой отрядъ.

Отрядъ, въ которомъ теперь состоялъ Неводчиковъ, приближался къ Дунаю и скоро достигъ лѣваго берега, гдѣ и остановился. Это было какъ разъ противъ Туртукай.

Не зная, находятся ли въ самомъ Туртукаѣ или его окрестностяхъ турецкія войска, и какова въ этомъ случаѣ ихъ численность, начальство распорядилось вызвать охотниковъ, которые бы переправились на тотъ берегъ и доставили всѣ необходимыя свѣдѣнія. Главное руководство дѣйствіями партіи охотниковъ было возложено на Неводчикова, какъ опытнаго въ подобнаго рода экспедиціяхъ.

Когда явились охотники, Неводчиковъ немедленно приступилъ къ сборамъ и, выпросивъ себѣ въ помощь еще трехъ барабанщиковъ, въ ту же ночь въ лодкѣ переправился на тотъ берегъ. Никѣмъ не замѣченные, они благополучно пристали къ берегу нѣсколько верстъ ниже Туртукай и здѣсь прождали въ камышахъ до разсвѣта. На утро, чуть только стало свѣтать, они осторожно двинулись въ путь, направляясь къ Туртукаю. Оказалось, что въ самомъ Туртукаѣ нѣтъ никого. Когда это сдѣлалось извѣстнымъ, Неводчиковъ приказалъ тремъ барабанщикамъ подвести лодку къ Туртукаю и самимъ остаться въ лодкѣ и ожидать возвращенія его и его това-

рищей. Съ остальными Неводчиковъ вышелъ изъ Туртукая, затѣмъ велѣлъ всѣмъ разбрестись по одиночкѣ, идти въ различныхъ направленіяхъ и, выслѣдивъ непріятеля, постараться опредѣлить его численность. Оставшись одинъ, Неводчиковъ, соблюдая всѣ мѣры предосторожности, безшумно, но быстро сталъ подвигаться впередъ. Скоро онъ наткнулся на турецкіе аванпосты и остановился. Замѣтивъ, спустя нѣкоторое время, что здѣсь никто не ожидаетъ внезапнаго появленія непріятеля, и что турки обнаруживаютъ полнѣйшую безпечность въ этомъ отношеніи, Неводчиковъ, сдѣлавъ большой обходъ, выбралъ, какъ ему казалось, командовавшую надъ всей этой мѣстностью возвышенность и такъ же осторожно, какъ раньше, поднялся на нее.

Когда Неводчиковъ достигъ самой высокой точки этой возвышенности, онъ бросилъ взглядъ на разстилавшуюся передъ нимъ равнину. Онъ не ошибся: передъ нимъ, какъ на ладони, лежали два турецкихъ лагеря, невдалекѣ одинъ отъ другого. Не теряя ни минуты, Неводчиковъ вытащилъ изъ кармана клочекъ бумаги и карандашъ, въ одну секунду набросалъ весь планъ расположенія непріятельскихъ силъ и обозначилъ точное количество турецкихъ батальоновъ. Едва онъ успѣлъ набросать планъ, какъ въ турецкомъ лагерѣ подняли тревогу: очевидно замѣтили или Неводчикова, или кого нибудь изъ его товарищей. Турецкая кавалерія на рысяхъ бросилась въ разныя стороны.

Когда Неводчиковъ прибѣжалъ въ Туртукай, то нашелъ тамъ только трехъ барабанщиковъ: остальные еще не возвращались. Зная, что турецкая кавалерія рыщетъ въ окрестностяхъ Туртукая и каждую минуту можетъ наткнуться на его товарищей, взять ихъ въ плѣнъ и, наконецъ, войти въ крѣпость, Неводчиковъ рѣшился на отчаянное средство, которое, впрочемъ, было обдуманно имъ заранѣе, а именно, разставивъ барабанщиковъ въ трехъ различныхъ пунктахъ, онъ велѣлъ имъ бить зорю. Результаты не замедлили себя обнаружить. Какъ только раздался барабанный бой, турецкая кавалерія поспѣшно отошла назадъ; товарищи Неводчикова немедленно вернулись обратно въ Туртукай. Когда всѣ оказались на лицѣ, Неводчиковъ приказалъ какъ можно скорѣе бѣжать къ берегу, гдѣ была спрятана лодка, и отчаливать обратно. Между тѣмъ, турецкіе лазутчики, увидѣвъ, что въ Туртукаѣ, кромѣ самого Неводчикова, трехъ барабанщиковъ и нѣсколькихъ ихъ товарищей, нѣтъ никого, донесли объ этомъ своимъ. Кавалерія понеслась къ берегу, желая настичъ бѣглецовъ, но было уже поздно: осыпаемая градомъ пуль кучка храбрецовъ была на срединѣ Дуная.

Когда Неводчиковъ представилъ планъ обоихъ турецкихъ лагерей съ точнымъ обозначеніемъ непріятельскихъ силъ и описалъ подробно весь ходъ дѣла, сдѣлано было новое донесеніе главнокомандующему. Послѣдній пожелалъ выслушать лично Неводчикова

и вслѣдъ за этимъ поздравилъ его георгіевскимъ кавалеромъ, съ возвращеніемъ ему званія топографа и унтеръ-офицера, съ позволеніемъ занять свое прежнее служебное мѣсто, и, кромѣ того, приказалъ вычеркнуть изъ формуляра его прежнюю вину.

VI.

Разсказъ плѣннаго топографа.

При штабѣ гвардейскаго корпуса находились постоянно 10 человекъ военныхъ топографовъ, обязанности которыхъ состояли въ томъ, что во время похода, когда войска останавливались на дневку, они съ конвоемъ казаковъ командировались впередъ для рекогносцировки дорогъ и составленія маршрутной карты. По окончаніи порученія, топографы представляли карту въ штабъ, здѣсь ее разсматривали и назначали движеніе войскъ: по удобной дорогѣ посылалась артиллерія, менѣе удобной кавалерія и по неудобной пѣхота.

Въ 1830 году, когда во время возстанія въ Польшѣ наши войска, приближаясь къ Варшавѣ, остановились на дневку, были посланы для рекогносцировки военные топографы, каждый съ конвоемъ изъ шести казаковъ. Въ числѣ ихъ находился нѣкто Прокофьевъ. Производя рекогносцировку въ лѣсной мѣстности, онъ приблизился къ ручью, чрезъ который былъ перекинутъ очень ветхій мостъ; Прокофьевъ сталъ искать брода, ѣхалъ берегомъ и мѣстами спускался въ воду, дѣлая промѣры.

Вдругъ послышался въ лѣсу звонъ сабель, и чрезъ нѣсколько минутъ на Прокофьева и его конвой бросился и окружилъ эскадронъ польскихъ уланъ. Казаки стали защищаться; четырехъ изъ нихъ поляки изрубили, двухъ ранили, а Прокофьева стащили съ лошади, раздѣли, обыскали, взяли маршрутную карту, ограбили и почти нагого повезли къ главнокомандующему въ Варшаву. Главнокомандующій, разсмотрѣвъ маршрутъ, снятый Прокофьевымъ, сталъ допрашивать, гдѣ расположены русскія войска, и когда предполагаютъ штурмовать Варшаву. Прокофьевъ, конечно, началъ врать. Главнокомандующій, слушая его, дѣлалъ отмѣтки на своей картѣ и, когда Прокофьевъ кончилъ, сказалъ:

— Ты врешь! Сегодня мнѣ донесено, какія ваши войска, сколько и гдѣ расположены, а ты говоришь совершенно другое; говори правду, или я велю тебя разстрѣлять.

— Все въ вашей волѣ, можете разстрѣлять, я больше ничего не знаю.

Главнокомандующій позвалъ дежурнаго и сказалъ:

— Сейчасъ разстрѣлять этого негодяя, онъ изъ штаба, долженъ знать все, между тѣмъ вретъ и не сознается.

— Ваше превосходительство, — сказалъ дежурный, — на крѣпостныхъ работахъ большой недостатокъ рабочихъ, не лучше ли отправить его туда, разстрѣлять мы всегда успѣемъ.

— Хорошо, — сказалъ главнокомандующій, — прикажите отвести.

Прокофьева повели и сдали завѣдывающему крѣпостными работами еврею. Для внушенія солдатамъ уваженія къ себѣ еврей носилъ генеральскіе эполеты. Въ центрѣ крѣпости и на брустверѣ находились плѣнные русскіе солдаты разныхъ полковъ; работы были тяжелыя; возили и носили: землю, камни, кирпичи и прочее, а также рыли канавы и устраивали мины; инженеръ, завѣдывавшій минными работами, ходилъ постоянно съ планомъ въ рукахъ. Прокофьевъ началъ стараться прислуживать ему и быть всегда около него; при чемъ увидѣлъ на планѣ позиціи нашихъ войскъ, означенныя совершенно вѣрно, а главное, обратилъ вниманіе на большую мину, которая проводилась подъ возвышеніе, гдѣ долженъ былъ построиться гвардейскій корпусъ. Въ крѣпости онъ видѣлъ, что главная сторона сильно укрѣплена и вооружена, боковыя же двѣ стороны очень слабо, и на нихъ, по недостатку орудій, были поставлены деревянныя подкрашенныя орудія.

Прокофьевъ досталъ клочекъ бумаги, карандашъ и, когда возвращался съ работы, составлялъ планъ какъ крѣпости, такъ и минъ. Между тѣмъ до него доходили слухи, что чрезъ недѣлю начнется штурмъ, и онъ, чтобъ успѣть предупредить о замыслахъ поляковъ, сталъ думать о побѣгѣ, наблюдалъ за часовыми, гдѣ они разставляются, придумывалъ всевозможныя средства, но надежды на побѣгъ не было; на ночь плѣнныхъ запирали въ стѣнахъ крѣпости, подъ строгимъ надзоромъ, днемъ происходили частыя повѣрки и переклички, поздно вечеромъ ихъ загоняли на ночлегъ, а рано утромъ отправляли на работы; спали они на каменномъ полу, огня имѣть имъ не позволялось. Такъ прошло два дня. На третью ночь, когда Прокофьевъ улегся спать на полъ среди другихъ плѣнныхъ, вдругъ онъ услышалъ шорохъ и почувствовалъ чье-то прикосновеніе къ ногѣ; онъ осторожно приподнялся и увидѣлъ казака. Послѣдній взялъ его за руку и на ухо сказалъ:

— Мы хотимъ бѣжать, но не знаемъ дороги, бѣжимте вмѣстѣ.

— Согласенъ, — отвѣчалъ Прокофьевъ.

— Когда будетъ все готово, подползу къ вамъ. Вы меня берите за полу и не выпускайте; я провожу васъ на стѣну; тамъ товарищи задуютъ часового, мы спустимся и бѣжимъ.

Прошло минутъ десять. Прокофьевъ почувствовалъ ударъ по ногѣ, всталъ, ухватился за полу казака, и они поползли къ заранѣе проломанному отверстию и затѣмъ вышли на стѣну; невдалекѣ отъ нихъ лежалъ трупъ задушеннаго часового, а кучка плѣнныхъ бросалась со стѣны. Прокофьевъ съ казакомъ также спрыгнули. Прокофьевъ побѣжалъ впередъ по направленію рѣки Вислы, плѣн-

ные бѣжали за нимъ безостановочно; но когда начался разсвѣтъ, они увидали погоню польской кавалеріи, слышны были выстрѣлы, и измученные отставшіе плѣнные начали падать.

Прокофьевъ зналъ, что по другую сторону Вислы стоитъ нашъ отрядъ, и, хотя было далеко, замѣтилъ костры и палатки; собравъ послѣднія силы, плѣнные стали ускорять бѣгъ, наконецъ, поровнявшись съ зажженными кострами, начали бросаться въ воду. Къ несчастію, Прокофьевъ не умѣлъ плавать и не рѣшался броситься; тотъ же казакъ схватилъ его, бросилъ въ Вислу и самъ поплылъ, поддерживая его; когда они проплыли до середины, по нимъ было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ; отъ русскаго отряда, догадавшагося, въ чемъ дѣло, выслали на помощь лодку и спасли девять человѣкъ, въ томъ числѣ Прокофьева. Въ отрядѣ переписали казаковъ и солдатъ и препроводили всѣхъ въ свои полки. Прокофьевъ сказалъ, что онъ топографъ, и просилъ отправить его къ корпусному командиру, великому князю Михаилу Павловичу, объясняя, что имѣетъ передать ему очень важный секретъ. Отрядный командиръ не повѣрилъ, такъ какъ Прокофьевъ былъ грязенъ, исцарапанъ и оборванъ; онъ велѣлъ подождать, пока наведутъ о немъ справки. Прокофьевъ сталъ просить немедленно отправить его, увѣряя, что если онъ опоздаетъ, то весь гвардейскій корпусъ погибнетъ. Тогда Прокофьевъ, подъ конвоемъ, былъ отправленъ въ главную квартиру. По прибытіи его въ лагерь, о немъ доложили его высочеству. Великій князь, увидавъ Прокофьева, не повѣрилъ, что это топографъ, принялъ его за польскаго шпіона, приказалъ связать и послать въ штабъ навести о немъ справки. Затѣмъ спросилъ, какой секретъ онъ имѣетъ ему сообщить. Прокофьевъ просилъ снять съ шеи веревку, къ которой былъ привязанъ клочекъ бумаги. Въ ту минуту изъ штаба пріѣхалъ офицеръ генеральнаго штаба и призналъ въ плѣнномъ топографа Прокофьева. Тогда его высочество, приказавъ развязать его, повелѣлъ подробно объяснить то, что нарисовано на бумагѣ. Выслушавъ все внимательно, великій князь былъ удивленъ; тотчасъ разослалъ по всѣмъ частямъ войскъ приказъ отступить съ занятыхъ позицій и самъ сдѣлалъ новыя распоряженія. Прокофьеву великій князь сказалъ, что если въ сказанномъ имъ окажется хоть малѣйшая ложь, то онъ будетъ разстрѣлянъ, и приказалъ арестовать его и держать подъ строгимъ карауломъ.

Отмѣнивъ первоначальныя распоряженія, великій князь направилъ главныя силы къ двумъ слабо укрѣпленнымъ сторонамъ. Когда начался штурмъ, первая была взорвана высота, гдѣ долженъ былъ стоять гвардейскій корпусъ, затѣмъ послѣдовали дальніе и ближніе взрывы. Поляки до того растерялись, что заряжали деревянныя пушки, которыя, конечно, тутъ же разрывались.

Прокофьевъ былъ произведенъ въ офицеры и пожалованъ орденомъ св. Георгія 4-й степени.

Когда городъ сдался и въ него съ музыкой и барабаннымъ боемъ вступили наши войска, то Прокофьеву приказано въѣзжать съ свитой его высочества и главнокомандующаго Паскевича. По окончаніи усмиренія Польши, Паскевичъ оставилъ Прокофьева при себѣ.

VII.

Николай Николаевичъ Муравьевъ.

Въ 1862 году, генералъ Николай Николаевичъ Муравьевъ, бывшій главнокомандующій на Кавказѣ, обратился къ моему непосредственному начальнику, генеральнаго штаба генералу Менде, съ просьбою назначить одного изъ ввѣренныхъ ему, Менде, офицеровъ для составленія карты военныхъ дѣйствій въ Малой Азіи. Менде назначилъ меня и, сообщая мнѣ объ этомъ назначеніи, предупреждалъ, что Муравьевъ очень строгъ и взыскателенъ.

На другой день, въ девятомъ часу утра, я отправился къ Муравьеву. Обо мнѣ немедленно доложили генералу и вслѣдъ затѣмъ провели въ его кабинетъ. Когда я вошелъ въ кабинетъ, генералъ сидѣлъ за длиннымъ столомъ и, наклонившись надъ разостланными на столѣ картами, внимательно разсматривалъ ихъ. На полу лежали тоже развернутыя карты, какія-то исписанныя тетради и груды бумагъ. На звукъ моихъ шаговъ Муравьевъ обернулся, потомъ всталъ и подошелъ ко мнѣ. Я поклонился и объяснилъ, что присланъ къ нему генераломъ Менде для составленія карты военныхъ дѣйствій въ Малой Азіи. «Ваша фамилія?»—спросилъ онъ. Я отвѣтилъ. Тогда онъ подвелъ меня къ столу, сообщивъ предварительно, что ему необходимо составить карту поступательнаго движенія русскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Малой Азіи въ кампанію 1854—1856 гг., движенія, завершившагося, какъ извѣстно, взятіемъ Карса. Весь нужный для того матеріалъ былъ уже собранъ, а также и самая карта по частямъ и вчернѣ набросана самимъ Муравьевымъ. Послѣ того Муравьевъ указалъ мнѣ на свои собственноручныя отмѣтки, сдѣланныя на картѣ карандашомъ, чернилами и красками, и объяснилъ подробно значеніе каждой изъ нихъ. Затѣмъ онъ подвелъ меня къ другому столу. Тамъ лежали карты, на которыхъ обозначено было движеніе русскихъ войскъ отъ Тифлиса до Баязета. Сдѣлавъ и тутъ всѣ необходимыя объясненія, онъ попросилъ явиться черезъ часъ. «Я попрошу васъ,—прибавилъ онъ,—являться ко мнѣ каждый разъ аккуратно къ десяти часамъ, отнюдь не запаздывая. Работать вы будете съ десяти до пяти. Захватите съ собой карандаши, краски, готовальню — однимъ словомъ, все, что необходимо для черченія картъ».

Черезъ часъ я явился со всѣми необходимыми чертежными и

рисовальными принадлежностями и принялся за работу, сообразно съ указаніями, сдѣланными мнѣ Муравьевымъ.

Въ 12 часовъ стали съѣзжаться къ Муравьеву всѣ генералы, участвовавшіе съ нимъ вмѣстѣ въ этомъ походѣ; пріѣхалъ и Менде. Когда всѣ оказались въ сборѣ, Муравьевъ открылъ засѣданіе. На засѣданіи обсуждались вопросы, имѣвшіе цѣлью своею окончательное опредѣленіе расположеній нашихъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Малой Азіи въ 1854—1856 гг., въ каждый отдѣльный моментъ движенія, причѣмъ тщательно исправлялся черновой матеріалъ, бывшій въ распоряженіи Муравьева. Въ 4 часа засѣданіе кончилось. Когда всѣ разъѣхались, Муравьевъ подошелъ ко мнѣ и сообщилъ, что желаетъ познакомиться съ началомъ моей работы. Онъ остался доволенъ. Когда пробило 5 часовъ, я простился съ нимъ и ушелъ.

Однажды, я пришелъ къ Муравьеву нѣсколько позже десяти часовъ. Увидавъ меня, Муравьевъ, не говоря ни слова и довольно холодно отвѣчая на мой поклонъ, подвелъ къ часамъ и, указавъ на нихъ, сказалъ строго:

— Поручикъ, вы опоздали на четверть часа.

— Виноватъ, ваше высокопревосходительство.

— Я никакихъ извиненій слышать не привыкъ, а потому на будущее время не заставляйте ждать себя. Садитесь и занимайтесь, и помните, что вы сегодня пропустили четверть часа.

Впрочемъ, нѣчто подобное случилось со мной и во второй мой визитъ къ Муравьеву. Въ этотъ день онъ сказалъ мнѣ:

— Въ 12 часовъ, когда будутъ съѣзжаться ко мнѣ мои сослуживцы, вамъ будетъ приготовленъ въ столовой фриштикъ. Времени на него полагается не болѣе четверти часа, такъ чтобы къ началу засѣданія вы были уже здѣсь. При этомъ вы должны внимательно прислушиваться къ тому, что будетъ говорить на этихъ засѣданіяхъ, и сообразно съ этимъ дѣлать тѣ или другія исправленія на вашей картѣ.

— Буду стараться, ваше высокопревосходительство, исполнять въ точности ваши приказанія.

— Долженъ прибавить, что если чего либо не разслышите или не поймете, просите повторить, иначе и не исправляйте карты.

Ровно въ 12 часовъ, когда стали съѣзжаться генералы, Муравьевъ вошелъ въ кабинетъ и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Оставьте вашу работу и идите фриштикать.

— Проведи поручика въ столовую, — прибавилъ онъ затѣмъ лакею.

Въ столовой былъ накрытъ большой столъ со всевозможными закусками и бутылкой краснаго вина. Когда я кончилъ завтракать, лакей подаль мнѣ папирсы; я только что успѣлъ закурить, какъ вдругъ снова является лакей и докладываетъ, что генералъ проситъ къ себѣ, такъ какъ засѣданіе началось.

Какъ только я вошелъ, Муравьевъ обратился ко мнѣ.

— Я вамъ назначилъ для завтрака четверть часа, а вы были почти полчаса и заставили насъ ждать. На будущее время прошу быть аккуратнѣе.

Ко мнѣ тотчасъ подошелъ одинъ изъ генераловъ, посмотрѣлъ мою работу и, обращаясь къ Муравьеву, сказалъ:

— Послушайте, Николай Николаевичъ: поручикъ отлично и успѣшно работаетъ. Нельзя ли прибавить ему въ награду еще четверть часа на завтракъ, сверхъ положенныхъ.

— Слово мое — мой законъ, — отвѣчалъ Муравьевъ. — На службѣ прибавки времени не полагается. Ну, будь онъ въ сраженіи и опоздай на четверть часа, вѣдь сраженіе, быть можетъ, изъ-за этого было бы проиграно.

Генералы разсмѣялись, и засѣданіе началось.

Такъ шло изо дня въ день: ровно въ 12 часовъ начиналось засѣданіе; генералы дѣлали свои замѣчанія, спорили, шумѣли. Я внимательно прислушивался къ ихъ разговорамъ и исправлялъ свою карту.

Иногда, впрочемъ, разговоръ неожиданно переходилъ на какуюнибудь тему, не имѣвшую отношенія къ главной задачѣ, преслѣдуемой этими засѣданіями. Такъ, однажды, въ разговорѣ случайно коснулись нашего училища, и генераль Менде выразилъ сожалѣніе по поводу того, что у насъ въ училищѣ слишкомъ заботятся о спеціализаціи, вслѣдствіе чего офицеръ, кончившій въ этомъ училищѣ, оказывается неспособнымъ къ другому роду службы.

Муравьевъ слушалъ внимательно и изрѣдка поглядывалъ на меня. Потомъ онъ сказалъ:

— Напрасно вы такъ думаете, Александръ Ивановичъ. У меня, напротивъ, офицеры корпуса военныхъ топографовъ занимали не только должности письмоводителей и столоначальниковъ, но даже правителей дѣлъ. И я долженъ сказать, что всегда оставался ими доволенъ; не было случая, чтобы когданибудь были ошибки, пропуски и остановки въ дѣлахъ. На Кавказѣ, наконецъ, мнѣ нерѣдко приходилось давать офицерамъ-топографамъ разныя экстренныя порученія, не имѣвшія ничего общаго съ ихъ спеціальностью, и порученія эти исполнялись хорошо, скоро, безъ всякаго промедленія, за что они и получали отъ меня благодарность и вознагражденіе.

Генераль Менде продолжалъ, однако, настаивать, что едва ли топографы могутъ принести существенную пользу въ военное время.

— Вы, Александръ Ивановичъ, — сказалъ довольно рѣзко Муравьевъ, — на войнѣ не бывали, а потому и судить о томъ, какую пользу могутъ принести на войнѣ топографы, не можете. А вотъ вамъ примѣръ. Когда я приблизился къ Карсу, между нашими и непріятельскими войсками началась перестрѣлка. Я вмѣстѣ съ свитой стоялъ на возвышеніи и слѣдилъ за ходомъ начинавшагося сраженія. Наши войска были расположены лагеремъ, и мнѣ необхо-

димо было какъ можно скорѣе имѣть планъ лагеря и расположенія нашихъ боевыхъ силъ. Но для того, чтобы снять планъ, пришлось бы нѣкоторое время ѣхать подъ непріятельскими выстрѣлами. Тогда я обратился къ одному «ученому» капитану и просилъ снять планъ. Онъ, дѣлая мнѣ подъ козырекъ, спросилъ: «какимъ инструментомъ прикажете снять, ваше превосходительство?» Я, ничего не отвѣчая ему, подозвалъ сидѣвшаго на лошади позади свиты унтеръ-офицера изъ топографовъ и повторилъ ему приказаніе. Топографъ, выслушавъ приказаніе, поскакалъ въ карьеръ по направленію къ лагерю, и черезъ часъ планъ былъ у меня въ рукахъ. Тогда, подозвавъ капитана, я, въ присутствіи его, спросилъ топографа, какимъ инструментомъ онъ снималъ планъ.

— Глазomѣрно, ваше превосходительство,—отвѣчалъ онъ.—Тогда я обратился къ свитѣ и сказалъ: господа, вы состоите при мнѣ не для того, чтобы быть украшеніемъ, а для исполненія служебныхъ моихъ приказаній, и потому прошу быть исполнительными.

Въ другой разъ разговоръ зашелъ о выносливости и храбрости русскаго солдата, и при этомъ Муравьевъ разсказалъ слѣдующее:

— Войска наши ушли далеко впередъ, а я съ полсотней казаковъ остался въ тылу. Вдругъ прискакалъ изъ цѣпи караульный и сообщилъ, что невдалекѣ показались черкесы, числомъ до трехсотъ, и готовятся произвести нападеніе. Тогда я вызвалъ охотниковъ задержать черкесовъ до прихода подкрѣпленій, за которыми я тотчасъ послалъ. Вызвалось двѣнадцать казаковъ, которые и поскакали по тому направленію, откуда ожидались черкесы, и стали ожидать ихъ, спрятавшись за горой. Какъ только черкесы приблизились къ нимъ на разстояніе выстрѣла, казаки дали дружный залпъ и съ крикомъ «ура» бросились на черкесовъ. Вслѣдствіе ли неожиданности нападенія, или вслѣдствіе того, что черкесы не знали числа своихъ противниковъ, только они немедленно отступили. Къ этому времени подоспѣли и наши подкрѣпленія. Тогда я велѣлъ приготовить обѣдъ для моихъ генераловъ и офицеровъ и пригласилъ къ обѣду и тѣхъ двѣнадцать храбрецовъ. Они смугились, когда имъ объявили, что они должны сѣсть за общій столъ съ генералами и офицерами, и въ то время, какъ мы уже сѣли, они продолжали стоять, не трогая приборовъ. Я приказалъ вторично имъ сѣсть. Когда принесли супъ, и они должны были поднять салфетки, то увидали у себя подъ каждой по Георгію. Нужно было видѣть ихъ радость и удивленіе. Я поздравилъ ихъ, и мы всѣ прокричали «ура» въ честь новыхъ георгіевскихъ кавалеровъ, а затѣмъ начался обѣдъ.

На это одинъ изъ генераловъ замѣтилъ, что хорошимъ примѣромъ испытанной храбрости казаковъ служить смѣлость, обнаруженная сотникомъ Веревкинымъ.

— Кто такой Верекинъ и чѣмъ онъ замѣчателенъ?—спросилъ Менде.

Тогда Муравьевъ, обращаясь къ Менде, сказалъ:

— Я вамъ забылъ разсказать, Александръ Ивановичъ, одинъ интересный эпизодъ изъ моего похода. Это было подъ Карсомъ. Какъ вамъ извѣстно, я хотѣлъ взять Карсъ открытымъ штурмомъ, но первый приступъ былъ неудаченъ: я отступилъ, потерявъ много людей. Сама природа сдѣлала Карсъ неприступной крѣпостью и, сверхъ того, онъ былъ замѣчательно укрѣпленъ фортификаціонно. Второй приступъ обѣщалъ быть удачнѣе, но въ ту самую минуту, когда мы готовились броситься на Карсъ, вдали послышались пушечные выстрѣлы. Извѣщенный лазутчиками, что къ Карсу идутъ сильныя подкрѣпленія, я приказалъ отступать. Представьте же себѣ мою досаду и удивленіе, когда мнѣ сообщили, что эти выстрѣлы были произведены казацкой артиллеріей, подступившей подъ начальствомъ сотника Веревкина съ горстью казаковъ къ Карсу съ тыла. Турки такъ были ошеломлены ожесточенной пушечной канонадой и неожиданнымъ появленіемъ непріятеля у себя въ тылу, что готовились очистить укрѣпленіе. Ударъ я въ это время, воспользовавшись охватившей непріятеля паникой, и Карсъ былъ бы нашъ! Спустя нѣсколько сутокъ, къ туркамъ дѣйствительно пришли сильныя подкрѣпленія, и мнѣ пришлось брать Карсъ правильной осадой.

Говорили, между прочимъ, что Кавказъ—это разсадникъ истинныхъ храбрецовъ; кавказецъ закаленъ въ бою, смѣлъ, рѣшителенъ и въ этомъ отношеніи не имѣетъ равныхъ себѣ.

Потомъ говорили о выносливости русскаго солдата и о трудностяхъ солдатской службы.

— И замѣьте себѣ,—прибавилъ одинъ генералъ,—прослужить солдатъ вѣрой и правдой 25 лѣтъ, получить въ вознагражденіе отставку, возвратится къ себѣ на родину, и что же? Дома ни родныхъ, ни кола, ни двора. И вотъ онъ, съ сумой на плечахъ, ходитъ по міру, побирается, въ холодѣ, да въ голодѣ, и наконецъ, Богъ знаетъ, гдѣ и какъ кончается свою жизнь. Вотъ вамъ и вся награда за всю его трудовую двадцатипятилѣтнюю службу!

По этому поводу другой генералъ разсказалъ слѣдующій случай, бывший на Кавказѣ съ однимъ молодымъ солдатомъ, Иваномъ Прохоровымъ. Отрядъ, въ которому принадлежалъ этотъ послѣдній, неожиданно наткнулся на цѣлое скопище черкесовъ и, видя превосходство непріятельскихъ силъ, сталъ отступать. Между тѣмъ Прохоровъ почувствовалъ, что раненъ въ ногу. Онъ остановился, сѣлъ, снялъ сапогъ и увидавъ, что рана неопасна, перевязалъ ее, какъ умѣлъ, и пошелъ было догонять своихъ. Въ это время изъ-за горы показался всадникъ: онъ ѣхалъ осторожно и озирался по сторонамъ. Прохоровъ, не долго думая, навелъ ружье и мѣткимъ выстрѣломъ свалилъ всадника. Лошадь, испуганная выстрѣломъ, бросилась въ сторону, но такъ какъ всадникъ падая не выпустилъ

поводѣвъ, она остановилась. Прохоровъ подбѣжалъ, держа ружье наготовѣ. Оказалось, однако, что всадникъ былъ мертвъ. Прохоровъ снялъ съ убитаго богатое серебряное съ чернью оружіе, надѣлъ на себя, высвободилъ поводья и сѣлъ на коня. Тутъ только онъ замѣтилъ два небольшихъ мѣшка, привязанныхъ къ сѣдлу по обѣимъ сторонамъ его. Полагая, что въ нихъ содержится кормъ для лошадей, Прохоровъ ногой толкнулъ одинъ изъ нихъ, но тотъ и не покачнулся. Желая узнать, что въ мѣшкахъ, солдатъ кинжаломъ прорѣзалъ сверху мѣшокъ,—и вдругъ оттуда посыпались червонцы. Не вѣря своимъ глазамъ, Прохоровъ бережно подобралъ червонцы и легкою рысью сталъ догонять свой отрядъ. Присоединившись къ отряду, онъ немедленно заявилъ о своей находкѣ полковому командиру. Послѣдній очень удивился, но заявилъ Прохорову, что деньги эти, по военному положенію, принадлежатъ ему, Прохорову, и онъ можетъ распорядиться ими, какъ ему будетъ угодно. Не зная, куда ему дѣвать деньги, Прохоровъ упросилъ полковаго командира отослать ихъ на родину, а себѣ оставилъ только нѣсколько червонцевъ. Деньги отправлены были въ Тифлисъ, а оттуда ихъ переслали въ государственный банкъ въ Петербургъ на храненіе. Прошло 25 лѣтъ. Прохоровъ вышелъ въ отставку. Когда онъ вернулся къ себѣ на родину, родныхъ никого въ деревнѣ не оказалось; въ живыхъ остался только сынъ, да и тотъ служилъ гдѣ-то въ Москвѣ половымъ въ трактирѣ. Прошло нѣсколько лѣтъ. Старикъ надоѣло жить по чужимъ угламъ, и онъ пошелъ въ Москву розыскивать сына. Долго ли онъ искалъ его, наконецъ нашелъ, и съ тѣхъ поръ они зажили вмѣстѣ. Разъ былъ день именинъ сына. Сынъ привелъ старика въ трактиръ и сталъ угощать. Старикъ разговорился и началъ рассказывать про свои походы на Кавказъ; рассказалъ и о находкѣ, какую онъ однажды сдѣлалъ. Рассказывая онъ и не замѣтилъ, что какой-то господинъ, сидѣвшій за сосѣднимъ столомъ, внимательно слушалъ его. Когда старикъ кончилъ, господинъ этотъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Слушай, старикъ: хочешь вернуть деньги?

— Нѣтъ, ваше благородіе, на что мнѣ деньги; развѣ вотъ для сына. Да вѣдь времени-то больно много прошло.

— Ты вотъ что лучше скажи, старикъ: есть ли у тебя деньги?

— И батюшка, какія тамъ деньги: слава Богу, сытъ, обутъ и покоенъ.

— Ну, такъ слушай же. Я за все плачу, и мы съ тобой завтра ѣдемъ въ Петербургъ за деньгами. Не получишь денегъ, копейки съ тебя не возьму.

Старикъ поговорилъ съ сыномъ, и тотъ посовѣтовалъ ѣхать. На слѣдующій день старикъ поѣхалъ съ этимъ господиномъ въ Петербургъ, явился въ банкъ, представилъ указъ объ отставкѣ и, по наведеніи справокъ, получилъ хранившееся золото со всѣми

процентами, какіе успѣли нарости за это время. Старикъ отдалъ половину денегъ своему новому знакомому, а половину передалъ сыну съ условіемъ, что тотъ ни въ чемъ отказывать ему не будетъ.

Много и еще разсказовъ въ томъ же родѣ пришлось мнѣ услышать.

Прошло два мѣсяца. Работа моя приближалась къ концу. Генералы стали сѣзжаться къ Муравьеву только разъ въ недѣлю. Наконецъ, назначено было Муравьевымъ послѣднее засѣданіе. На этомъ засѣданіи провѣрили окончательно мою работу и высказали свои замѣчанія. Муравьевъ подошелъ ко мнѣ, подаль руку и поблагодарилъ; прочіе также выразили свою благодарность и разъѣхались. Я остался исправлять замѣченные ими у меня пропуски, а потомъ сталъ прощаться. Муравьевъ, однако, попросилъ меня подождать одну минуту и ушелъ. Черезъ нѣсколько времени онъ вернулся и, подойдя ко мнѣ, сказалъ:

— Поручикъ, вы такъ много для меня потрудились, я и мои сослуживцы такъ остались довольны вашей работой, что позвольте поблагодарить васъ еще разъ—я благодарилъ уже вашего начальника, и вотъ вознагражденіе за ваши труды.

Съ этими словами онъ сталъ доставать деньги изъ бокового кармана.

— Ваше высокопревосходительство,—сказалъ я,—вы меня благодарили не одинъ разъ, и это для меня высшая награда.

— Нѣтъ, поручикъ, труды ваши должны быть вознаграждены, я уже обѣщалъ генералу Менде.

— Извините, ваше высокопревосходительство, я денегъ взять отъ васъ не могу.

— Если вы ни за что не желаете взять отъ меня деньги, сообщите, по крайней мѣрѣ, чѣмъ бы я могъ вознаградить васъ.

Я вторично отказался, и мы разстались.

Спустя недѣлю, ко мнѣ на квартиру пришелъ лакей отъ Муравьева и сообщилъ, что генералъ проситъ меня завтра къ себѣ въ 12 часовъ.

Когда я явился къ Муравьеву въ назначенное время, то Муравьевъ спросилъ, со мной ли мои рисовальныя принадлежности. Я отвѣчалъ, что да. Онъ подвелъ меня снова къ столу и просилъ исправить нѣкоторыя ошибки въ названіяхъ селеній. Когда было готово, онъ сказалъ:

— Завтра я представлю государю ваши труды, сегодня же у меня прощальный обѣдъ, на которомъ будутъ всѣ мои сослуживцы, генералъ Менде, а также прощу и васъ.

Я благодарилъ генерала, но заявилъ, что быть на обѣдѣ у него, къ сожалѣнію, не могу, по случаю опасной болѣзни жены.

— А я и всѣ мы,—сказалъ Муравьевъ,—желаемъ раздѣлить этотъ обѣдъ съ вами и на прощанье выпить за мое здоровье бокалъ шампанскаго.

Я отвѣчалъ, что готовъ выпить за его здоровье не только бокалъ, но даже стаканъ шампанскаго.

— Стакана недостаточно,—возразилъ Муравьевъ, потомъ повернулся и досталъ изъ нижняго ящика стола большой серебряный жбанъ великолѣпной работы.

— Это не деньги, и вы не имѣете права отказаться отъ моего подарка.

— Премного благодаренъ вамъ, ваше высокопревосходительство, за вниманіе. Этотъ жбанъ будетъ переходить у меня изъ рода въ родъ, и я сохраню навсегда пріятное о васъ воспоминаніе.

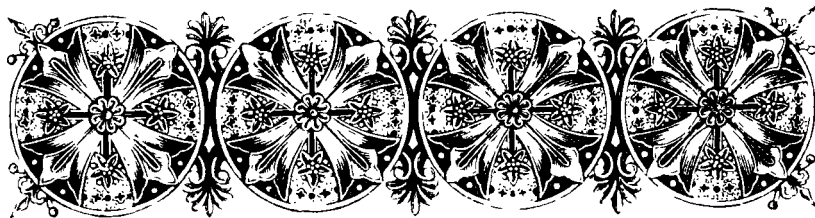
— Благодарю васъ, поручикъ, за все, сказанное вами, и жалѣю, что вы не можете быть участникомъ обѣда, какъ исполнитель всѣхъ работъ по составленію карты.

Затѣмъ мы простились. Жбанъ до сихъ поръ у меня. Снаружи онъ имѣетъ видъ какъ бы дощатый, вверху и внизу стянутъ обручами; ручка изображаетъ корень дерева. По срединѣ жбана и кругомъ его идетъ широкая лента, на которой славянскимъ шрифтомъ вырѣзано: «Отъ покорителя Карса Н. Н. Муравьева на память В. С. Мышецкому. 1862 года».

В. С. Мышецкій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ В. С. МЫШЕЦКАГО ¹⁾.

VIII.

Помѣщикъ Королинскій.

ВЪ 1851 ГОДУ, я былъ командированъ на съемку въ Тамбовскую губернію; вмѣстѣ съ этимъ мнѣ было поручено собрать необходимыя свѣдѣнія для составленія статистики Россіи.

Предварительно я заѣхалъ въ Тамбовъ представиться тамошнему губернатору, а затѣмъ уже направился въ Елатомскій уѣздъ и приступилъ къ работамъ.

На мое несчастье, лѣто стояло дождливое, а потому работы подвигались весьма медленно; жить же приходилось все больше по деревнямъ, такъ какъ помѣщичьи имѣнія попадались очень рѣдко. Только уже въ концѣ іюня стали попадаться они мнѣ сравнительно чаще, но если я и заѣзжалъ теперь въ нихъ, то на самое короткое время, чтобы успѣть окончить къ сроку нѣсколько запущенную, вслѣдствіе указанной выше причины, работу.

Помѣщики, у которыхъ я теперь останавливался, и которые, какъ, впрочемъ, вездѣ и всегда, весьма радушно меня принимали, между прочимъ, чуть не всѣ считали своимъ долгомъ спросить меня, былъ ли я уже, или не предполагаю ли я быть у нѣкоего К—скаго, богатаго помѣщика и перваго во всей губерніи конноза-

¹⁾ Окончаше. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVI, стр. 586.

водчика. Не считая возможнымъ выставить полную его фамилію, буду называть его Королинскимъ. Я отвѣчалъ, что еще не былъ, но предполагаю быть, такъ какъ его имѣнія входятъ въ районъ назначенной мнѣ для производства работъ мѣстности. Тогда они, точно сговорившись, въ одинъ голосъ начинали заявлять мнѣ, что это — самый фальшивый человѣкъ въ мірѣ, какого только можно себѣ представить: наобѣщаетъ онъ, пожалуй, все, что угодно, но и не подумаетъ серьезно исполнить обѣщанное; а потому вступать съ нимъ въ какія нибудь сдѣлки, соглашенія, положительно опасно или, по крайней мѣрѣ, совершенно бесполезно. Впрочемъ, онъ идетъ на знакомство и старается вообще поближе сойтись, но только съ тѣмъ и только тогда, когда и изъ кого можетъ надѣяться извлечь тѣмъ или другимъ способомъ—а на способы эти онъ неразборчивъ—какую либо очевидную для себя выгоду; вообще же онъ нелюдимъ, ни къ кому самъ не ѣздитъ, никого къ себѣ не приглашаетъ и никого у себя не принимаетъ. Сверхъ всего этого, скупъ до невозможности. Особенно приходится терпѣть отъ Королинскаго бѣднымъ сосѣдямъ-помѣщикамъ, а еще больше, разумѣется, собственнымъ его крестьянамъ. Что касается первыхъ, то съ ними Королинскій не церемонится: нерѣдко бывало, что дѣло доходило до насильственного, со стороны этого послѣдняго, захвата сосѣднихъ помѣщичьихъ земель, причемъ начиналась нескончаемая тяжба, тянувшаяся цѣлые годы и кончавшаяся, благодаря богатству и вліянію Королинскаго, всегда въ его пользу. Каковы же должны были быть, послѣ этого, отношенія Королинскаго къ своимъ крестьянамъ? А отношенія эти—тоже подтвердили мнѣ потомъ и сами крестьяне—были таковы. Крестьяне у Королинскаго никогда не сидѣли на одномъ мѣстѣ: стоило только имъ устроиться на какомъ нибудь отведенномъ имъ участкѣ, а отводились имъ, нарочно, одни болота и пустыри; стоило имъ цѣною непосильныхъ трудовъ создать изъ этихъ болотъ и пустырей что нибудь похожее на сколько нибудь сносную почву для произрастанія какихъ либо растений, какъ ихъ немедленно переводили на новыя болота и пустыри, гдѣ приходилось начинать все сызнова. Особенно тяжела была, по словамъ крестьянъ, работа на барщинѣ. Тогда являлся управляющій съ кнутомъ въ рукахъ, а слѣдомъ за нимъ, верхомъ на лошади и тоже съ кнутомъ въ рукахъ, самъ Королинскій.

Если управляющій замѣчалъ, что какой нибудь крестьянинъ работаетъ не особенно, по его мнѣнію, усердно, онъ подходилъ и билъ несчастнаго кнутомъ нещадно; если же управляющій, какъ казалось Королинскому, билъ не достаточно сильно, Королинскій подѣзжалъ къ управляющему и собственноручно билъ кнутомъ этого послѣдняго. О мѣрахъ, практиковавшихся при взиманіи оброковъ и разныхъ повинностей, какія несли крестьяне у Королинскаго, нечего и говорить: въ этомъ отношеніи Королинскій дошелъ до виртуозности. Съ своей

стороны, крестьяне, по словамъ помѣщиковъ, отвѣчали на такое къ нимъ отношеніе затаенной, но тѣмъ болѣе страшной, ненавистью, и нѣкоторые изъ этихъ помѣщиковъ серьезно увѣряли меня, что въ день эмансипаціи, слухи о которой тогда уже носились, Королинскому «не сдобровать» — зловѣщее предсказаніе, которому было суждено сбыться въ самый день объявленія воли! Любопытно, что не столько вообще безчеловѣчное и жестокое обращеніе Королинскаго съ своими крестьянами поселило въ нихъ такую къ нему ненависть, сколько, главнымъ образомъ, его разнузданная до невѣроятности слабость къ женскому полу, не знавшая никакого удержу; жертвами въ подобныхъ случаяхъ являлись, естественно, крестьянскія бабы и дѣвки. Обыкновенно управляющій еще съ вечера созывалъ къ себѣ старостъ и объявлялъ имъ, чтобы они на другой день, къ такому-то часу, согнали въ барскій садъ, якобы для производства какихъ-то садовыхъ работъ, самыхъ красивыхъ бабъ и дѣвокъ со всѣхъ деревень. Въ назначенный часъ Королинскій выходилъ въ садъ, отбиралъ тѣхъ, которыя приходились ему особенно по вкусу, и отводилъ поочередно въ бесѣдку, помѣщавшуюся въ концѣ сада. Вечеромъ того же дня семьѣ каждой такой избранницы посылалось черезъ старосту 15 копеекъ.

Всѣмъ этимъ рассказамъ я, однако же, не придавалъ особеннаго значенія, объясняя ихъ себѣ тѣмъ враждебнымъ чувствомъ, какое должны были питать эти люди къ Королинскому, сами подвергаясь отъ него разнымъ непріятностямъ и встрѣчая съ его стороны одно холодное презрѣніе и упорный отказъ войти въ какія либо близкія сношенія; кромѣ того, надо было принять во вниманіе и нѣкоторую склонность провинціи къ «сплетнѣ». Во всякомъ случаѣ я видѣлъ во всѣхъ этихъ рассказахъ большую или меньшую преувеличенность и потому считалъ себя вправѣ не совсѣмъ довѣрять имъ. Кромѣ этихъ не особенно лестныхъ для Королинскаго отзывовъ о немъ, мнѣ пришлось вскорѣ услышать и другіе. Такъ говорили, что Королинскій высланъ изъ Петербурга за растрату и необнаруженную утайку денегъ изъ государственнаго казначейства, безъ права выѣзда куда либо за предѣлы своего уѣзда. Такую сравнительно легкую отвѣтственность, понесенную имъ, объясняли связями, какія онъ имѣлъ въ придворныхъ и другихъ высшихъ сферахъ петербургскаго общества. Королинскій—семейный человѣкъ, но живетъ совершенно одинъ: жена, состоящая статсъ-дамой при дворѣ, и двѣ дочери, фрейлины, живутъ въ Петербургѣ, пріѣзжаютъ въ имѣніе разъ въ годъ, лѣтомъ, съ тѣмъ, чтобы получить отъ Королинскаго 50.000 рублей на прожитіе въ теченіе года, а затѣмъ уѣзжаютъ обратно. Между прочимъ, распространяясь насчетъ нелюдимости, необходимости и скупости Королинскаго, утверждали, совершенно притомъ серьезно, что онъ мнѣ не дастъ у себя ни стола, ни квартиры, и едва ли даже

впустить въ домъ. Все это меня весьма заинтересовало, и я съ терпѣніемъ сталъ ожидать этой встрѣчи.

Нѣсколько дней спустя, я, продолжая съемку и собирая свѣдѣнія по статистикѣ, дошелъ, наконецъ, до имѣнія Королинскаго. Предупрежденный во-время насчетъ вѣроятнаго приѣма со стороны этого послѣдняго, я не отправилъ къ нему, какъ дѣлалъ всегда, солдата съ извѣщеніемъ о моемъ скоромъ прибытіи и съ просьбой отвести квартиру въ усадьбѣ, а рѣшилъ ѣхать самъ.

Проѣзжая сначала по совершенно ровной мѣстности, степного характера, я увидалъ вдали длинную бѣлую каменную стѣну съ башнями, выступами, зубцами и амбразурами, заставлявшую невольно думать, что это какая нибудь крѣпость, или средневѣковой замокъ, а никакъ не помѣщицья усадьба въ одной изъ центральныхъ губерній Европейской Россіи.

Черезъ нѣсколько минутъ я подъѣзжалъ уже къ массивнымъ желѣзнымъ воротамъ, которыя оказались запертыми. Тогда я приказалъ солдату стучать въ ворота.

На стукъ вышелъ привратникъ. Я спросилъ, могу ли видѣть помѣщика. Привратникъ пошелъ узнавать. Черезъ четверть часа онъ вернулся и сказалъ:

— Николай Ивановичъ желаютъ знать, кто вы такіе будете и по какому дѣлу изволили сюда пожаловать.

— Скажи моему Николаю Ивановичу, что я командированъ по высочайшему повелѣнію и причину моего посѣщенія могу объяснить только ему лично.

Тотъ выслушалъ меня и снова ушелъ, но на этотъ разъ ждать пришлось недолго. Вернувшись, онъ отворилъ, не говоря ни слова, ворота, и я вѣхалъ во дворъ.

Большой и чистый дворъ былъ весь вымощенъ каменными плитами. Въ концѣ двора, прямо противъ воротъ, возвышался каменный трехэтажный домъ съ великолѣпнымъ параднымъ подъѣздомъ и балкономъ; два точно такіе же флигеля, нѣсколько меньшаго размѣра, стояли по бокамъ его. Позади дома, какъ можно было замѣтить, тянулся большой, тѣнистый садъ съ прудомъ, походившимъ съ виду на озеро. Направо и налево во дворѣ помѣщались каменные же конюшни, украшенныя по стѣнамъ рельефными, лѣпными, изъ бѣлаго камня, изображеніями лошадиныхъ головъ; на крышѣ каждой конюшни стояло по два изображенія лошадей во весь ростъ, сдѣланныя также изъ бѣлаго камня.

Когда я подъѣхалъ къ крыльцу, ко мнѣ вышелъ лакей и пригласилъ слѣдовать за собой. По широкой каменной лѣстницѣ, уставленной по бокамъ цвѣтами и статуями, я поднялся въ переднюю, скинулъ шинель и вошелъ въ огромную, свѣтлую залу съ высокими колоннами. Лакей пошелъ доложить обо мнѣ.

Минуту спустя, въ концѣ залы показался снѣжившій ко мнѣ навстрѣчу маленькій, толстенькій человѣчекъ, съ хитренькой и не совсѣмъ пріятной фізіономіей и съ маленькими, подозрительно прищуренными глазками.

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ онъ, не подавая руки и дѣланно-любезнымъ тономъ, въ которомъ, однако, слышалось нѣкоторое безпокойство. Пристально вглядываясь въ меня, онъ, видимо, старался, хотя совершенно напрасно, сразу опредѣлить цѣль моего неожиданнаго посѣщенія.

Вмѣсто отвѣта, я молча подаль высочайшій указъ. Онъ взялъ его и, предварительно еще разъ внимательно посмотрѣвъ на меня, попросилъ сѣсть. Я не заставилъ себя просить вторично. Потомъ онъ сталъ, также молча, читать указъ. Прочитавъ его, онъ вернулъ его мнѣ. Тогда я досталъ программу, которой велѣно намъ было руководиться при собираніи свѣдѣній по статистикѣ и предложилъ прочесть также и ее. На этотъ разъ Королинскій читалъ, дѣлая видъ, что съ трудомъ вникаетъ въ смыслъ читаемаго, кончалъ и начиналъ опять съ начала. Наконецъ быстро обернулся ко мнѣ и сказалъ съ неудовольствіемъ и удивленіемъ:

— Изъ предъявленной вами, господинъ офицеръ, программы я вижу, что правительство желаетъ получить подробныя свѣдѣнія относительно того, въ чемъ заключаются мои богатства, и что имѣютъ мои крестьяне. Здѣсь упоминается обо всѣхъ доходахъ, получаемыхъ мною съ моего имѣнія, о конскихъ и другихъ заводахъ; здѣсь говорится и о барщинѣ, и объ оброкѣ, и объ урожаѣ хлѣбовъ и травъ, о мельницахъ, крестьянскихъ избахъ, ихъ пищѣ въ будничные и праздничные дни, о количествѣ скота и прочее, прочее?.. Да поми-луйте, батюшка мой, что-жъ это такое?.. Да вѣдь съ ума сойдешь, прежде чѣмъ будешь въ состояніи отвѣтить на всѣ эти предлагаемые вопросы!.. Да и какое, наконецъ, дѣло правительству до того, чѣмъ я живу и какъ живу?!.. Какое ему дѣло до моего имущества?!.. Это все—моя собственность, и описывать ее я никому не позволю!.. Я самъ буду распоряжаться ею, я живу для себя и отчета въ своихъ дѣйствіяхъ и въ положеніи моего состоянія отдавать никому не намѣренъ!..

— Если вы, милостивый государь,—какъ можно спокойнѣе отвѣчалъ я,—откажетесь дать мнѣ требуемыя свѣдѣнія, моя обязанность немедленно донести объ этомъ губернатору.

Это заявленіе подѣйствовало на него. Онъ постарался сдержать себя и сказалъ, значительно поубавивъ прежній тонъ.

— Да вы посудите сами, зачѣмъ вамъ дѣлать такую подробную опись моего имущества, моихъ доходовъ? Я вѣдь никому не долженъ, долговъ за мной нѣтъ никакихъ!..

— Никакой описи вашего имущества никто, милостивый государь, не производитъ. Я только произвожу военно-топографическую

съемку и собираю по порученію высшаго начальства тѣ данныя, какія необходимы для составленія возможно полной статистики. А для этой послѣдней цѣли необходимо собрать всѣ свѣдѣнія, коими опредѣляется какъ общее благосостояніе государства, такъ и благосостояніе каждой отдѣльной губерніи, уѣзда, селенія, cadaго отдѣльнаго землевладѣльца и крестьянина. Этими свѣдѣніями руководится генераль-квартирмейстеръ, распредѣляя на постой войска въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи. Тамъ, гдѣ показанъ болѣе или менѣе значительный урожай травъ, ставятъ кавалерію и артиллерію, а гдѣ, наоборотъ, наблюдается недостатокъ кормовыхъ травъ, туда направляютъ исключительно пѣхоту. Кромѣ того, общимъ благосостояніемъ мѣстности, выражающимся, главнымъ образомъ, урожаемъ хлѣбовъ, руководствуются и при опредѣленіи количества войска, какое можетъ быть поставлено въ этой мѣстности безъ особеннаго обремененія этимъ жителей послѣдней. Такъ въ губерніяхъ съ среднимъ урожаемъ ставятъ на сто душъ крестьянъ отъ 1 до 5 солдатъ, а при менѣе благопріятныхъ условіяхъ и вовсе избавляютъ отъ постоя; въ хлѣбородныхъ же губерніяхъ и среди особенно зажиточнаго населенія ставятъ одного солдата на каждыя двѣ крестьянскія избы. Наконецъ, свѣдѣнія, даваемые статистикой, позволяютъ ясно видѣть, во что обойдется содержаніе солдата, одного или съ лошадыю, въ продолженіе одного года и въ той или другой мѣстности края; сообразно съ этимъ, крестьянамъ отпускается провіантъ на солдата, и выдаются фуражныя деньги на лошадь. Что же касается до собственности, будетъ ли то собственность крестьянина, или помѣщика, она остается неприкосновенной.

Вслушавъ эти мои объясненія и, повидимому, удовольствовавшись ими и нѣсколько успокоившись, Королинскій послалъ за управляющимъ. Когда этотъ послѣдній явился, онъ передалъ ему программу, велѣлъ дать всѣ требуемыя свѣдѣнія и принести ему обратно для провѣрки.

Вслѣдъ за этимъ я обратился къ Королинскому и сказалъ:

— Милостивый государь, надѣюсь, вы не откажетесь дать мнѣ здѣсь у васъ квартиру.

— У меня нѣтъ для васъ свободнаго помѣщенія. Домъ я занимаю самъ, одинъ флигель приготовленъ для семейства, которое со дня на день ожидаю изъ Петербурга, другой флигель занимаетъ мой управляющій. Если хотите, впрочемъ, я прикажу вамъ отвести квартиру въ деревнѣ.

— Я, конечно, не имѣю права стѣснять васъ, милостивый государь, и если прошу васъ отвести мнѣ квартиру, то только потому, что вижу въ этомъ удобство не для меня одного лично, но и для васъ самихъ: это дастъ мнѣ возможность окончить работу въ менѣе продолжительное время, кромѣ того, это позволитъ вамъ всякій разъ, какъ только понадобится, обращаться ко мнѣ за справками, за

разъясненіями. А недоразумѣнія при составленіи статистики весьма возможны.

— Что касается до недоразумѣній всякаго рода и необходимости обращаться къ вамъ за какими нибудь справками, то къ вамъ съ этою цѣлью будетъ пріѣзжать мой управляющій. Что же касается до удобствъ и болѣе скорого окончанія работъ, то до этого мнѣ нѣтъ никакого дѣла, и квартиры въ моемъ домѣ я дать вамъ не могу. Прощайте.

Съ этими словами онъ повернулся и ушелъ. Мнѣ ничего не оставалось, какъ сдѣлать то же самое. Я вышелъ изъ залы; въ передней мнѣ подали шинель; тутъ же ожидалъ меня управляющій. Вмѣстѣ съ нимъ мы стали спускаться по лѣстницѣ.

Откровенно говоря, несмотря на всѣ сдѣланныя мнѣ помѣщиками предупрежденія по поводу предстоявшаго мнѣ пріема у Коронинскаго, я до послѣдней минуты не вѣрилъ въ возможность подобнаго сухого и холоднаго пріема. Я перевидѣлъ на своемъ вѣку много помѣщиковъ, и богатыхъ, и бѣдныхъ, но ни отъ одного изъ нихъ ни встрѣчалъ такой холодности, такого нерадушія. Не говоря уже о богатыхъ или даже помѣщикахъ средней руки, мнѣ приходилось посѣщать и такихъ, которые жили чуть не въ крестьянскихъ избахъ. Помню одного изъ нихъ. Когда я попросилъ крестьянъ указать, гдѣ живетъ помѣщикъ, мнѣ показали на бѣдную полуразвалившуюся лачужку, крытую соломой. Я не повѣрилъ, но оказалось, что онъ дѣйствительно живетъ здѣсь. По мѣрѣ моего приближенія удивленіе мое продолжало только возрастать, а когда я наконецъ вошелъ въ отворенную дверь и заглянулъ внутрь, то былъ просто пораженъ: потолокъ грозилъ ежеминутно обрушиться, и хозяинъ, желая, конечно, предотвратить подобную катастрофу, разставилъ тамъ и сямъ подпорки; окна перекосились, въ углахъ плѣсень, полъ пришелъ въ состояніе полнѣйшей негодности, все ветхо, старо до невозможности, всюду грязь, пыль, паутина... Однимъ словомъ, оставалось только удивляться, какъ можетъ человѣкъ жить въ подобной норѣ, а между тѣмъ тутъ жилъ, да еще кто? помѣщикъ!.. Домишко былъ крохотный, въ двѣ какія-то коморки. Мебели сколько нибудь порядочной, разумѣется, никакой; комфорта какого либо и подавно. Бѣдность, крайняя бѣдность сквозила повсюду.

— Есть тутъ кто?—спросилъ я.

Изъ сосѣдней комнатки вышелъ ко мнѣ навстрѣчу уже совсѣмъ сѣдой старикъ, бѣдно одѣтый, съ лицомъ, не лишеннымъ пріятности, хотя и изборожденнымъ морщинами. Увидавъ меня, онъ словно просіялъ и, не выслушавъ даже хорошенько причины моего посѣщенія, просилъ непременно войти и посидѣть у него хоть немножко. Разговорились. Слово за слово, онъ рассказалъ, что когда-то тоже жилъ ничего себѣ, да обѣднѣлъ до послѣдней степени. Теперъ всѣ

его владѣнія заключались въ этой лачужкѣ да небольшимъ огородѣ, разведенномъ позади ея.

— Чѣмъ же вы живете? — спросилъ я съ невольнымъ изумленіемъ.

Онъ сначала замялся было, а потомъ, усмѣхнувшись, сказалъ:

— Чѣмъ живу-то я?.. А вотъ, видите ли, — прибавилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы съ какимъ-то таинственнымъ и вмѣстѣ лукавымъ видомъ: — собачка есть у меня, кобель, да шустрый такой, бестія — ни одной, понимаете ли, дамъ изъ ихней породы спуску, что называется, не даетъ, всѣ-то онѣ передъ нимъ пасуютъ. Такъ вотъ, стало быть, сударь ты мой, и приносятъ это ко мнѣ эдакихъ-то капризныхъ, — охотнички, разумѣются, приносятъ, — ну, а у него дѣло это двѣ минуты... И чистыя денежки... — прибавилъ онъ, засмѣявшись тихимъ старческимъ смѣхомъ. — Вотъ оно что. Да.

Разсмѣялся и я.

— Вотъ, батюшка мой, чѣмъ живу, вотъ кто меня кормитъ. А то хоть съ голоду помирай, право, — продолжалъ онъ. — Только ужъ этого въ свою статистику, тамъ что ли, вы, батюшка, не заносите: неловко оно, сами понимаете, — закончилъ онъ.

Я общалъ и показалъ его бездоходнымъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, иначе и показать-то было мудрено.

Поговорили мы съ нимъ, вдругъ онъ засуетился.

— Чѣмъ же мнѣ васъ, батюшка, угостить-то? Чайку бы, да нѣтъ ни чаю, ни самовара. Было, да прошло. Позвольте, — точно припомнилъ онъ что-то.

Напрасно я старался остановить его, говоря, что мнѣ рѣшительно некогда, что я тороплюсь, зашелъ на одну минутку и т. п., просилъ не беспокоиться... Не тутъ-то было! Только я поднялся съ своего мѣста и сдѣлалъ видъ, что собираюсь уходить, онъ замѣтилъ это мое движеніе и сразу принялъ глубоко оскорбленный видъ, точно своимъ поспѣшнымъ уходомъ я наносилъ ему кровную обиду.

— Нѣтъ, батюшка, — заговорилъ онъ совсѣмъ другимъ тономъ, и я увидалъ передъ собой дѣйствительно помѣщика, — ужъ извините меня, а такъ отпустить васъ я не могу. Посидите, — прибавилъ онъ вдругъ и поспѣшно, не слушая меня, скрылся въ сосѣдную комнату.

Я слышалъ, какъ онъ поднялъ крышку сундука и долго шарилъ тамъ. Вслѣдъ за этимъ, онъ показался самъ, неся въ рукахъ какую-то бутылку. Осмотрѣвъ ее со всѣхъ сторонъ и даже поглядѣвъ на свѣтъ, онъ старательно обтеръ ее полою и поставилъ на столъ. Затѣмъ снова побѣжалъ въ ту же комнату и принесъ на этотъ разъ, должно быть, единственную, бывшую у него, рюмку. Вслѣдъ за этимъ онъ началъ не слѣша разматывать тряпки, въ которыя обернута была пробка. Наконецъ, вытащивъ пробку, онъ бережно сталъ наливать въ рюмку какую-то темную и густую жидкость.

— Это-съ наливка, домашняго приготовленія, — объяснялъ онъ въ то же время. — Бережется для самыхъ дорогихъ и рѣдкихъ гостей. Чу-десная!

Онъ налилъ мнѣ рюмку и, пододвигая ее, сказалъ:

— Выкушайте.

Я не заставилъ себя просить вторично и выпилъ. Наливка была дѣйствительно великолѣпная.

— Ну, что, какова? — спросилъ онъ не безъ самодовольства.

— Прелесть, — отвѣчалъ я.

Онъ, не говоря ни слова, налилъ мнѣ вторую. Я не отказался. Только тогда рѣшился онъ отпустить меня, проводилъ до самаго порога, и долго еще слышались мнѣ его пожеланія. Вотъ какіе были помѣщики!

«Ахъ, чортъ тебя возьми совѣмъ!» — мысленно говорилъ я между тѣмъ, спускаясь по лѣстницѣ вмѣстѣ съ управляющимъ и все еще находясь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что сдѣланнаго мнѣ приѣма. Управляющій, должно быть, догадывался, въ какомъ хорошемъ настроеніи духа находился я въ эту минуту, потому что счелъ нужнымъ, съ своей стороны, нѣсколько успокоить меня.

— Будьте покойны, господинъ офицеръ, — началъ онъ: — квартиру я вамъ отведу всего въ трехъ верстахъ отсюда; изба у васъ будетъ чистая, изъ мебели я велю доставить все, что потребуется; провизію вы будете получать отъ старосты; а если еще что понадобится, обращайтесь безъ стѣсненія прямо ко мнѣ: я, что можно, все дамъ съ большимъ удовольствіемъ. Для работъ постоянно будетъ къ вашимъ услугамъ лошадь и бѣговья дрожки. А Николая Ивановича вы ужъ извините: человекъ они, можно сказать, странный; обращеніе у нихъ съ пріѣзжими, особенно которые по дѣламъ службы пріѣзжаютъ, какъ вотъ вы, напримѣръ, и очень, доложу вамъ, грубое: сколько разъ изъ-за этого самаго жалобы на нихъ подавали, къ самому губернатору вызывали, выговоры строгіе дѣлали. Ничего-съ не дѣйствуетъ! какимъ были, такимъ и остались. Только вотъ господинъ Кошкаревъ у нихъ бываетъ; такъ того, нечего сказать, хорошо принимаютъ, а потому самому, что это правая рука Николая Ивановича: гдѣ что чуть посовѣтовать, сейчасъ за господиномъ Кошкаревымъ.

Тутъ я и самъ вспомнилъ, что помѣщики не разъ упоминали при мнѣ объ этомъ непремѣнномъ совѣтникѣ Королинскаго и отзывались о немъ хоромъ: бестія продувная! Потомъ я встрѣтилъ разъ этого Кошкарева у Королинскаго: маленькій, сухенькій, поджаренькій, съ пискливымъ голоскомъ, мышинными глазками, безпоясочно бѣгавшими изъ стороны въ сторону, онъ производилъ непріятное впечатлѣніе. Интереснѣе всего было то, что онъ никогда не могъ смотрѣть прямо въ глаза тому, съ кѣмъ говоритъ: кажется,

говорить съ вами, а глаза у него такъ и бѣгаютъ, такъ и бѣгаютъ изъ стороны въ сторону.

— Вотъ и съ вами, откровенно скажу,—продолжалъ управляющій,—позволили они себѣ обойтись довольно дерзко. Я вѣдь и самъ когда-то, знаете ли, былъ военнымъ—давненько это было, самъ знаю, что такое жить, особенно офицеру, на деревнѣ, въ простой мужицкой избѣ, да ничего не подѣлаешь. Впрочемъ, будьте покойны, я постараюсь сдѣлать для васъ все, что можно, и завтра же утромъ можете пріѣзжать, квартира будетъ готова.

На этомъ мы съ нимъ разстались. Я, конечно, поблагодарилъ его на прощаніе еще разъ и поѣхалъ.

На другой день, въ полдень, я пріѣхалъ въ указанную мнѣ деревню и нашелъ назначенную мнѣ квартиру. Изба, въ которой я теперь остановился, была совершенно новая, только что выстроенная, свѣтлая, сухая и чистая. Туда уже успѣли поставить столъ, два стула и кровать. Вечеромъ зашелъ управляющій, спросилъ, въ которомъ часу я обыкновенно обѣдаю и ужинаю, распорядился, чтобы староста отпускалъ мнѣ аккуратно провизію, затѣмъ обѣщавъ на другое утро прислать лошадь съ бѣговыми дрожками, простился и уѣхалъ.

Весь слѣдующій день я съ самаго утра провелъ на работѣ и вернулся къ себѣ уже поздно вечеромъ. Тутъ я узналъ отъ старосты, что завтра утромъ собирается зайти ко мнѣ управляющій посоветоваться относительно нѣкоторыхъ пунктовъ, указанныхъ въ программѣ по статистикѣ, и просить поэтому до его прихода на работы не уѣзжать. Я такъ и сдѣлалъ. Въ 10 часовъ утра дѣйствительно зашелъ ко мнѣ управляющій и попросилъ объясненій по поводу нѣкоторыхъ пунктовъ программы. Я далъ всѣ нужныя объясненія и поѣхалъ на работы.

Не проѣхавъ я и двухъ верстъ, какъ вдали показался столбъ пыли, а затѣмъ двѣ коляски, одна за другой, ѣхавшія по направленію къ усадьбѣ Королинскаго. Когда онѣ поравнялись со мной, я увидать, что въ первой коляскѣ сидѣла пожилыхъ лѣтъ дама, весьма пріятной наружности, а съ нею двѣ молоденькія и весьма хорошенькія особы. Эге-ге, — подумалъ я. Между тѣмъ, при видѣ меня, онѣ сдѣлали нѣсколько удивленный видъ, очевидно, никакъ не ожидая подобной встрѣчи; я же, съ своей стороны, поспѣшилъ снять фуражку и вѣжливо раскланяться. Онѣ поклонились мнѣ въ свою очередь. Когда онѣ проѣхали, я оглянулся еще разъ: онѣ продолжали все еще внимательно смотрѣть въ мою сторону и, казалось, слѣдили, куда я ѣду. Что касается второй коляски, то въ ней ѣхала прислуга, и были сложены чемоданы.

Меня чрезвычайно интересовало знать, кто бы это могли быть. Все заставляло предполагать, что это жена Королинскаго и его дочери. Желая убѣдиться въ этомъ, я остановилъ лошадь и продол-

жалъ смотрѣть, куда онѣ повернутъ. Обѣ коляски повернули прямо къ усадьбѣ Королинскаго, и вслѣдъ затѣмъ я ясно услыхалъ, какъ онѣ въѣхали во дворъ. Сомнѣній никакихъ больше быть не могло: это были Королинскія. Однако, желаніе удостовѣриться въ этомъ такъ было велико, что я, раньше обыкновеннаго окончивъ съемку, въ 6 часовъ вечера былъ уже въ деревнѣ и немедленно послалъ за управляющимъ. Когда онъ, наконецъ, явился, я спросилъ, составлены ли имъ отвѣты на всѣ вопросы, предложенные въ программѣ. Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, что имъ разосланы уже по деревнямъ старосты считать коровъ, лошадей и прочій домашній крестьянскій скотъ, но свѣдѣнія до сихъ поръ къ нему не поступали. Тогда я перевелъ незамѣтно разговоръ на Королинскихъ и, между прочимъ, спросилъ самымъ невиннымъ образомъ, не знаетъ ли онъ, кто это такія дамы, которыя, какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, показалось, ѣхали по направленію къ усадьбѣ.

— Это жена Николая Ивановича и двѣ его дочери,—объяснилъ управляющій.—Онѣ видѣли васъ и спрашивали меня, кто вы такіе, какъ попали сюда и чѣмъ занимаетесь. Я имъ рассказалъ и упомянулъ о томъ приѣмѣ, какой вы себѣ здѣсь встрѣтили со стороны Николая Ивановича. Онѣ пришли въ большое негодованіе, очень ругали Николая Ивановича и даже обозвали ихъ «дуракомъ».

Оставшись очень доволенъ полученными свѣдѣніями и выпроводивъ управляющаго, который оказывался больше мнѣ ненуженъ, я счелъ необходимымъ тотчасъ же, не теряя ни минуты, приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Прежде всего надлежало придумать какой нибудь благовидный предлогъ чтобы увидѣться, а слѣдовательно и познакомиться съ только что приѣхавшими дамами. Это было, впрочемъ, дѣломъ одной минуты.

На другое утро, занявшись рачительно своимъ туалетомъ, надѣвъ свѣженькіе перчатки, эполеты и эксельбанты, хранившіеся для «особо важныхъ» случаевъ, я часовъ около двѣнадцати съ шумомъ и громомъ въѣзжалъ на дворъ къ Королинскимъ.

Подѣзжая къ дому, я замѣтилъ на балконѣ Королинскую. Я поклонился. Она отвѣчала мнѣ также любезнымъ поклономъ и улыбкою. Для начала недурно,—подумалъ я.

Скинувъ шинель въ передней и попросивъ лакея доложить о моемъ приѣздѣ Королинскому, я прошелъ въ залу. Не успѣлъ я войти въ нее, какъ ко мнѣ навстрѣчу уже шла та самая особа, которую я видѣлъ за минуту передъ тѣмъ на балконѣ. Она, дѣйствительно, была уже не въ молодыхъ годахъ, но при всемъ томъ черты лица ея, выраженіе глазъ, фигура и осанка—все отличалось необыкновенною пріятностью и доказывало, что въ молодости она была замѣчательная красавица. Сверхъ того, у нея были чрезвычайно изящныя манеры, сразу выказывавшія въ ней особу изъ высшаго аристократическаго круга. Я представился, она подала мнѣ руку и пригласила сѣсть.

— Какъ вы удивили насъ, — сказала она; — я никакъ не ожидала въ такой глуши встрѣтить блестящаго петербургскаго офицера и притомъ ученаго, — она при этомъ слегка указала глазами на мои эксельбанты. — Какъ вы попали сюда?

— Я получилъ командировку въ вашу губернію для собиранія свѣдѣній по статистикѣ и для производства военно-топографическихъ работъ.

— Давно вы здѣсь, въ нашемъ имѣніи?

— Всего три дня.

— Гдѣ же находится ваша резиденція?

— Я остановился въ деревнѣ.

— Почему же вы не остановились у насъ? Вы могли бы свободно занять цѣлый флигель: онъ никѣмъ не занятъ. И охота вамъ, право, лишать себя самыхъ необходимыхъ удобствъ и подвергаться всевозможнымъ лишеніямъ.

— Я не имѣю права въ этомъ отношеніи беспокоить помѣщиковъ, и потому если они предлагаютъ мнѣ квартиру у себя, то это дѣлается по ихъ доброй волѣ, съ ихъ непремѣннаго согласія. Правда, до сихъ поръ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда работы производились близъ усадьбы какого нибудь помѣщика, мнѣ не приходилось искать себѣ помѣщенія въ деревнѣ, но, повторяю, я не могъ, не имѣлъ права настаивать на томъ, чтобы и Николай Ивановичъ точно также далъ мнѣ квартиру у себя.

— Вы, конечно, говорили съ нимъ объ этомъ?

— Да, я просилъ, но онъ категорично заявилъ, что для меня у него квартиры нѣтъ, и вслѣдъ за тѣмъ приказалъ управляющему подыскать мнѣ квартиру въ деревнѣ.

Въ это время въ залу вошелъ Королинскій. Мрачный, угрюмый, онъ, очевидно, былъ весьма недоволенъ моимъ неожиданнымъ визитомъ; тѣмъ не менѣе, онъ подошелъ, подаль мнѣ руку и сѣлъ.

— Извините, Николай Ивановичъ, — обратился я къ Королинскому, — что мнѣ пришлось васъ побеспокоить сегодня. Вашъ управляющій затрудняется опредѣлить въ точности количество скаковыхъ лошадей, годныхъ для кавалеріи, а между тѣмъ намъ это необходимо знать.

— Я завтра же переговорю съ нимъ насчетъ этого и кстати пересмотрю его работу. Однако, полагаю, что скоро наступитъ и конецъ вашей съемкѣ?

— До конца, Николай Ивановичъ, еще далеко: ваше имѣніе очень обширно; кромѣ того, если будутъ дожди, съемка затянется на неопредѣленное время.

— Извините, господа, — прервала насъ неожиданно Королинская, — мнѣ кажется, вашъ «статистическій» разговоръ конченъ?

— Да, болѣе я не намѣренъ беспокоить Николая Ивановича, — отвѣчалъ я.

— Въ такомъ случаѣ, у меня къ вамъ будетъ большая просьба,—обратилась Королинская ко мнѣ:—пожалуйста, будьте такъ добры, переѣзжайте къ намъ во флигель; я прикажу доставить вамъ туда все, что только вамъ понадобится. Вы представить себѣ не можете, какъ мы здѣсь скучаемъ, однѣ, въ глуши, послѣ столичной жизни и, притомъ, въ Петербургѣ, хотя пріѣзжаемъ сюда всего на двѣ недѣли. И вотъ теперь мы, конечно, не пропустимъ единственнаго случая избавиться отъ этой ужасной скуки, какой представляется намъ въ лицѣ вашемъ. Николай Ивановичъ, отказавшись дать вамъ квартиру, поступилъ ужасно неблагородно, и потому я, сверхъ того, что вамъ уже сказала, намѣрена вознаградить васъ. Сегодняшній день, до вечера, вы проведете съ нами, а завтра переѣзжайте къ намъ во флигель.

— Я, съ своей стороны, не могу на это согласиться,—поспѣшилъ заявить Королинскій:—квартиры господину офицеру я не дамъ, домъ мой, и я буду распоряжаться имъ, какъ мнѣ угодно.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, и не упрашивайте меня переѣзжать сюда,—обратился я къ Королинской:—въ квартирѣ мнѣ теперь нѣтъ никакой надобности, такъ какъ управляющій отвелъ мнѣ совершенно новую избу въ деревнѣ. Я самъ не желалъ бы въ настоящее время переѣзжать сюда.

— Ну, дѣлать нечего, если вы сами не желаете переѣзжать, ночуйте въ деревнѣ, но только ужъ днемъ прошу непременно быть у насъ,—сказала Королинская. Потомъ, замѣтивъ какое-то нетерпѣливое движеніе, сдѣланное ея супругомъ при этихъ послѣднихъ словахъ, какъ будто онъ собирался возражать ей, она быстро повернулась къ нему и сказала:—тебя, Николай Ивановичъ, я слушаю больше не намѣрена. Отправляйся въ свой кабинетъ, сиди тамъ, сколько твоей душѣ угодно, а намъ ужъ не мѣшай. Мы пріѣхали сюда не для того, чтобы видѣть твою непріятную, кислую фізіономію, мы желаемъ провести время весело, пріятно, въ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, а главное, въ пріятномъ обществѣ.

— Но ты отвлекаешь господина офицера отъ занятій по службѣ, и ему придется отвѣчать за это,—пробовалъ возражать Королинскій.

— Николай Ивановичъ напрасно беспокоится относительно меня и относительно успѣшнаго хода моихъ служебныхъ занятій,—счелъ нужнымъ вмѣшаться я съ своей стороны.—Если вы, многоуважаемая Елизавета Петровна,—я успѣлъ, входя въ залу, спросить лакея, какъ зовутъ супругу Королинскаго,—прожили бы здѣсь до осени, то и тогда, повѣрьте, какъ бы часто я ни навѣщалъ васъ, работы мои, будьте покойны, будутъ идти своимъ чередомъ и будутъ окончены къ сроку.

— Если такъ, то я очень рада и могу, слѣдовательно, располагать вами, какъ намъ заблагоразсудится. Что же ты, Николай Ивановичъ?—обратилась она къ супругу, который продолжалъ преспо-

койно сидѣть, все еще, очевидно, не теряя надежды на то, что я скоро уйду.

Королинскій злобно взглянулъ на жену, на меня, нехотя поднялся и, бормоча что-то себѣ подъ-нось, медленно поплелся къ себѣ въ кабинетъ.

— Вы себѣ не можете представить, — заговорила Королинская, обращаясь ко мнѣ, лишь только супругъ ея вышелъ изъ комнаты, — что такое сдѣлалось за послѣднее время съ моимъ Николаемъ Ивановичемъ. Я положительно не узнаю его. Здѣсь, въ этой глуши, лишенный всякаго общества, всегда и постоянно одинъ, онъ положительно одичалъ, загрубѣлъ, какъ мужикъ. Я увѣрена, что онъ еще до нашего пріѣзда наговорилъ вамъ всевозможныхъ грубостей и дерзостей, и вы только изъ деликатности не упомянули объ этомъ въ разговорѣ со мной. Кстати, вы прекрасно сдѣлали, что заѣхали къ намъ сегодня, хотя я съ самаго утра собиралась послать за вами просить къ намъ.

Въ это время дверь въ залу вновь отворилась, но на этотъ разъ въ комнату вошли, одна за другой, двѣ красавицы брюнетки, нѣсколько южнаго типа, стройныя, граціозныя, пышныя и одѣтыя замѣчательно со вкусомъ; при этомъ онѣ до того поразительно похожи были одна на другую, что съ перваго раза, не приглядѣвшись, трудно было различить ихъ.

Войдя въ залу и замѣтивъ меня, дѣвицы сдѣлали нѣсколько удивленный видъ, но сейчасъ же, точно оправившись отъ перваго легкаго смущенья, прямо и спокойно направились къ намъ.

— Позвольте представить вамъ моихъ дочерей, — сказала Королинская, въ то время какъ я, поднявшись съ своего мѣста и звякнувъ шпорами, отдавалъ почтительный поклонъ. — Вотъ эта старшая, — продолжала Королинская, указывая на одну изъ красавицъ, — художница: рисуетъ масляными красками и, скажу безпристрастно, рисуетъ великолѣпно.

Та, про которую говорили мнѣ это, при послѣднихъ словахъ матери кокетливо опустила глазки, какъ будто немного смущенная такимъ лестнымъ о ней отзывомъ, да еще въ присутствіи совершенно посторонняго человѣка, который, при томъ, видитъ ее въ первый разъ, но сейчасъ же подняла ихъ.

— А эта, младшая, — указала Королинская на другую, — отличная музыкантша и пѣвица; въ Петербургѣ всѣ положительно въ восторгѣ отъ ея игры и пѣнія.

Та въ свою очередь продѣлала то же самое, что и старшая ея сестрица и съ неменьшимъ искусствомъ.

Я, конечно, успѣшилъ намекнуть, какое счастье имѣть дочерей, надѣленныхъ отъ природы съ избыткомъ всякими прекрасными качествами, и, сверхъ того, еще талантливыми, за что былъ вознагражденъ тремя восхитительнѣйшими улыбками.

Затѣмъ мы сѣли. Дѣвицы помѣстились рядомъ съ матерью.

— Не правда ли, мои милыя,—обратилась Королинская къ дочерямъ,—какъ мы были пріятно поражены, встрѣтивъ здѣсь, среди лѣсовъ и полей, ученаго офицера? И представьте,—продолжала она, обращаясь къ нимъ же,—оказалось, что этотъ офицеръ, по милости вашего отца, долженъ жить въ деревнѣ, въ простой деревенской избѣ, вѣсть Богъ знаетъ что, грубую мужицкую пищу; уѣзжаетъ голодный, разумѣется, на работы, проводить въ глуши цѣлый день и къ вечеру возвращается обратно въ ту же грязную мужицкую избу... Ахъ, это ужасно, положительно ужасно!..—закончила она съ глубокимъ вздохомъ.

Дѣвицы выразили на своихъ прелестныхъ личикахъ самый неподдѣльный ужасъ и въ то же время самое глубокое сочувствіе къ моему «ужасному» положенію.

— Вы, Елизавета Петровна, слишкомъ преувеличиваете тѣ лишенія, какимъ я подвергаюсь, живя въ деревнѣ...

— Но, маман, а нашъ флигель?..—смѣло и рѣшительно перебили меня дѣвицы. — Онъ не занятъ?..

— Да, моя милая,—заговорила Королинская, обращаясь почему-то къ старшей,—но отецъ твой боится, что офицеръ, живя здѣсь, узнаетъ всѣ его грѣшки и занесетъ ихъ въ свою статистику. Вы вѣдь знаете,—сказала она обѣимъ,—что онъ никого у себя не принимаетъ, живетъ, какъ медвѣдь въ берлогѣ. Онъ отказалъ и отказалъ въ весьма грубой и неделикатной формѣ.

— Николай Ивановичъ могъ быть просто не въ духѣ, не въ расположеніи?.. — пытался я защитить послѣдняго.

— О, нѣтъ, у него постоянное нерасположеніе ко всѣмъ рѣшительно, безъ исключеній, кромѣ, разумѣется, собственной своей особы. Вы думаете, онъ и съ нами всегда бываетъ деликатенъ? О, нѣтъ, нисколько. Но мы ему рѣдко когда уступаемъ, а въ доказательство прошу васъ сегодня, завтра, послѣзавтра и такъ далѣе — однимъ словомъ, все время, всѣ дни, пока мы не уѣдемъ въ Петербургъ, пока мы здѣсь, — быть у насъ запросто, безъ всякихъ этикетовъ. При этомъ я буду просить васъ не обращать никакого вниманія на его, — она показала рукой по направленію къ кабинету мужа, — непріятную мимику. Этимъ всѣмъ вы намъ доставите большое удовольствіе. Дѣти, — обратилась она къ дочерямъ, — принесите ваши рисунки, ноты: мы займемся сейчасъ изящными искусствами.

Обѣ дѣвицы немедленно скрылись. Черезъ нѣсколько времени старшая вернулась съ большимъ портфелемъ въ рукахъ. Въ немъ оказалась масса рисунковъ, исполненныхъ масляными красками; тутъ были и цвѣты, и портреты, и пейзажи, и все, что хотите. Больше всего мнѣ понравился видъ съ Невы на Васильевскій островъ, и я обратилъ на эту картину особенное вниманіе.

Между тѣмъ младшая также вернулась и въ свою очередь при-

несла нѣсколько тетрадей нотъ. Она сѣла за рояль и спѣла сначала два-три романса, а затѣмъ извѣстную арію изъ «Уголино»:

«О милый другъ, изъ-за могилы
Услышь мой голосъ, мой привѣтъ!..»

Голосъ у нея былъ небольшой, но очень пріятный.

Пока я разсматривалъ картины, старшая дочь Королинской сидѣла около меня и, казалось, хотѣла угадать, какія изъ нихъ производятъ на меня большее впечатлѣніе. Очевидно, угадать было не такъ легко; она попросила наконецъ меня указать ту картину, какая мнѣ больше всего нравится. Я указалъ на вышеупомянутый пейзажъ. «О, я вижу, что вы истинный цѣнитель искусства,—сказала она.—Всѣ безъ исключенія мои знакомые въ восхищеніи именно отъ этого пейзажа. Впрочемъ, я надъ нимъ много поработала, и, можетъ быть, потому онъ и вышелъ лучше другихъ.

Я поспѣшилъ объяснить это нѣсколько иначе, еще разъ похвалилъ ея работу, а затѣмъ благодарилъ ея сестру за удовольствіе, какое она мнѣ доставила своимъ пѣніемъ и игрой на рояли. Вспомнили Александринскій театръ, Асенкову, Каратыгина.

— Вы давно изъ Петербурга?—спросили онѣ.

— Въ 1848 году меня командировали изъ Петербурга въ Москву, и съ тѣхъ поръ вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ я разъѣзжаю по губерніямъ, произвожу съемку и собираю свѣдѣнія по статистикѣ.

Вслѣдъ за этимъ мы заговорили о петербургской жизни, объ удовольствіяхъ, коими богата эта жизньъ, о балахъ, концертахъ, театрѣ, музыкальныхъ и литературныхъ вечерахъ и т. п.

Во время нашего оживленнаго разговора вошелъ лакей, неся огромный серебряный подносъ съ закусками и винами. Послѣ закуски насъ пригласили перейти въ столовую.

Здѣсь сидѣлъ уже Королинскій, мрачный и угрюмый. Меня посадили рядомъ съ нимъ; Королинская сѣла напротивъ меня, ея дочери сѣли съ другой стороны около меня. Обѣдъ былъ превосходный, поварской; къ десерту подавали мороженое и фрукты. Во все время обѣда говорили и шутили, не умолкая ни на минуту; одинъ только Королинскій упорно молчалъ, искоса поглядывалъ на меня и какъ-то злобно прищуривалъ при этомъ глаза. Я, съ своей стороны, дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаю; то же дѣлали и всѣ остальные.

Послѣ обѣда намъ подали на балконѣ кофе. Дѣвицы выпили по одной чашкѣ и ушли.

Королинскій воспользовался этимъ моментомъ и спросилъ меня:

— Вы теперь, конечно, поѣдете на съемку?

— Онъ никуда не поѣдетъ,—отвѣтила быстро за меня Королинская.—Во-первыхъ, какая теперь съемка: уже поздно; во-вторыхъ, онъ далъ намъ слово, что не только сегодня, но завтра и послѣ-

завтра, съ утра и до вечера, онъ будетъ у насъ, къ нанимъ услугамъ, а съемка можетъ подождать и до осени.

Королинскій сдѣлалъ какую-то кислую гримасу, однако замолчалъ и снова насупился.

Я допилъ кофе, поблагодарилъ и хотѣлъ было прощаться, но Королинская предупредила меня:

— Противъ васъ составленъ ужасный заговоръ. Идите въ садъ, тамъ на пруду рѣшится ваша участь.

Я вышелъ въ садъ. Здѣсь сначала никого не было видно, но когда я подошелъ къ пруду, то увидалъ, что у самаго берега стоитъ лодка, а въ ней сидятъ дочери Королинскаго.

— Идите сюда,—закричали онѣ при видѣ меня.—Мы васъ уже давно здѣсь ждемъ. Берите весла и извольте насъ покатать.

Я сѣлъ въ лодку, и мы поѣхали. Погода была тихая и ясная. Прудъ, чистый и блестящій какъ зеркало, казалось, былъ неподвиженъ; чуть замѣтная рябь играла на самой серединѣ пруда. Берега, сплошь заросшіе густою, непроницаемою зеленью и отличавшіеся замѣчательно красивыми очертаніями, то смѣло подавались впередъ и выходили острымъ, узенькимъ мысомъ, острой, узенькой стрѣлкой, то отступали назадъ, открывая передъ нами тихую, спокойную бухту, съ низко нависшими по краямъ ея надъ самой водой старыми берегами и темными елями, или широкій, свѣтлый заливъ, окаймленный кустарникомъ. Кое-гдѣ виднѣлись островки съ перекинутыми съ нихъ на берегъ легкими, воздушными мостиками. Лодка безшумно скользила по ровной, гладкой поверхности пруда, легко и быстро подвигаясь впередъ, чуть налегали на весло. Картина была очаровательная.

Нѣкоторое время мы ѣхали молча, но это продолжалось недолго. Скоро мои веселыя спутницы пристали ко мнѣ съ просьбой разсказать о разныхъ приключеніяхъ, какія бывали со мною во время поѣздки по Россіи. «Мы совершенно не знаемъ жизни»,—объявили онѣ мнѣ рѣшительно. «Насъ держали въ четырехъ стѣнахъ нашего института,—онѣ воспитывались въ Смольномъ,—а вы такъ много путешествовали на своемъ вѣку, а потому, вѣроятно, не откажетесь подѣлиться своими впечатлѣніями». Недостатка въ приключеніяхъ, конечно, не было, и онѣ остались очень довольны моими разсказами.

Когда мы накатились вдоволь, я повернулъ лодку къ берегу. Тутъ онѣ вдругъ замѣтили мнѣ:

— Какъ это странно! Мы съ вами такъ много говорили, такъ много провели вмѣстѣ времени, а до сихъ поръ не знаемъ, какъ васъ зовутъ.

— Я готовъ сказать вамъ, какъ меня зовутъ,—отвѣчалъ я,—но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы вы сначала сказали мнѣ ваши имена.

Онѣ переглянулись, что не скрылось отъ меня, шепнули что-то другъ другу на ухо, и затѣмъ старшая сказала:

— Меня зовутъ Ѳедорой Николаевной,—и точно смущенная тѣмъ, что у нея такое незвучное имя, отвернула лицо къ водѣ.

— А меня—Устиньей Николаевной,—бойко отвѣчала младшая, вторя сестрѣ.

— «Эге, думалъ я, вотъ оно что! Хорошо!»

— А какъ же васъ зовутъ?—спросили онѣ въ свою очередь.

— Меня-то?—переспросилъ я, подведя между тѣмъ лодку къ берегу и помогая имъ выходить изъ нея:—меня зовутъ—Филимонъ Парамоновичъ.

Не успѣлъ я еще кончить, какъ раздался страшный хохотъ, и онѣ обѣ бросились отъ меня, что есть мочи, въ сторону и побѣжали по дорожкѣ къ дому. Слышно было только: Филимонъ Парамоновичъ! ха-ха-ха!.. Филимонъ Парамоновичъ! ха-ха-ха!..

Я тѣмъ временемъ не спѣша привязалъ лодку, убралъ весла и направился вслѣдъ за ними. Онѣ добѣжали до террасы, гдѣ сидѣла сама Королинская.

— Мама, мама,—закричала при видѣ ея одна изъ сестеръ, едва удерживаясь отъ смѣха:—этого офицера зовутъ Филимонъ Парамоновичъ! ха-ха-ха!..—и снова раздался дружный смѣхъ.

— Быть не можетъ,—сказала мать.—Какъ?! Филимонъ Парамоновичъ?!... А впрочемъ,—прибавила она, подумавъ,—что-жъ тутъ такого? Мало ли кого какъ зовутъ. Да, можетъ быть, онъ пошутилъ надъ вами? Спросите-ка лучше солдата, что у калитки: онъ долженъ знать.

Тѣ побѣжали къ солдату. Я остановился шагахъ въ десяти отъ нихъ и слушалъ, спрятавшись за дерево.

— Послушай, любезный, — начали онѣ:—какъ зовутъ твоего офицера.

— Да «ваше благородіе»,—отвѣчалъ солдатъ.

— Имя-то какъ его?—не отставали тѣ.

— Да какое-жъ это имя у нихъ можетъ быть?—разсуждалъ солдатъ.—Другого имени у нихъ нѣтъ, такъ ихъ всѣ зовутъ: ваше благородіе.

Новый оглушительный взрывъ хохота, на который вышелъ самъ Королинскій и спросилъ, что случилось. Ему объяснили. Онъ улыбнулся и опять скрылся.

Тогда я подошелъ къ террасѣ. Какъ только я показался, обѣ дѣвицы расхохотались и хотѣли скрыться, но мать удержала ихъ. Тогда сдѣланъ былъ мнѣ настоящій допросъ, причемъ просили сказать правду, и такимъ образомъ узнали, что меня зовутъ Василюмъ Сергѣевичемъ. Тогда и я, въ свою очередь, приступилъ къ допросу, и оказалось, что старшую дочь Королинскихъ зовутъ Аде-

лаидой, а младшую—Евгеніей. При этомъ я просилъ не говорить Королинскому моего настоящаго имени и отчества.

Когда, послѣ чая, я сталъ прощаться, Королинская и дочери ея взяли съ меня слово, что завтра утромъ я буду у нихъ. Тутъ вышелъ и Корлинскій, подаль мнѣ руку и сказалъ: «Ну, прощайте, Филимонъ Парамоновичъ». Ему не дали договорить, и раздался снова оглушительный хохотъ. Онъ понялъ, что одураченъ, пробормоталъ про себя что-то и скрылся. Я простился и поѣхалъ въ деревню.

На другой день, рано утромъ, ко мнѣ явился лакей отъ Королинскихъ и сказалъ, что меня ждутъ къ завтраку. Я немедленно одѣлся и поѣхалъ.

Въ столовой, куда меня провели, я засталъ все семейство, за исключениемъ Николая Ивановича. Меня очевидно дожидались, такъ какъ подана уже закуска, а на другомъ столѣ хлопотали за самоваромъ.

— Безъ васъ и аппетита не было, — любезно объяснила мнѣ Королинская.—Ну, теперь подавайте,—обратилась она къ лакею.

— А у меня къ вамъ большая просьба,—сказала Аделаида Николаевна, сидѣвшая рядомъ со мной.—Вы хорошо знакомы съ нашимъ имѣніемъ, и потому, вѣроятно, васъ не затруднитъ указать мнѣ хорошій пейзажъ, который стоило бы срисовать.

— Что касается до окрестностей, то онѣ представляютъ изъ себя почти сплошную степь: мѣстность совершенно плоская, ровная, ни рѣкъ, ни рѣчекъ, почти не видно, лѣса попадаются сравнительно рѣдко. Но если вы позволите, я укажу пейзажъ, который вамъ самимъ приходится видѣть не одинъ разъ на дню, и который, на мой взглядъ, вполне достоинъ служить сюжетомъ для новаго произведенія вашей кисти.

— Ахъ, я очень буду рада. Скажите, пожалуйста.

— Мнѣ кажется, видъ пруда съ его островами, мостиками, далеко выдающимися мысами и горками, если взять его съ того мѣста, гдѣ мы вчера сиделись въ лодку, представляетъ изъ себя чудный ландшафтъ. Если къ этому прелестному ландшафту прибавить лодку съ двумя красавицами и Филимономъ Парамоновичемъ, то картина, несомнѣнно, еще болѣе выиграетъ отъ этого и произведетъ поразительный эффектъ.

— Я охотно принимаю ваше предложеніе, Василій Сергѣевичъ, и завтра мы съ вами, вмѣсто военной съемки, займемся глазомѣрной. Надѣюсь, вы не откажете мнѣ присутствовать при началѣ моей работы и давать необходимыя указанія?

— Отъ послѣдняго отказываюсь заранѣе, какъ совсѣмъ не компетентный судья въ дѣлахъ подобнаго рода, но присутствовать при вашей работѣ сочту за особенное для себя удовольствіе и потому не премину имъ воспользоваться.

— Матап,—сказала Аделаида Николаевна,—съ завтрашняго дня я и Василій Сергѣевичъ отправляемся къ пруду и начнемъ рисо-

вать эскизъ съ натуры. Онъ утверждаетъ, что получится великолѣпный ландшафтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Аделаида, — отвѣчала мать, — ты вотъ никакъ не найдешь сюжета для новой картины, а отчего? Конечно, отъ того, что намъ здѣсь все слишкомъ приглядѣлось. Я нахожу сама теперь, что видъ пруда дѣйствительно великолѣпенъ. Да зачѣмъ откладывать дозавтра? Можно, я думаю, начать работу послѣ завтрака.

Такъ мы и сдѣлали. Сначала отправили лакеевъ со столомъ и стульями къ указанному мѣсту, а затѣмъ двинулись всѣмъ обществомъ.

Съ этого дня я сталъ постояннымъ сотрудникомъ Аделаиды Николаевны, хотя все мое сотрудничество сводилось только къ тому, что мы вдвоемъ очень оживленно болтали на темы, не имѣющія никакого отношенія къ нашей главной задачѣ.

Такъ незамѣтно пролетѣла недѣля. Въ субботу ландшафтъ былъ оконченъ и вышелъ такъ хорошъ, что привелъ всѣхъ въ восторгъ. Въ этотъ же день Королинская, прощаясь со мной, сказала:

— Завтра — воскресенье, и я отправила сказать въ село, чтобы служили позднюю обѣдню. Такъ какъ до села 10 верстъ, то приѣзжайте пораньше, чтобы намъ всѣмъ вмѣстѣ ѣхать къ обѣднѣ; завтра же, кромѣ того, мои дочери собираются ѣхать верхами на нашу ферму, и вы обязаны сопровождать ихъ, во что бы то ни стало. Лошадь для васъ уже приготовлена, и потому беспокоиться вамъ не о чемъ. Дѣти убѣдительно просятъ не отказать сопровождать ихъ въ этой поѣздкѣ, тѣмъ болѣе, что скоро мы уѣзжаемъ въ Петербургъ.

Я, конечно, благодарилъ и обѣщалъ быть.

— Не вы, а мы должны благодарить васъ за то, что вы, даже въ ущербъ вашимъ служебнымъ занятіямъ, составляете намъ пріятное общество и не позволяете скучать въ такой глуши и съ такимъ мрачнымъ мужемъ, какъ мой. Итакъ, дозавтра.

Однако, случилось нѣчто такое, чего я никакъ не ожидалъ, чего и предполагать не могъ. А именно, когда я вышелъ въ переднюю, меня, къ крайнему моему удивленію, встрѣтилъ тамъ Королинскій съ какимъ-то сверткомъ въ рукахъ.

— Вотъ всѣ свѣдѣнія, — сказалъ онъ, — какія я обязанъ былъ доставить вамъ; они провѣрены мною лично и подписаны. Теперь, когда ваша работа окончена, я попрошу васъ больше къ намъ не приѣзжать, тѣмъ болѣе, что мое семейство собирается въ Петербургъ, и вы своимъ присутствіемъ будете только мѣшать имъ собираться. Прощайте.

Съ этими словами Королинскій скрылся.

Признаюсь, этого ужъ я отъ него никакъ не ожидалъ и въ первую минуту не нашелся бы, что и отвѣтить, но онъ и не желалъ меня, очевидно, слушать, такъ какъ скрылся, прежде чѣмъ я

успѣлъ отвѣтить что нибудь съ своей стороны. Дѣлать нечего, я вышелъ, сѣлъ на дрожки, ожидавшіяся меня, и поѣхалъ въ деревню. Тамъ встрѣтилъ меня управляющій.

— Извините,—началъ онъ, замѣтно конфузясь,—Николай Ивановичъ проситъ передать, чтобы вы очистили квартиру, а также проситъ сдать, если можно, сейчасъ мебель и лошадь. Мнѣ очень непріятно исполнять это порученіе, но что хотите?—онъ даже развелъ руками:—это положительно деспотъ и чрезвычайно грубый чело-вѣкъ,—наконецъ нашелся онъ.—Я самъ скоро уйду отъ нихъ, силъ нѣтъ никакихъ служить долѣе.

Я былъ очень взволнованъ, но спокойно отвѣчалъ управляющему, что онъ можетъ получить требуемое сейчасъ же, а самъ немедленно уѣхалъ къ казеннымъ крестьянамъ, въ село Благовѣщенское, въ 15 верстахъ отъ имѣнія Королинскаго. По пріѣздѣ въ Благовѣщенское, я позвалъ старосту и просилъ отвести мнѣ избу. Онъ предложилъ мнѣ свою, чѣмъ я и остался очень доволенъ.

На слѣдующее утро, когда мой денщикъ только что подаль мнѣ самоваръ, я увидѣлъ въ окно всадника, мчавшагося во весь карьеръ по направленію къ намъ. Черезъ минуту я узналъ въ немъ лакея Королинскихъ. Онъ доставилъ мнѣ слѣдующее письмо отъ Королинскихъ:

«Добрѣйшій Василій Сергѣевичъ!

«Мы были ужасно удивлены, услыхавъ о вашемъ неожиданномъ отъѣздѣ изъ деревни за 15 верстъ отъ насъ. Я не знала, чѣмъ объяснить себѣ такое странное съ вашей стороны поведеніе, а дѣти просто заплакали. Догадываясь, однако, что могло послужить причиною вашего отъѣзда, я пошла къ мужу и узнала все. Вы не можете себя представить, какъ мы были возмущены этой второй его дикой и грубой выходкой. Я высказала ему все, что вызвало во мнѣ его низкій поступокъ съ вами; сказала, что буду за него просить извиненія у васъ; ему не велѣла показываться къ намъ на глаза, а сидѣть въ своей берлогѣ. Я и дѣти просимъ васъ забить, если можно, поступокъ мужа и пріѣхать сію же минуту къ намъ. Въ церковь мы, конечно, опоздали, но для поѣздки на ферму время еще не ушло. Вслѣдъ за верховымъ посылаемъ коляску, въ ней вы и пріѣзжайте.

«Е. К.»

Я еще не докончилъ чтенія письма, когда подъѣхала коляска. Черезъ часъ я былъ уже у Королинскихъ. Онѣ встрѣтили меня на крыльцѣ, пожимали мнѣ руки и выражали, какъ могли, свою благодарность, что я не отказался пріѣхать. Во время завтрака дочери спросили у меня при Королинской, что заставило меня уѣхать такъ неожиданно.

— Причиной отъѣзда была, — отвѣчала за меня Королинская, — ужасная дерзость, которую позволилъ себѣ вашъ отецъ. Прошу васъ, дѣти, никогда не напоминайте мнѣ объ этомъ его возмутительномъ поступкѣ. Постарайтесь лучше забыть обо всѣхъ этихъ непріятностяхъ и позаботьтесь о предстоящей прогулкѣ.

Дочери ушли, мы остались вдвоемъ.

— Вы не повѣрите, Василій Сергѣевичъ, — начала Королинская, какъ только дочери ея вышли изъ комнаты, — каково здѣсь наше положеніе. И я и дочери привыкли бывать постоянно въ высшемъ обществѣ, привыкли видѣть себя окруженными милыми, любезными и пріятными людьми; мы пріѣзжаемъ сюда, чтобъ отдохнуть хоть немного отъ шумной столичной жизни, подышать на свободѣ чистымъ воздухомъ, и что же? — не успѣла пріѣхать сюда, какъ начинается брань, упреки, всевозможныя непріятности и дерзкіе, возмутительные поступки на каждомъ шагу. И такъ идетъ съ самаго дня нашей свадьбы. Если бы не Петербургъ, не петербургское общество и не мое положеніе при дворѣ, не будь дочерей, я положительно не знаю, что бы это такое было, что бы я стала дѣлать. Вѣдь вѣчно жить съ этимъ грубымъ, тяжелымъ и необразованнымъ человѣкомъ — это такая мука, какой вы себѣ и вообразить не можете. Впрочемъ, вы и сами, къ сожалѣнію, имѣли не одинъ случай убѣдиться въ справедливости того, что я говорю, но вы еще его не знаете, вы не знаете еще, что это за человѣкъ.

Послѣ этого она высказала желаніе видѣть меня въ Петербургѣ, но здѣсь разговоръ нашъ долженъ былъ прекратиться, такъ какъ вошедшій въ это время лакей доложилъ, что барышни готовы и ждутъ меня. Черезъ нѣсколько минутъ мы выѣзжали уже верхами на ферму. Осмотрѣвъ ферму, отличавшуюся образцовымъ порядкомъ, мы потребовали себѣ молока, творогу, сливокъ и чернаго хлѣба. Насъ провели въ отдѣльную чистую комнату, гдѣ насъ, должно быть, уже ждали, и подали все требуемое. Пріѣхали мы назадъ уже поздно, когда вечерѣло. Николай Ивановичъ къ обѣду не вышелъ, и кушанья подавали ему въ кабинетъ. Послѣ обѣда я стала прощаться.

— Я васъ ни за что не пущу, — сказала Королинская: — вамъ приготовлена квартира во флигелѣ. Я объявила мужу, что вы будете жить здѣсь у насъ до нашего отъѣзда.

Отказаться не было никакой возможности: это сказано было самымъ категорическимъ тономъ, не терпящимъ никакихъ возраженій.

— Проводи Василю Сергѣевича во флигель, — обратилась Королинская къ лакею, — и останься при немъ для исполненія всѣхъ его приказаній.

Послѣ этого она сказала мнѣ:

— Сегодня вы, конечно, устали, и поэтому теперь я васъ от-

пускаю. Желаю вамъ спокойной ночи и прошу непремѣнно къ утреннему чаю: безъ васъ пить не будемъ.

Слѣдующіе четыре-пять дней, оставшіеся до отъѣзда Королинскихъ, прошли такъ же незамѣтно, какъ и предыдущіе: мы катались на лодкѣ, на лошадахъ, занимались пѣніемъ, музыкой. Наконецъ насталъ и день отъѣзда.

Съ самаго утра поднялась суматоха, начались послѣдніе сборы и приготовленія къ отъѣзду. Къ крыльцу поданы были экипажи. Прислуга хлопотала около нихъ, принимая чемоданы, выносившіеся изъ дому, и укладывая ихъ поудобнѣе. Передъ отъѣздомъ поданъ былъ завтракъ. Всѣ сидѣли какіе-то молчаливые, сосредоточенные и нѣсколько грустные. Королинская отдавала послѣднія приказанія. Наконецъ, послѣ завтрака, когда намъ объявили, что все готово къ отъѣзду, Королинскія, совсѣмъ одѣтыя подорожному, и я вышли на крыльцо. Тамъ собралась между тѣмъ уже вся дворня проститься съ барыней и барышнями; тамъ ждалъ насъ и Королинскій. При видѣ меня онъ немного нахмурился, но подошелъ и подаль мнѣ руку.

— А обѣщаніе?— сказала ему Королинская. Онъ еще разъ подаль мнѣ руку и попросилъ извиненія.

— Я давно уже все забылъ,— отвѣчалъ я:— не извольте беспокоиться.

Затѣмъ Королинская обратилась ко мнѣ:

— Ваша коляска, которая отвезетъ васъ въ Благовѣщенское, будетъ слѣдовать за нами, а потому вы садитесь къ намъ и проводите насъ до границы нашего имѣнія.

Я, конечно, поспѣшилъ выразить свое удовольствіе по поводу этого. Вслѣдъ за этимъ она и дочери холодно простились съ Королинскимъ и стали усаживаться. Я сѣлъ рядомъ съ Королинской, дочери ея сѣли противъ насъ. Такъ проѣхали мы верстъ пять, и здѣсь я съ ними простился, пожелавъ имъ счастливаго пути и получивъ также съ ихъ стороны всевозможныя пожеланія. Оттуда я поѣхалъ прямо въ Благовѣщенское.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, я совсѣмъ потерялъ изъ виду Королинскихъ, да и почти забылъ о нихъ. Однажды,— это было уже въ восьмидесятыхъ годахъ, когда я окончательно поселился въ Москвѣ,—меня назначили присяжнымъ засѣдателемъ. Въ свободную отъ нанихъ занятій минуту я разговорился съ своимъ сосѣдомъ. Оказалось, что онъ изъ Тамбовской губерніи и притомъ изъ Елатомскаго уѣзда. Я воспользовался этимъ случаемъ и спросилъ о Королинскомъ.

— Королинскій, вы говорите?—воскликнулъ живо мой собесѣдникъ.—Развѣ вы его знали? Онъ ужасно кончилъ: въ самый день объявленія воли онъ былъ убитъ собственными крестьянами.

Мнѣ хотѣлось узнать подробности, но обстоятельства на этотъ разъ помѣшали.

Заговоривъ объ Елатомскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи, я воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы упомянуть еще объ одномъ тамошнемъ помѣщикѣ, воспоминаніе о которомъ у меня сохранилось.

Такъ какъ на планшетъ заносится обыкновенно площадь въ 400 квадратныхъ верстъ, то нерѣдко приходилось, для производства съемки, заѣзжать къ помѣщику, владѣнія котораго хоть частію входили въ районъ снимаемой мѣстности. Такъ было и тутъ. Почти прямо отъ Королинскаго заѣхалъ я къ одному изъ такихъ помѣщиковъ. Это былъ сравнительно молодой человѣкъ, но уже женатый и имѣвшій при томъ троихъ дѣтей. Что меня больше всего поразило, это, во-первыхъ, необыкновенная чистота, порядокъ, аккуратность — рѣшительно вездѣ, всюду, куда бы ни заглянули, а, во-вторыхъ, замѣчательное въ отношеніи вкуса, оригинальности, изящности и дороговизны убранство комнатъ. Ничего подобного я до тѣхъ поръ нигдѣ не видывалъ. Конечно, эта абсолютная чистота, какую я встрѣчалъ въ первый разъ у нашихъ помѣщиковъ, объясняется, главнымъ образомъ, нѣкоторою, можно сказать, болѣзненностью, какой страдалъ въ этомъ отношеніи упомянутый помѣщикъ: онъ пылинки, паутинки видѣть не могъ спокойно, лоскутъ бумаги, валявшійся на полу въ парадныхъ комнатахъ, выводилъ его изъ себя; но, съ другой стороны, у рѣдкихъ помѣщиковъ приходилось видѣть даже относительную чистоту; большинство жило грязно, неряшливо. Въ самомъ дѣлѣ, пыль и паутина по угламъ, жирныя пятна на мебели, всевозможныя склянки, банки, бутылки, сапожныя щетки, коробки съ ваксой, разныя тряпки, валявшіяся чуть не во всѣхъ комнатахъ, — были самымъ заураднымъ явленіемъ, къ которому скоро привыкаешь, приглядываешься, и отсутствіе котораго, наоборотъ, всякій разъ рѣзко бросается въ глаза. И это справедливо не только относительно помѣщиковъ средней руки, которыхъ я здѣсь главнымъ образомъ разумѣю, но и относительно нѣкоторыхъ богатыхъ помѣщиковъ, жившихъ вообще, можно сказать, роскошно. Здѣсь же пріѣзжаю и вижу чистоту, аккуратность просто нѣмецкую, даже, если хотите, голландскую и рѣшительно на каждомъ шагу; о пыли, паутинѣ, беспорядкѣ и помину нѣтъ, точно ихъ и на свѣтѣ-то не существуетъ. Я не могъ удержаться, наконецъ, и прямо выразилъ хозяину свое безпредѣльное по этому поводу удивленіе. Онъ только улыбнулся въ отвѣтъ, какъ будто и не сомнѣвался нисколько въ томъ, что ему придется услышать это отъ меня, какъ будто онъ давно уже привыкъ къ всевозможнымъ изъявленіямъ и выраженіямъ удивленія по поводу наблюдаемой у него повсюду абсолютной чистоты и образцоваго порядка. И пригласилъ меня, послѣ того, какъ мы осмотрѣли парадныя комнаты, залу, гостиную, столовую, пройти на кухню. Мы отправились. — «Это мой кабинетъ», — сказалъ онъ, отворяя дверь въ огромную, свѣтлую комнату, носившую странное названіе «кухни». И

дѣйствительно, это было все, что хотите, но только не кухня. Эту кухню скорѣе всего можно было принять, пожалуй, за какую нибудь химическую лабораторію наиаккуратнѣйшаго въ мірѣ нѣмецкаго ученаго, для котораго эта лабораторія была «святая святыхъ», долженствовавшая поэтому такъ и выглядеть. Правда, не было здѣсь ни ретортъ, ни колбъ, ни трубокъ, ни разныхъ склянокъ, банокъ, ничего, однимъ словомъ, такого, что составляетъ непремѣнную, неотъемлемую принадлежность каждой заурядной химической лабораторіи каждаго зауряднаго химика, но зато здѣсь передъ вами, въ лицѣ всѣхъ своихъ главныхъ и наилучшихъ представителей, были всѣ безъ исключенія приборы и аппараты, какіе только употребляются въ кулинарномъ искусствѣ. О чистотѣ и порядкѣ я ужъ не говорю: кухонная посуда, напримѣръ, особенно металлическая, просто горѣла, играла, переливалась, все остальное блестяло, сіяло, сверкало. И чего, чего тутъ только не было! Всѣ-то рѣшительно усовершенствованія, какія только сдѣланы были въ этой области, всѣ, очевидно, были здѣсь извѣстны, всѣ были тутъ, на лицо, всѣ они, какъ оказалось, немедленно выписывались, какихъ бы это денегъ, затратъ и хлопотъ ни стоило. Что же касается до поваровъ и даже поваренковъ, работавшихъ въ этой лабораторіи, то они какъ нельзя лучше гармонировали своей представительной наружностью, осанкой, манерами, жестами и костюмами, съ окружавшей ихъ обстановкой. Посмотрѣть на нихъ—такъ это, дѣйствительно, настоящіе ученые лаборанты: серьезные, сосредоточенные, важные, погрузившіеся въ себя и какъ будто только что оторванные нашимъ приходомъ отъ глубокомысленнѣйшихъ соображеній самаго серьезнаго научнаго характера, и, не совсѣмъ довольные этимъ, они встрѣтили насъ почтительно, но холодно. Одѣты они были, конечно, какъ и надлежало истиннымъ жрецамъ кулинарнаго искусства, въ изящные бѣлоснѣжные костюмы, съ бѣлоснѣжными передниками и такими же бѣлоснѣжными на головахъ колпаками. Главный поваръ, красивый собою мужчина, былъ выпитъ, если не ошибаюсь, изъ Германіи. Имъ сдѣланъ былъ рядъ вопросовъ, на которые они дали самые обстоятельные отвѣты, какъ нельзя болѣе удовлетворившіе предлагавшаго ихъ, и мы удалились, предоставивъ имъ священнодѣйствовать, мыслить и творить на свободѣ, въ тиши своего кабинетнаго уединенія.

Упомянувъ о необыкновенной чистотѣ, аккуратности и порядкѣ, царствовавшихъ въ домѣ этого помѣщика, я упомянулъ также и о необыкновенномъ, по изяществу, оригинальности и вкусу, убранствѣ комнатъ, которое произвело на меня не меньшее, если не большее впечатлѣніе. Если половину своего дня, какъ говорили, онъ посвящалъ своей кухнѣ, если онъ не жалѣлъ денегъ на поддержку ея въ томъ видѣ, въ какомъ я засталъ ее, то не меньшихъ ужъ, конечно, затратъ и не малыхъ хлопотъ стоило этому страстному, какъ

оказалось, любителю всего изящнаго пріобрѣтеніе рѣдкихъ предметовъ роскоши, тѣхъ изящныхъ произведеній искусства, какія во множествѣ собраны были въ его домѣ. И каждая вещь съ отпечаткомъ вкуса, оригинальности, каждая вещь на своемъ мѣстѣ, въ соотвѣтствующей ей обстановкѣ, такъ что при всемъ богатствѣ, разнообразіи вещей, ничто не пропадало, ничто не нарушало общей гармоніи, а только дополняло ее. Тутъ была и небольшая, но замѣчательная коллекція картинъ лучшихъ художниковъ и не менѣе замѣчательная коллекція скульптурныхъ произведеній изъ гипса и мрамора, главнымъ образомъ, а также изящныхъ предметовъ разнаго рода изъ мѣди, бронзы, фарфора и фаянса; сверхъ всего этого, у него была небольшая библіотека, составленная преимущественно изъ иностранныхъ авторовъ.

Онъ подводилъ меня къ каждой вещи и подробно указывалъ на всѣ ея достоинства, безъ малѣйшей, однако, тѣни хвастовства этими своими богатствами, но съ трудно скрываемымъ удовольствіемъ, какое доставляла ему самому возможность лишній разъ полюбоваться на эти вещи и поговорить о нихъ съ кѣмъ нибудь. Да, это былъ дѣйствительно строгій любитель изящнаго, знатокъ искусства, человѣкъ съ тонкимъ и развитымъ по отношенію ко всему прекрасному вкусомъ; такого другого помѣщика я не встрѣчалъ ни раньше ни послѣ. И какъ пріятно было встрѣтить человѣка, всю свою жизнь, все свое состояніе, всего себя наконецъ, можно сказать, положившаго на такое прекрасное дѣло, какъ служеніе искусствамъ, когда кругомъ, бывало, видишь одну только погоню за удовольствіями грубо-чувственнаго характера и полное отсутствіе какихъ либо серьезныхъ захватывающихъ интересовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ жили наши помѣщики? Пили, ѣли, спали и предавались самымъ обыкновеннымъ въ помѣщичьемъ быту развлеченіямъ, въ родѣ картъ, попоекъ, катанья верхомъ, въ лодкахъ, экипажахъ, охоты и т. п. Я сказалъ только что, что вышеописанный мною помѣщикъ представлялъ изъ себя явленіе исключительное, единственное въ своемъ родѣ. Это не совсѣмъ такъ: я припоминаю теперь, хотя нѣсколько смутно, дворецъ — домомъ, усадьбой даже странно было бы какъ-то назвать эти великолѣпныя, роскошныя, въ полномъ смыслѣ слова, палаты—графа Сухтелена, если не ошибаюсь. Но тамъ была такая роскошь, особенно въ отношеніи мебели, какой и въ иномъ дворцѣ не увидишь; тамъ были коллекціи картинъ, статуй и другія рѣдкія вещи, стоившія не десятки, сотни тысячъ рублей, а милліоны. Сожалѣю, что тогда я былъ еще молодъ, всего только прапорщикъ, и потому поглядѣлъ на все это мелькомъ, слегка; тѣмъ не менѣе кое-что я помню. Помню одну картину, которая меня особенно поразила. Она помѣщалась въ главной залѣ, прямо противъ входной двери, такъ что прямо бросалась въ глаза; сверхъ этого, она была такихъ огромныхъ размѣровъ, что занимала чуть не всю стѣну, и только два небольшихъ,

сравнительно съ нею, портрета помѣщались по бокамъ ея. У раскрытой рояли сидитъ молодая дѣвушка. Ея руки пробѣгаютъ по клавишамъ, ея взоръ устремленъ на лежащія передъ ней на пюпитрѣ ноты, но не то занимаетъ ее. Изящная головка, чуть повернутая въ сторону, чтобы лучше слышать то, что шепчетъ ей стоящій позади ея и граціозно наклонившійся надъ ней красивый, стройный брюнеть въ флигель-адъютантскомъ мундирѣ; чудная улыбка, неожиданно появляющаяся на ея губахъ; легкій румянецъ, вспыхивающій на щекахъ ея; глубокій, томный взоръ счастливой влюбленной — все это слишкомъ ясно говоритъ о томъ, что думаетъ, что чувствуетъ она, что занимаетъ ее въ эту минуту. А онъ, счастливый и восхищенный, глядитъ на нее упорнымъ, страстнымъ взглядомъ, глядитъ — и не можетъ оторваться отъ нея, не можетъ отвести глазъ отъ нея, и слова любви, которыя онъ шепчетъ ей, льются, льются одно за другимъ нескончаемой вереницей, помимо собственной его воли, помимо собственнаго его сознанія... Я долго любовался картиной: оба они стоятъ передо мною, какъ живые; мнѣ чудится, будто слышу я звуки рояля, звуки той дивной, очаровательной мелодіи, что сама собой, легко и свободно, выливается изъ-подъ ея рукъ, отражая въ себѣ весь наплывъ неожиданно охватившихъ ее чувствъ, неожиданно охватившаго ее настроенія; мнѣ чудится, будто слышу я этотъ страстный, то совсѣмъ замирающій и обращающійся въ какой-то неясный лепетъ, — шепотъ, то вновь возрастающій съ новой, неожиданной силой, — и мною овладѣваетъ то чувство высшаго неземнаго счастья, высшаго неземного блаженства, какое испытываютъ, переживаютъ они, счастливые влюбленные, какимъ дышитъ вся эта картина.

— Кто это?—обратился я, наконецъ, къ управляющему.

— Это—графъ и графиня,—отвѣчалъ онъ,—когда они были еще молодые, женихомъ и невѣстой. Картина эта заказана была въ Италіи,—онъ назвалъ художника,—и графу стоила большихъ денегъ. А вотъ это,—онъ указалъ на висѣвшіе по бокамъ картины два портрета, изъ которыхъ на одномъ былъ изображенъ гвардейскій уланъ, на другомъ—гусаръ, оба красавцы собой, — это — дѣти графа; оба убиты на дуэли.

Изъ множества другихъ картинъ я помню только портреты императоровъ, Александра I и Николая I, и, кажется, портретъ великаго князя Константина Павловича. Затѣмъ помню огромныя двухъ-аршинныя вазы изъ японскаго фарфора, а что касается мебели, то у меня сохранилось воспоминаніе только о двухъ предметахъ, привлечшихъ на себя особенное мое вниманіе. Это—кабинетный столъ большого размѣра и другой маленькій столикъ. Первый былъ выточень весь изъ слоновой кости, причемъ верхняя его доска представляла одинъ сплошной, сложный и тонкій рисунокъ, такъ что найти, подмѣтить мѣста соединенія отдѣльныхъ планокъ было невозможнымъ дѣломъ; второй былъ съ ландшафтомъ на верхней

доскѣ, сдѣланнымъ чрезвычайно искусно изъ мозаики и представлявшимъ изъ себя какое-то море съ чуть замѣтною на самомъ горизонтѣ полоской берега и горами.

Къ дворцу примыкалъ роскошный паркъ, въ началѣ котораго разбитъ былъ великолѣпный цвѣтникъ, а нѣсколько въ сторонѣ отъ этого послѣдняго находились оранжереи. За всѣмъ, конечно, былъ самый строгій надзоръ, всюду порядокъ, чистота. Самъ графъ, какъ мнѣ говорилъ управляющій, жилъ почти постоянно за границей и только иногда заѣзжалъ невзначай въ свое имѣніе. На этотъ послѣдній случай держали всегда въ образцовомъ порядкѣ отличную свору охотничьихъ собакъ: графъ любилъ охотиться и, кажется, больше для этого пріѣзжалъ въ свое имѣніе.

Однако возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Такъ какъ—о чемъ я уже упоминалъ—владѣнія помѣщика, къ которому я заѣхалъ почти прямо отъ Королинскаго, только едва входили въ районъ снимаемой мною мѣстности, то я въ тотъ же день кончилъ работу и сталъ прощаться съ любезнымъ хозяиномъ. Меня, однако, не пустили: на другой день, какъ разъ, были его именины. Я остался. Еще въ тотъ же день начали стѣзжаться гости, поздравляя пока хозяина съ наступающимъ днемъ его ангела. Между прочимъ, такъ же случайно, какъ и я, заѣхалъ какой-то полковникъ, состоявшій въ должности чуть ли не полицеймейстера при одномъ изъ казенныхъ театровъ—въ Москвѣ или въ Петербургѣ, хорошенько не помню. Пріѣхалъ онъ въ эти края, какъ оказалось, по слѣдующему поводу. У него была содержанка изъ актрисъ, которую онъ хотѣлъ обезпечить приобрѣтеніемъ на ея имя какой нибудь недвижимой собственности. Съ этого цѣлью онъ купилъ по сосѣдству небольшое имѣніе, а теперь пріѣхалъ для ввода ея во владѣніе. Что же касается визита его къ этому помѣщику, то онъ объясняется такъ: полковникъ заѣхалъ къ своему сосѣду просто для того, чтобы познакомиться, какъ это обыкновенно дѣлалось въ провинціи. Кстати, онъ просилъ къ себѣ, чтобы представить свою «супругу». Вслѣдъ за этимъ онъ объяснилъ, что она остается здѣсь, а онъ уѣзжаетъ, а потому и поручаетъ ее теперь попеченіямъ своихъ новыхъ знакомыхъ. Его, разумѣется, также пригласили назавтра и просили привести «супругу». Онъ обѣщалъ быть во всякомъ случаѣ, хотя бы и въ единственномъ числѣ. Когда же онъ узналъ, что завтра, день именинъ хозяина, то заявилъ рѣшительно съ своей стороны, что намѣренъ приготовить нѣкій сюрпризъ имениннику, если только ему уступятъ въ полное его распоряженіе и на весь сегодняшний день, садъ, примыкающій къ дому, и позволятъ взять столько крестьянъ изъ окрестныхъ деревень, сколько ему для его сюрприза понадобится. Ему весьма охотно дали согласіе, и онъ сейчасъ же уѣхалъ.

На другой день наѣхала масса гостей, и мы начали справлять именины. Ъли, пили и веселились до вечера.

Лишь только стемнѣло, въ саду и на прудахъ вдругъ загорѣлась блестящая иллюминація, и мы толпой, съ именинникомъ во главѣ, двинулись смотрѣть сюрпризъ полковника. Сюрпризъ превзошелъ всѣ ожиданія. Садъ положительно преобразился до неузнаваемости и принялъ какой-то фантастическій, волшебный и сказочный видъ. Онъ весь залитъ былъ разноцвѣтными огнями; въ аллеяхъ горѣли китайскіе фонарики и всевозможные цвѣтные шкалики, въ видѣ одной сплошной и роскошной гирлянды, горѣвшей всѣми цвѣтами радуги, или блестящей, безконечной и пропадавшей гдѣ-то далеко-далеко тоненькой золотой цѣпочки; въ открытыхъ мѣстахъ, вокругъ клумбъ, на площадкахъ всюду пылали огромныя плоски съ длинными, высоко взвивавшимися кверху огненными языками; въ концѣ сада стояли огромныя щиты съ инициалами именинника; въ отдѣльныхъ углахъ сада размѣщены были великолѣпныя живыя картины.

Мы просто глазамъ своимъ не вѣрили и только ахали, любуясь на сюрпризъ—и было на что! Но главное, что всѣхъ поразило и чего мы никакъ не могли понять, это то, откуда онъ все это успѣлъ достать и какъ могъ все это приготовить въ столь короткій срокъ, въ какіе-то день-два. Что мы, однако, ни дѣлали, какъ ни старались узнать объясненіе этой странной загадки, никто ничего такъ и не узналъ.

Вдоволь налюбовавшись на живыя картины, мы отправились къ пруду, гдѣ, какъ намъ сказали, готовился блестящій фейерверкъ. Мы почти бѣгомъ достигли берега и здѣсь остановились. На томъ берегу было еще тихо, огни на пруду всѣ уже погасли. Вдругъ съ пруда послышалась тихая, заунывная пѣсня, и нѣсколько лодокъ, одна за другой, съ бортами, унизанными почти сплошь огоньками, выплыли на середину. Теперь можно было видѣть даже гребцовъ: они сидѣли по трое, по четыре въ лодкѣ и въ тактъ пѣснѣ медленно погружали въ воду свои весла. Огоньки, горѣвшіе на лодкахъ, отражались въ пруду золотистыми яркими звѣздочками, и онѣ заиграли, заискрились и забѣгали по всему пруду, сразу ожививъ своимъ появленіемъ его неподвижную, мрачную и темную поверхность. Но вотъ на томъ берегу раздался ударъ, и высоко-высоко взвилась съ силой пущенная первая ракета и рассыпалась мириадами огней, мириадами звѣздъ, точно прямо сорвавшихся съ небеснаго необъятнаго свода, ринувшихся въ тихій, невозмутимо-спокойный и совсѣмъ было задремавшій прудъ и канувшихъ глубоко-глубоко, на самое песчаное и илистое дно его. За первой ракетой, освѣтившей весь прудъ, полетѣли другія, удары стали раздаваться все чаще и чаще; по временамъ цѣлый огненный снопъ вдругъ подымался на воздухъ и сыпался обратно внизъ золотымъ дождемъ и огромными разноцвѣтными шарами; пѣсня стала расти, гребцы энергичнѣе работали веслами; къ взлетавшимъ ракетамъ прибавились засвѣ-

тившіеся здѣсь и тамъ бенгальскіе огни... Но вотъ раздался послѣдній страшный, оглушительный ударъ, взвился на воздухъ цѣлый рой ракетъ, съ трескомъ, грохотомъ наперерывъ лопавшихся и разсыпавшихся, разлетающихся во всѣ стороны; весь прудъ, весь дальній берегъ и далекій горизонтъ — все вдругъ, разомъ освѣтилось, озарилось новымъ, еще болѣе яркимъ, но мгновеннымъ свѣтомъ — и прежній шумъ, гулъ, движеніе, оживленіе смѣнила глубокая, невозмутимая тишина, прежній свѣтъ, блескъ и сіяніе смѣнили глубокой непроницаемый мракъ. По мѣрѣ того, какъ мракъ этотъ сгущался, всѣ предметы, и ближніе и дальніе, стали мало-по-малу исчезать изъ нашихъ глазъ, и когда, наконецъ, на лодкахъ погасили послѣдніе совѣмъ ужъ догоравшіе огоньки, все потонуло въ этомъ мракѣ: и дальній берегъ, и гребцы, и лодки, и самый прудъ... Только звуки пѣсни еще чуть слышно доносились до насъ и замирали гдѣ-то вдали...

IX.

Ремонтеръ Чубаровъ.

Мнѣ было поручено въ 1856 году произвести военно-топографическую съемку и собрать свѣдѣнія по статистикѣ въ Ярославской губерніи. Въ районъ мѣстности, гдѣ я долженъ былъ произвести эти работы, вошли между прочимъ два большихъ имѣнія нѣкоего Чубарова. Приближаясь къ нимъ, я черезъ солдата извѣстилъ Чубарова о предполагаемомъ моемъ къ нему пріѣздѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ, если можно, отвести квартиру. Дѣйствительно, на другой день, вечеромъ я подъѣзжалъ къ его усадьбѣ.

Домъ стоялъ на горѣ, въ саду, спускавшемся къ рѣчкѣ; передъ домомъ былъ обширный дворъ съ флигелями, конюшнями и разными другими нежилыми строеніями.

Когда я подъѣхалъ, ко мнѣ на встрѣчу выбѣжалъ отправленный мною раньше солдатъ и сообщилъ, что квартира мнѣ отведена въ домѣ, и господа очень рады меня видѣть. Черезъ минуту я былъ уже въ гостиной, гдѣ меня встрѣтила какая-то старушка.

Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, это то, что она одѣта была совѣмъ не по лѣтамъ. На ней было коротенькое, туго перетянутое въ таліи платьице, какое носятъ обыкновенно 15-ти — 16-тилѣтнія дѣвицы; ея полусѣдые уже волосы были аккуратно заплетены въ двѣ тоненькія косички; этотъ странный костюмъ и прическу дополняли золотая брошь, золотыя серьги, золотая цѣпочка при часахъ и нѣсколько золотыхъ колецъ.

На мой поклонъ она отвѣчала глубокимъ реверансомъ, сопровождавшимся пріятною улыбкою и нѣжнымъ, томнымъ и довольно продолжительнымъ взглядомъ; затѣмъ, какъ-то стыдливо потупивши

глазки, она указала мнѣ на кресло подлѣ себя, приглашая сѣсть. Мы сѣли.

Я началъ съ того, что объяснилъ, насколько можно понятнѣе для нея, причину неожиданнаго моего появленія у нихъ; потомъ попросилъ размѣстить солдатъ въ деревнѣ, денщика въ людской, а себѣ на случай надобности дать лошадь.

Она, въ то время какъ я говорилъ, старалась слушать меня внимательно, кивая головой въ знакъ согласія, а когда я наконецъ кончилъ, объявила, что всѣ мои просьбы будутъ исполнены.

Послѣ этого она поднялась съ своего мѣста и пригласила меня слѣдовать за собой. Тутъ она показала мнѣ приготовленную для меня комнату и, распорядившись, чтобы мнѣ подали чаю, скрылась.

На другой день, рано утромъ, какъ только я проснулся и собирался вставать, въ мою комнату явился лакей, подаль мнѣ умыться и одѣться и сообщилъ, что барыня ждетъ меня къ чаю.

Въ столовой, за кипящимъ самоваромъ, я нашелъ знакомую уже мнѣ старушку, которая на мой поклонъ снова отвѣтила мнѣ глубокимъ реверансомъ, поздравила съ добрымъ утромъ, освѣдомилась, хорошо ли и покойно я провелъ ночь, и принялась хозяйничать. Передавая мнѣ сухари, булки и разныя разности, она успѣла сообщить, что имѣніе принадлежитъ собственно брату ея, Алексѣю Ивановичу Чубарову, который предоставилъ ей распоряжаться всѣмъ имѣніемъ въ его отсутствіе. Въ тридцати верстахъ находилось другое имѣніе того же Чубарова, и тамъ, по ея словамъ, завѣдывала также всѣмъ другая сестра. Что же касается до самого Алексѣя Ивановича, то онъ, какъ оказалось, служить ремонтеромъ въ лейбъ-гвардіи Конномъ полку и потому заѣзжаетъ въ свое имѣніе очень рѣдко и только на самый короткій срокъ.

Когда мы кончили чай, лакей доложилъ, что меня уже ожидаетъ у крыльца лошадь, запряженная въ бѣговыя дрожки. Я поблагодарилъ любезную хозяйку, захватилъ необходимые для работъ инструменты и поѣхалъ знакомиться съ мѣстностью.

Къ концу дня я вернулся обратно, и старушка сейчасъ же распорядилась подавать обѣдать. Обѣдъ былъ прекрасный, а вслѣдъ за десертомъ она подала мнѣ еще плетеную корзиночку съ грушами, сливами и персиками.

Уже вечерѣло, когда я вышелъ изъ-за стола и направился въ свою комнату. Въ 9 часовъ подали чай, въ 12 я легъ спать. Мало-по-малу и въ домѣ все стихло и успокоилось. Я началъ было уже засыпать, какъ вдругъ послышались вдали звуки приближающихся колокольчиковъ, на дворѣ поднялся страшный лай собакъ, затѣмъ раздался энергичный стукъ въ ворота, сопровождаемый не менѣе энергичнымъ крикомъ: «отворяй!»—и поднялась суетня и суматоха по всему дому. Подстрекаемый любопытствомъ и не зная притомъ,

что подумать относительно всего этого неожиданнаго переполоха, я всталъ и подошелъ къ окну.

На дворѣ было темно. Нѣсколько фигуръ съ зажженными фонарями въ рукахъ бѣжали по направленію къ воротамъ. Это была очевидно прислуга. Ворота быстро распахнулись, и къ крыльцу подкатилъ экипажъ, изъ котораго вышли два господина, одинъ — военный, другой—штатскій. Вслѣдъ за ними во дворъ въѣхали еще два какіе-то экипажа, по всей вѣроятности, съ прислугой.

Между тѣмъ, домъ совершенно ожилъ. Сначала слышно было, какъ пріѣхавшіе, громко разговаривая между собой, стали подниматься по лѣстницѣ на верхъ; потомъ прислуга, очевидно, принялась вносить въ залу разныя вещи; наконецъ, кто-то, звеня шпорами, прошелъ по коридору мимо моей двери, взялся за ручку соседней двери и принялся дергать ее. Дверь, однако, не поддавалась. Тогда неизвѣстный попросилъ, чтобы ему дали ключъ.

— Ключъ взялъ управляющій и самъ уѣхалъ на базаръ,—отвѣчали ему, и по голосу я узналъ старушку.

— Тише, сестра,—отвѣчалъ въ свою очередь Чубаровъ,—теперь я уже знаю, что это онъ,— не кричите такъ громко, вы разбудите гостя. Пошлите за слесаремъ.

Минуту спустя, вошелъ слесарь, громко стуча сапогами по коридору.

— Тише, любезный, не стучи,—сказалъ Чубаровъ:—разбудишь офицера.

Когда дверь, наконецъ, отворили, Чубаровъ вошелъ въ соседнюю комнату—это былъ его кабинетъ, какъ я потомъ узналъ—и сталъ укладываться спать; лакею же, явившемуся сообщить, что поданъ ужинъ, онъ объявилъ, что ужинать не будетъ, и просилъ больше его не беспокоить.

Признаться откровенно, я избѣгалъ встрѣчъ съ богатыми помѣщиками, зная почти навѣрное, что придется у нихъ загостить надолго, оставивъ работы. Полагая, что и въ настоящемъ случаѣ меня ожидаетъ та же участь, я рѣшился лучше встать пораньше и уѣхать поскорѣе на работы, прежде чѣмъ подымутся хозяева.

Сказано — сдѣлано. Проснувшись на другое утро чуть свѣтъ и замѣтивъ на дворѣ лакея, я отворилъ окно и попросилъ поскорѣе заложить мнѣ лошадь. Наскоро умывшись и одѣвшись, захвативъ въ одну руку зрительную трубу, а въ другую алидаду, я осторожно нацыпочкахъ, боясь разбудить своего сосѣда, подошелъ къ двери и только было отворилъ ее, какъ мнѣ навстрѣчу, еще въ халатѣ, выскочилъ изъ своего кабинета самъ Чубаровъ и проговорилъ быстро:

— Вы это куда? Прошу остаться.

Вслѣдъ за этими словами, не прибавляя ничего больше, онъ снова скрылся въ свою комнату и захлопнулъ за собою дверь. Все

это было продѣлано такъ быстро и было до того неожиданно, что я, какъ былъ, такъ и остался стоять у двери. Наконецъ, подумавъ, я вернулся уже въ свою комнату, сложилъ инструменты и сѣлъ на диванъ.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась. Въ комнату вошелъ высокій, красивый и представительный мужчина, атлетическаго сложенія, въ офицерскомъ, аккуратно застегнутомъ на всѣ пуговицы сюртукѣ, при густыхъ эполетахъ.

— Честь имѣю представиться,—сказалъ онъ:—полковникъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка, Алексѣй Ивановичъ Чубаровъ.

Я представился въ свою очередь: поручикъ корпуса военныхъ топографовъ, Василиій Сергѣевичъ Мышецкій.

— Позвольте вамъ прежде всего замѣтить, господинъ поручикъ, что такъ порядочные люди не поступаютъ: замышлявшійся вами побѣгъ рекомендуетъ мнѣ васъ съ очень нехорошей стороны; въ видѣ же наказанія за вашъ не совсѣмъ благородный со мною поступокъ позвольте взять васъ подъ-руку и пойдѣте съ вами пить чай.

Въ столовой, за чайнымъ столомъ, сидѣлъ довольно полный господинъ, лѣтъ тридцати, очевидно, тотъ самый штатскій, который пріѣхалъ ночью вмѣстѣ съ Чубаровымъ. При нашемъ приближеніи онъ поднялся съ своего мѣста, подошелъ къ намъ и подаль мнѣ руку. Чубаровъ представилъ насъ другъ другу:

— Рекомендую тебѣ,—сказалъ Чубаровъ, обращаясь къ штатскому,—бѣжавшаго и пойманнаго на мѣстѣ преступленія ученаго поручика Василия Сергѣевича Мышецкаго.—А это,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и указывая на своего знакомаго,—великій мѣжъ нашихъ временъ, Петръ Петровичъ Сапожниковъ, именуемый царемъ каспійскимъ, со всѣми большими и малыми рыбами. Пьетъ шампанское и закусываетъ свѣжей и превкусной зернистой икрой.

Сапожниковъ, какъ мнѣ потомъ разсказалъ Чубаровъ, былъ очень богатый человѣкъ, бравшій на откупъ у правительства чуть не все Каспійское море. Чубаровъ былъ женатъ на племянницѣ его и взялъ за ней огромное приданое.

Мы сѣли за столъ. Разливала намъ попрежнему сестра Чубарова. Подавая стаканъ чая, она предложила сливокъ, хлѣба и разныхъ печеній. Отъ сливокъ я отказался, говоря, что не совсѣмъ здоровъ.

— Вы нездоровы?—переспросилъ Чубаровъ.—Чѣмъ вы больны? Я отвѣчалъ, что у меня лихорадка уже нѣсколько дней.

— Что же вы до сихъ поръ молчали, давно бы мнѣ сказали: я васъ мигомъ бы вылѣчилъ.—Эй, человѣкъ,—крикнулъ онъ лакею:—заморозъ полдюжины и подай стаканы. Живо!

Лакей стремглавъ бросился исполнять приказанное.

— Ну, что было бы,—снова обратился ко мнѣ Чубаровъ,—если бы

удалось вамъ ваше бѣгство? Подумайте только: вѣдь васъ задушила бы лихорадка, а моихъ имѣній не существовало бы на картахъ. Теперь же, благодаря мнѣ, вы будете здоровы и, въ благодарность за мое лѣченіе, нарисуете мои имѣнія покрупнѣе, такъ чтобы издали можно было ихъ сразу заprimѣтить. А пока не угодно ли сигару?

Онъ предложилъ мнѣ сигару съ серебрянымъ маленькимъ мундштукомъ на концѣ. Я взялъ. Моему примѣру послѣдовалъ и Сапожниковъ.

— Ну, Алексѣй Ивановичъ,—сказалъ Сапожниковъ, затягиваясь сигарой,— ужъ и сигары же, братъ, у тебя, просто прелесть, чудо, какъ хороши, а главное необыкновенно ароматичны.

Сигары были дѣйствительно замѣчательныя, и на мой вкусъ тѣмъ болѣе, что я отроду подобныхъ не пробовалъ, да и вообще почти никогда не курилъ ихъ.

— Да,—отозвался Чубаровъ,—это дѣйствительно рѣдкія сигары, и я бьюсь объ закладъ, на что хотите, что вы никогда нигдѣ и ни за какія деньги такихъ не сыщете.

Въ это время лакей внесъ огромный жбанъ, до самаго верху наполненный кусками мелкаго льду, откуда торчали однѣ только головки шести бутылокъ шампанскаго, и поставилъ на полу около Чубарова. Тогда послѣдній, не говоря ни слова, спокойно взялъ мой стаканъ съ чаемъ и довольно безцеремонно отставилъ его въ сторону:

— Эту микстуру долой,—сказалъ онъ, указывая на отодвинутый стаканъ чаю:—я вамъ прописываю другую, отъ лихорадки.—Человѣкъ,—скомандовалъ онъ,—откупорить бутылки!

Пробки хлопнули и полетѣли въ потолокъ, въ стаканахъ нашихъ зашипѣло, заиграло и заискрилось шампанское, налитое до краевъ.

Чубаровъ медленно поднялся съ своего мѣста и, высоко поднявъ надъ собою руку со стаканомъ шампанскаго, торжественно провозгласилъ слѣдующій тостъ:

— За изгнаніе бѣсовъ и лихорадки изъ утробы поручика, ур-р-р-аа!!...

Мы съ Сапожниковымъ подхватили это «ура», а затѣмъ всѣ трое начали чокаться. Тосты слѣдовали одинъ за другимъ, не переставая. Когда было выпито такимъ образомъ по стакану, по другому, по третьему, языки наши незамѣтно развязались, и начались рассказы о всевозможныхъ приключеніяхъ, большею частью, конечно, романическаго и притомъ скоромнаго содержанія, какія кому выпадали на долю. Взрывы хохота раздавались каждую минуту, одинъ рассказъ смѣнялся новымъ рассказомъ, безъ перерыва. Сначала всякій изъ насъ рассказывалъ только свои собственные приключенія, но затѣмъ оба пріятеля, Чубаровъ и Сапожниковъ, начали подтрунивать одинъ надъ другимъ. Чубаровъ, пройдясь не

множко, такъ сказать, мимоходомъ, насчетъ весьма замѣтной полновѣсности и тяжеловѣсности Петра Петровича Сапожникова, въ заключеніе съ коварной и недвусмысленной улыбкой прибавилъ:

— А помнишь ли ты, Петръ Петровичъ, ту пылкую страсть и пламенную любовь твою къ одной прелестной бѣлокурой субреткѣ, которая такъ ловко за носъ тебя водила да рога ставила?..

— Какъ не помнить!—отвѣчалъ тотъ, очевидно, задѣтый за живое.— И очень, братъ, хорошо помню. А помнишь ли ты, Алексѣй Ивановичъ, какъ, выпивъ чуть не съ полдюжины шампанскаго и задыхаясь въ каретѣ, ты просилъ насъ выпустить тебя подышать на вольномъ воздухѣ? И какъ мы отпустили тебя, и ты ушелъ въ ближайшій лѣсъ и тамъ пропалъ безслѣдно? Мы исходили потомъ этотъ лѣсъ вдоль и поперекъ, напрасно розыскивая тебя, и вдругъ слышимъ отчаянный лай охотничьей собаки. Мы бѣжимъ на этотъ лай, и что же?.. находимъ, наконецъ, тебя—въ канавѣ!.. Ты мирно, беззаботно покоишься себѣ, дружище, на днѣ канавы, не вѣдая того, что запримѣтившій тебя охотникъ хотѣлъ стрѣлять въ тебя, принявши за медвѣдя!..

— А съ вами, поручикъ, бывали подобныя приключенія?—обратился ко мнѣ Чубаровъ.

— Какъ же,—отвѣчалъ я,—былъ небольшой курьезъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Однажды, послѣ работъ, я заѣхалъ въ деревню переночевать. Мнѣ, какъ въ этихъ случаяхъ водится, отвели избу, но, найдя ее не совсѣмъ опрятной и замѣтивъ притомъ, что во всѣхъ углахъ кишатъ тараканы, я рѣшился переночевать на открытомъ воздухѣ, въ тарантасѣ. Съ этою цѣлью я велѣлъ денщику набить тарантасъ хорошенько сѣномъ и приготовить мнѣ постель. Напившись чаю въ избѣ, я вышелъ. На дворѣ, вокругъ избы, тамъ — сямъ лежали и стояли лошади, коровы, телята и всякая тому подобная деревенская живность. Возбравшись въ тарантасъ, я улегся поудобнѣе, закрылся фартукомъ отъ тарантаса съ головой и незамѣтно уснулъ. Только ночью вдругъ кто-то меня толкнулъ въ бокъ. Я моментально сдернулъ фартукъ и высунулъ голову. Въ ту же самую минуту меня точно смазали всего по лицу мокрою щеткою. Откровенно говоря, я такъ растерялся въ первую минуту, что готовъ былъ юркнуть обратно подъ фартукъ, съ тѣмъ, чтобы больше отсюда не показываться. Что-жъ оказалось? это была телушка, которая, подойдя къ тарантасу и увидавъ торчавшее изъ-подъ подушки сѣно, сочла нужнымъ разбудить меня и обласкать по-своему. Когда же я вскочилъ, она преспокойно потащила сѣно изъ-подъ подушки и такъ же спокойно, не взирая на мое изумленіе, принялась кушать его съ большимъ притомъ аппетитомъ и такъ громко чавкая, что я заснулъ нескоро.

Когда мы послѣдовательно опустошили нѣсколько бутылокъ шампанскаго, Чубаровъ крикнулъ:

— Тройку «курчавыхъ!..».

Черезъ полчаса намъ сообщили, что тройка готова. Мы вышли.

На дворѣ между тѣмъ происходило слѣдующее. Ворота были затворены, и около нихъ стояли два мужика. Прямо передъ крыльцомъ нѣсколько конюховъ держали подъ-узцы трехъ бѣшеныхъ, молодыхъ и положительно не стоявшихъ на мѣстѣ лошадей и били ихъ, въ видахъ укрощенія, палками по носамъ. Двое кучеровъ сидѣли на козлахъ, туго обмотавъ себя возжами и, кажется, не совсѣмъ спокойно поглядывали на игравшихъ лошадей. Долгуша, въ которую заложили этихъ лошадей, ежеминутно вздрагивала и трепетала.

«Ахъ, чортъ возьми,—подумалъ я, налюбовавшись вдоволь на эту сцену,—вотъ такъ штука!..».

Было, дѣйствительно, надъ чѣмъ задуматься. Я оглянулся на Петра Петровича. У него лицо тоже было озабоченное.

Вслѣдъ за нами, прежде чѣмъ мы съ Сапожниковымъ успѣли обмѣняться словомъ, вышелъ на крыльцо и Чубаровъ. Онъ спокойно обошелъ вокругъ тройки, потрепалъ слегка лошадей, оглядѣлъ долгушу, сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ кучерамъ, потомъ отошелъ на нѣсколько шаговъ и крикнулъ стоявшимъ у воротъ мужикамъ:

— Отворяй!..

Ворота разомъ распахнулись, и въ ту же минуту сбѣжавшіяся и столпившаяся вокругъ насъ дворня, точно по сигналу, отхлынула назадъ.

Тогда Чубаровъ подошелъ къ долгушѣ и, повернувшись ко мнѣ и къ Петру Петровичу, сказалъ:

— Садитесь живо, держитесь крѣпче!..

Услыхавъ его приглашеніе и не дожидаясь вторичнаго, мы съ Сапожниковымъ бросились, что есть духу, къ долгушѣ, вскочили въ нее и крѣпко уцѣпились за что попало, предчувствуя неизбежную катастрофу.

— Ты, Петръ Петровичъ, не сломай долгуши-то,—замѣтилъ усаживаясь Чубаровъ.

— Ну, тебя къ чорту, — отвѣтилъ тотъ. Въ тотъ же мигъ конюхи отскочили, лошади рванулись, и мы вихремъ вынеслись за ворота! Что было потомъ, описать трудно. Сначала огромное облако пыли, поднявшееся изъ-подъ копытъ лошадей, застлало все у меня въ глазахъ, и я пересталъ видѣть и лошадей, и Чубарова, и Сапожникова, и самую долгушу, на которой сидѣлъ или лежалъ — не помню. Вслѣдъ затѣмъ что-то вдругъ страшно загудѣло, зазвенѣло, засвистѣло; откуда-то вдругъ посыпались какіе-то камни и куски засохшей грязи прямо мнѣ на голову; потомъ раздался какой-то ударъ, толчекъ — и я полетѣлъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, куда я лечу и зачѣмъ... Когда я пришелъ въ себя, то увидалъ, что лежу на какомъ-то свѣже-взбороненномъ полѣ, но-

сомъ внизъ, и только. Я началъ припоминать, гдѣ я и какъ могъ сюда попасть. Наконецъ, мысли мои пришли въ должный порядокъ, и я вспомнилъ все, вспомнилъ и Петра Петровича и Чубарова, вспомнилъ и «курчавыхъ». Тутъ я ощупалъ себя и увидавъ, что остался живъ и невредимъ, удивился немного, потомъ осторожно поднялся и оглядѣлся во всѣ стороны.

Кругомъ меня было одно сплошное необозримое поле, очевидно недавно взбороненное, благодаря чему, можетъ быть, мы и остались живы. Гдѣ-то вдали, на самомъ горизонтѣ, точкой виднѣлись бѣшенныя «курчавыя», уносившіяся что есть духу по направленію къ лѣсу, безъ сѣдоковъ и безъ кучеровъ. На большемъ разстояніи позади ихъ бѣжали оба кучера. Я обернулся въ другую сторону и увидалъ приближавшихся ко мнѣ Сапожникова и Чубарова.

— Поручикъ,—кричалъ мнѣ Чубаровъ,—живы ли вы? Ваши руки, ваши ноги?

— Цѣлы и невредимы, будьте покойны,—отвѣчалъ я,—а вы какъ?

— Мы-то ничего. Я очень радъ, что мы упали здѣсь, на взбороненномъ полѣ. Могло выйти гораздо хуже. А это все равно, что мягкая подушка. Ничего, господа,—успокаивалъ насъ Чубаровъ,—ничего; все, слава Богу, обошлось благополучно: мы живы и здоровы, лошадей найдутъ и приведутъ. Пойдемте-ка домой. Кстати и сестра, я думаю, беспокоится.

Мы двинулись.

Наше приближеніе, должно быть, было замѣчено, такъ какъ вскорѣ прибѣжали лакеи со щетками въ рукахъ и принялись усердно чистить наше платье, а затѣмъ подъѣхала коляска съ новыми, на этотъ разъ спокойными, лошадьми, и мы благополучно вернулись въ усадьбу. Я ушелъ въ свою комнату, умылся, переодѣлся и отправился въ гостиную. Тамъ на диванѣ сидѣли Чубаровъ и Сапожниковъ. Увидавъ меня, Чубаровъ всталъ, подошелъ, взялъ за руки и спросилъ:

— Позвольте, господинъ поручикъ, освидѣтельствовать, всѣ ли цѣлы у васъ косточки.

— Ничего, не беспокойтесь, благодарю васъ. Слава Богу, косточки мои всѣ цѣлы, и я чувствую себя совершенно здоровымъ; только каблукъ со шпорой оторвался.

— Гдѣ же онъ?

— У меня въ комнатѣ.

— Каблукъ и шпору храните, какъ воспоминаніе о моихъ «курчавыхъ». Я ихъ веду съ Кавказа, гдѣ ихъ съ большимъ трудомъ поймали арканами въ дикомъ табунѣ. Я жалѣлъ сначала, что взялъ ихъ съ собой: въ дорогъ онѣ перекусали у меня людей и лошадей и ежеминутно бѣсились; наконецъ, я велѣлъ надѣть намордники, но не подковывать, и такъ доставили мы ихъ сюда. Впослѣдствіи это будутъ славные кони. Теперь же, господа, когда все, по милости

Аллаха, кончилось такъ благополучно, какъ я и самъ не ожидалъ, мы пойдемъ полѣчиться отъ душевныхъ и тѣлесныхъ потрясеній, нами сегодня, друзья мои, пережитыхъ.

Мы дружно тронулись въ столовую. Здѣсь уже былъ накрытъ большой круглый столъ на три персоны. По срединѣ грозно возвышалась цѣлая батарея бутылокъ всевозможныхъ цвѣтовъ и формъ; около стола, на полу, тотъ же внушительныхъ размѣровъ жбанъ съ вновь замороженнымъ шампанскимъ.

Въ сосѣдней комнатѣ старушка наливала намъ супъ, лакеи разносили. Впрочемъ, по требованію и личному примѣру хозяина, мы еще до супа сначала «просто» выпили, а потомъ «выпили и закусили»: Затѣмъ намъ поданъ былъ супъ, за которымъ послѣдовала отличнѣйшая стерляжья уха, а за ней — шашлыкъ, любимое блюдо Чубарова. Онъ собственноручно разрѣзалъ его на куски и, подавая намъ, сказалъ:

— Господа, знайте, что, прежде чѣмъ ѣсть это азіатское кушанье, необходимо предварительно выпить «замороженнаго».

Лакеи, при этихъ словахъ Чубарова, немедленно бросились къ бутылкамъ, стоявшимъ въ жбанѣ, и стали ихъ оттуда поспѣшно вытаскивать. Такъ какъ нами порядочно таки выпито было еще передъ обѣдомъ, за закуской, то теперь послѣ перваго же стакана шампанскаго я почувствовалъ, какъ вино бросилось мнѣ въ голову; послѣ втораго я былъ уже совсѣмъ, что называется, навеселѣ, и языкъ мой началъ мнѣ измѣнять, такъ что я съ нѣкоторымъ усиленіемъ могъ управлять имъ, какъ слѣдуетъ. Впрочемъ, не смотря на все это, я еще бодрился и старался не отставать отъ своихъ собутыльниковъ.

За обѣдомъ разговоръ снова зашелъ о приключеніяхъ, какія съ кѣмъ бывали въ жизни каждаго изъ насъ, но я помню, почему-то, только одинъ рассказъ Сапожникова. Самъ же я на этотъ разъ мало принималъ участія въ разговорѣ и больше ограничивался тѣмъ, что слушалъ.

— Когда я воспитывался въ коммерческомъ училищѣ,—разсказывалъ Сапожниковъ,—преподавателемъ математики у насъ былъ нѣкто Пѣтуховъ, штабсъ-капитанъ корпуса военныхъ топографовъ. Это, я вамъ доложу, былъ человѣкъ грубый, строгій, взыскательный, такъ что, благодаря только ему одному, у насъ ежедневно кого нибудь записывали въ штрафной журналъ, кого нибудь оставляли безъ отпуска, кого нибудь сажали за черный столъ или въ карцеръ. Не было, кажется, ни одной провинности, самой, можно сказать, невинной, за которую бы насъ, по его милости, не наказывали. Хорошо-съ. Въ этотъ достопамятный день, про который я хочу разсказать вамъ, случилось, что одинъ воспитанникъ, желая хоть чѣмъ нибудь, въ свою очередь, досадить Пѣтухову, принесъ нарочно пухъ, въ отверстіе котораго вставлена была свистулька. Затѣмъ,

перочиннымъ ножемъ онъ распоролъ матерію кресла, на которомъ обыкновенно возсѣдалъ Пѣтуховъ, и спряталъ подъ нею надутый пузырь. Намъ всѣхъ онъ, конечно, просилъ его не выдавать. Мы, съ своей стороны, охотно обѣщали ему это, такъ какъ всѣ поголовно и въ одинаковой мѣрѣ ненавидѣли Пѣтухова. Наконецъ, слышатся въ корридорѣ шаги Пѣтухова. Мы сидимъ себѣ какъ ни въ чемъ не бывало, почтительно встаемъ при его входѣ и кланяемся. Пѣтуховъ входитъ въ классъ и, не садясь еще, вытаскиваетъ изъ кармана платокъ и громко сморкается; потомъ изъ другого кармана достаетъ программу, которую онъ обѣщаль наканунѣ продиктовать намъ, и наконецъ, видимъ, собирается садиться. Мы затаили дыханіе. Едва только онъ сѣлъ, раздался пронзительнѣйшій свистъ. Пѣтуховъ, какъ бѣшеный, сорвался съ своего мѣста и бросился къ намъ.

— Кто свистить?.. крикнулъ онъ не своимъ голосомъ.

Мы молчимъ.

— Сейчасъ иду за директоромъ. Говорите, кто свистить!

Мы отвѣчаемъ, что свистка у насъ нѣтъ ни у кого, а что свистить, должно быть, кто нибудь на дворѣ. Пѣтуховъ повѣрилъ было и успокоился, но лишь только сѣлъ, раздался новый свистъ. Тогда, соскочивъ съ кресла, онъ началъ бить по немъ кулаками, затѣмъ, разорвавъ матерію, досталъ пузырь съ свистулькой и блѣдный, но торжествующій, понесся на всѣхъ парахъ прямо въ кабинетъ директора, держа въ рукахъ вещественное доказательство нашей надъ нимъ продѣлки. Послѣ этого начался строжайшій допросъ, но мы, конечно, не выдали, и три воскресенья подрядъ просидѣли въ училищѣ безъ отпуска. Зато ликованіе, по поводу нашей продѣлки надъ ненавистнымъ Пѣтуховымъ, было всеобщее; о ней говорило все училище, и мы, въ глазахъ прочихъ классовъ, сдѣлались положительно героями. Однако этого намъ мало: на общемъ собраніи рѣшено было, во что бы то ни стало, «выжить» Пѣтухова.

Прошло еще недѣли три-четыре. Одинъ разъ Пѣтуховъ, стоя у доски спиной къ намъ, писалъ мѣломъ рѣшеніе какой-то задачи. Въ это самое время мы налили ему чернилъ въ карманъ. Окончивъ задачу, онъ повернулся къ намъ и полѣзъ въ карманъ за платкомъ. Мы притаили дыханіе. Медленно вынулъ Пѣтуховъ платокъ, сплошь залитый чернилами, и такъ же медленно вытеръ имъ лицо. Страшный хохотъ въ ту же минуту потрясъ воздухъ: передъ нами стоялъ чистѣйшій негръ въ образѣ Пѣтухова. Что сдѣлалось въ эту минуту съ нимъ, я отказываюсь передать, скажу только, что на него страшно было смотрѣть. Съ искаженнымъ отъ бѣшенства лицомъ, онъ вылетѣлъ изъ класса, какъ ошпаренный, а черезъ секунду новый взрывъ хохота донесся ужъ изъ учительской, гдѣ его просто не узнали. Бѣдный Пѣтуховъ, какъ говорили, страшно этимъ обидѣлся и подалъ въ отставку, но директоръ уговорилъ его остаться, а насъ жестоко наказали. Мы, однако, не только не успокоились, а

напротивъ эта исторія подала намъ надежду выжить Пѣтухова; наказаніе же только еще больше озлобило насъ; противъ него дѣйствовать рѣшено было немедленно. На слѣдующій урокъ Пѣтуховъ давалъ намъ объясненія какой-то задачи на доскѣ и по окончаніи, обратившись къ намъ, спросилъ:

— Всѣ поняли?

Вмѣсто отвѣта мы спрятались подъ столы и оттуда хоромъ заплѣли на всевозможные голоса:

— Кукуреку! Кукуреку! Кукуреку!..

Пѣтуховъ снова бросился къ директору, но, вмѣсто того, чтобы жаловаться на насъ, объявилъ, что рѣшительно отказывается отъ званія преподавателя въ нашемъ училищѣ. На этотъ разъ директоръ, которому, должно быть, ужъ надоѣли эти постоянныя исторіи съ Пѣтуховымъ, не сталъ его отговаривать и далъ требуемое увольненіе. Мы побѣдили.

Въ промежуткахъ между разсказами Чубаровъ наполнялъ виномъ наши стаканы и заставлялъ пить. Когда подали десертъ, я окончательно осоловелъ и видѣлъ двухъ Чубаровыхъ, двухъ Сапожниковыхъ, толпу лакеевъ, и мнѣ было неудержимо весело, хотя въ то же время сильно клонило ко сну.

Но этимъ дѣло еще не кончилось. Послѣ десерта Чубаровъ приказалъ подать «завѣтное».

Подали маленькую бутылочку, запечатанную сургучемъ. Чубаровъ обернулъ перстень, сравнилъ его съ печатью, наложенною на бутылкѣ, затѣмъ откупорилъ и сталъ осторожно наливать въ маленькія рюмочки величиною не больше, какъ съ наперстокъ.

— Попробуйте-ка,—сказалъ онъ, подавая мнѣ рюмку.

Я попробовалъ—и въ ту же секунду лишился сознанія. . . .

Не знаю, сколько прошло времени съ той минуты, какъ я попробовалъ «завѣтной», но только я наконецъ почувствовалъ, что кто-то поворачиваетъ мою голову изъ стога въ сторону, а еще кто-то тащитъ за ноги. Я открылъ глаза. Смотрю—и вижу, что лежу въ гостиной на диванѣ. Чубаровъ вертитъ мою голову въ разныя стороны, а Сапожниковъ тащитъ за ноги.

— Эй, кавалерія,—кричалъ мнѣ Чубаровъ:—вставай! Въ походъ пора!

Я съ усиліемъ всталъ. Они оба помогли мнѣ надѣть сюртукъ, взяли меня подъ руки и спросили, гдѣ лихорадка. Я отвѣчалъ, что она совсѣмъ исчезла. Тогда только они успокоились и повели меня въ столовую. Когда мы вошли въ нее, здѣсь сидѣла уже старушка и разливала чай. За чаемъ Чубаровъ разсказалъ, какъ они, вдвоемъ съ Сапожниковымъ, захотѣли перенести меня изъ столовой въ гостиную, подняли вмѣстѣ со стуломъ и понесли; но на дорогѣ,

потерявъ неожиданно равновѣсіе, рухнули оба на полъ вмѣстѣ съ своей драгоценной ношей. Къ нимъ на помощь, слышавъ шумъ, подоспѣли лакеи, отнесли меня въ гостиную и уложили на диванъ; они же оба остались въ столовой допивать шампанское.

Чай намъ наливали крѣпкій, въ видѣ противоядія, по выраженію Чубарова, противъ дѣйствія вина.

Послѣ чая Чубаровъ совершенно неожиданно объявилъ намъ слѣдующую пріятную новость:

— Господа,—сказалъ онъ,—я полагаю, что необходимо еще разъ прокатиться на «курчавыхъ». Впрочемъ, будьте покойны: я не велѣлъ имъ давать ни воды, ни овса, ни сѣна; поэтому онѣ голодныя, безсильны и палить больше не будутъ. Ыдемте, господа, ѣдемте.

Что станешь дѣлать? Еще плохо понимая, о чемъ собственно идетъ рѣчь, мы съ Петромъ Петровичемъ дали свое согласіе; что же касается до завѣреній Чубарова, будто «курчавыя» обезсилѣли вслѣдствіе продолжительной жажды и голода, то что-то плохо вѣрилось и совсѣмъ не подѣйствовало на насъ успокоительно, какъ, можетъ быть, полагалъ Чубаровъ. Такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ черезъ минуту мы, какъ и раньше, вышли на крыльцо, и нашимъ глазамъ представилась, увы! прежняя картина. Снова, какъ и прежде, ворота были затворены, и у воротъ стояли мужики; снова нѣсколько конюховъ держали лошадей подъ-узцы и били ихъ палками по носамъ, а онѣ бились попрежнему и грызли удила; снова, какъ и прежде, вся дворня высыпала на дворъ, держась, впрочемъ, на почтительномъ разстояніи. Однимъ словомъ, приходится повторять все сызнова, описывая эту картину и рядъ пережитыхъ нами вновь старыхъ ощущеній. Чубаровъ еще не выходитъ. Изъ дворни долетали до насъ нѣкоторые замѣчанія, въ родѣ слѣдующаго:

— Ну, ужъ и баре, неча сказать! Затѣйники, право слово, затѣйники!..

А затѣйники, между тѣмъ, уже сидѣли на долгушѣ, крѣпко уцѣпившись, что есть силы, за ея спинку. Петръ Петровичъ былъ мраченъ, я себя чувствовалъ тоже не особенно весело. «Чѣмъ-то вся эта затѣя кончится?—думалъ я тѣмъ временемъ,—такъ ли благополучно, какъ и раньше, или нѣтъ?»

Затѣмъ явился Чубаровъ, сѣлъ въ долгушу, далъ знакъ, и мы снова понеслись, какъ птицы, такъ что захватывало духъ. Нечего, разумѣется, и говорить о томъ, что силы «курчавыхъ» отъ продолжительной голодовки не только не убавились, а, казалось, удесятирились. Не обращая уже никакого вниманія на пыль, забивавшуюся и въ ротъ и въ глаза, на камни и куски засохшей грязи, сыпавшіеся мнѣ безпрестанно на голову, я думалъ только о томъ, какъ бы упасть половчѣе, поудобнѣе. Опасенія мои, конечно, были вполне основательны, чему доказательствомъ служить то, что я, менѣе чѣмъ черезъ минуту послѣ нашего выѣзда, лежалъ на землѣ. На этотъ

разъ я упалъ въ канаву, но отдѣлался незначительными ушибами; сравнительно больше пострадалъ Петръ Петровичъ, который отдѣлался еще дешево, только благодаря тому счастливому обстоятельству, что твердыхъ частей тѣла у него и не оказалось. Между тѣмъ Чубаровъ просто изъ себя выходилъ:

— Это чортъ знаетъ, что такое!.. кричалъ онъ съ негодованіемъ.— Вѣдь какъ надули, проклятыя!.. Ну, ужъ и задамъ же я имъ!..

Снова, какъ и раньше, выбѣжали лакеи со щетками въ рукахъ, а вслѣдъ за ними подѣхала коляска, доставившая насъ обратно въ усадьбу. Чубаровъ всю дорогу ругалъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, «курчавыхъ», Сапожниковъ охалъ, я молчалъ.

Когда мы вернулись назадъ, Чубаровъ предложилъ посмотреть «ремонтныхъ» лошадей. Приказано было провести ихъ передъ нами. Лошади были одно заглядѣнье. Я спросилъ Чубарова, во что обходится казнѣ приобрѣтеніе подобныхъ лошадей. Онъ только улыбнулся и объяснилъ мнѣ, что ремонтерами назначаютъ исключительно богатыхъ людей, желающихъ освободиться отъ полковой лямки и отъ всякой зависимости со стороны начальства; зато, получивъ подобное назначеніе, они обязаны приобрѣтать «отличныхъ» лошадей, хотя бы для этого потребовалась значительная приплата изъ собственнаго кармана.

Полюбовавшись на ремонтныхъ лошадей, мы отправились въ большой и тѣнистый садъ, прилегавшій къ господскому дому, съ искусно и красиво разбитыми клумбами цвѣтовъ и оранжереями. Тамъ гуляли мы, пока не стемнѣло, а затѣмъ Чубаровъ пригласилъ насъ ужинать.

Когда мы кончили ужинать, Чубаровъ сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Завтра, дорогой Василій Сергѣевичъ, мы рано утромъ уѣзжаемъ... Вы оставайтесь здѣсь у насъ, будьте какъ у себя дома и спрашивайте, чего только ни пожелаете: всѣ ваши приказанія будутъ исполнены немедленно. А на прощанье надо выпить еще разъ «замороженнаго».

Подали шампанское.

Когда стаканы были налиты, я всталъ и сказалъ слѣдующее:

— Позвольте мнѣ, дорогой Алексѣй Ивановичъ, поблагодарить насъ за то искреннее радушіе и расположеніе, какое проявили вы по отношенію ко мнѣ въ теченіе столь короткаго времени. Будьте увѣрены, что воспоминаніе о такомъ вашемъ радушномъ приѣмѣ никогда не изгладится изъ моей памяти.

— А я,—отвѣчалъ мнѣ Чубаровъ,—душевно буду радъ снова увидѣть васъ, въ высшемъ чинѣ, у себя въ Петербургѣ и тамъ вспомнить этотъ рѣдкій день въ жизни, такъ пріятно проведенный мною съ вами, точно съ давнишнимъ, старымъ и хорошимъ другомъ.

— А меня, прошу васъ,—прибавилъ съ своей стороны Сапожниковъ,—по приѣздѣ вашему въ Москву навѣстить въ моемъ домѣ,

на Мясницкой, гдѣ насъ встрѣтятъ, какъ лучшаго изъ моихъ друзей и знакомыхъ.

Дѣйствительно, на другой день, чуть свѣтъ, Чубаровъ тронулся въ путь, а съ нимъ вмѣстѣ уѣхалъ и Сапожниковъ. Длинная вереница экипажей потянулась по дорогѣ: Чубаровъ всегда бралъ съ собою нѣсколько лакеевъ, поваровъ, походную кухню со всѣми принадлежностями, занимавшую особый фургонъ, и бралъ, сверхъ того, рѣшительно все, что только могло понадобится въ дорогѣ, чтобы избавить себя отъ необходимости приобретать «покупное». Мясо, впрочемъ, должно быть, составляло исключеніе, хотя дичь и домашнюю птицу взяли въ большомъ количествѣ на дорогу.

Когда, въ это утро, я вошелъ въ столовую, то не нашелъ тамъ никого, кромѣ старушки, отвѣчавшей на мой поклонъ, какъ и прежде, глубокимъ реверансомъ. На этотъ разъ, замѣтивъ, что я не курю, она спросила, отчего я не курю сегодня. Я отвѣчалъ, что папиросы у меня всѣ вышли, въ деревнѣ табаку достать негдѣ, но что я скоро надѣюсь быть въ Ярославлѣ. Тогда она, не говоря ни слова, пошла въ сосѣднюю комнату и, вернувшись оттуда съ цѣлымъ нераскупореннымъ ящикомъ дорогихъ «чубаровскихъ» сигаръ, подала его мнѣ и прибавила при этомъ:

— Это вамъ подарокъ отъ Алексѣя Ивановича. Онъ убѣдительно просилъ меня передать вамъ эти сигары.

Мнѣ, конечно, оставалось только благодарить ее и отсутствующаго хозяина, продолжавшаго и послѣ своего отъѣзда выказывать по отношенію ко мнѣ свою любезность и предупредительность.

Черезъ недѣлю работы мои въ обоихъ имѣніяхъ Чубарова были окончены, и я уѣхалъ въ Ярославль.

В. С. Мышецкій.

